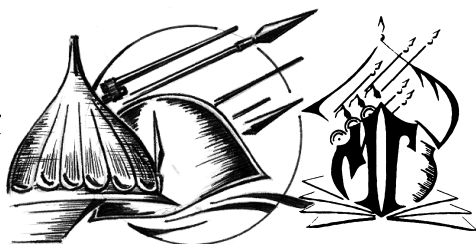

Россия, Русь! Храни себя, храни!

10
2025

Союз писателей России

**Ежемесячный литературно-художественный
и общественно-политический журнал**

Основан в 1922 году

В НОМЕРЕ:

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

- Валентин КАТАСОНОВ. Внедрение мультикультурализма ... 3**
Сергей РАТМИРОВ. Судьба XX века 96
Сергей СИДОРЕНКО. О преодолении распада 168

ПРОЗА

- Иван ГРИШАНОВ. Я выросел на войне.**
Воспоминания ветерана 15
Валерий ФАТЕЕВ. Водозабор. Повесть 119
Эвелина АЗАЕВА. Похитители спокойствия. Рассказ 190

ПОЭЗИЯ

- Александр ПОТАПОВ. Есенинское эхо. Стихи 81**
Андрей ПОПОВ. Прижимается память к земле. Стихи 91
Ольга КОРЗОВА. Я косила осиновый лес. Стихи 156
**Екатерина ГРУШИХИНА. Над лепестками
вечною огня. Стихи 162**
Вера КЛИМКОВИЧ. Чтoб утихли раны твои. Стихи 196
Татьяна МАКСИМЕНКО. Сoпротивление воды. Стихи 200

ПАМЯТЬ

- Лина МКРТЧЯН. «О Родина,
счастливый и неисходный час!» 204
Владимир ХОМЯКОВ. Песнь из грядущего 211

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

- Евгений ВЕРТЛИБ. Иван Грозный —
геополитик и стратег 216
Евгений ЕВТУШЕНКО. Сталин и антисистемы 222

УРОКИ ИСТОРИИ

- Валерий ГАБРУСЕНКО. Красный Крым 239
Андрей АНТОНОВ. Ленд-лиз для Гитлера 243

РУССКИЙ МИР

- Андрей СОШЕНКО. На пороховой бочке 249

РУССКИЙ ВОПРОС

- Михаил КУЛЕШОВ. Корень зла 258

ЛИЧИНЫ ДЕМОКРАТИИ

- Андрей СОШЕНКО. Как с гуся вода 265

ВЫЗОВЫ ВРЕМЕНИ

- Евгений ВЕРТЛИБ. Народ или «пизанцы»? 272
Николай БОНДАРЕНКО. Как подбирают кадры? 277
Мария ДЕГТЯРЁВА. Сатанистам неймётся 279

ЗАМЕТКИ ПИСАТЕЛЯ

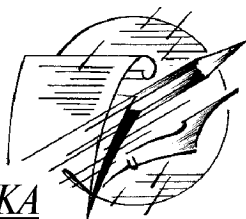
- Валерий ХАТЮШИН. Протуберанцы.
Размышления и воспоминания. Продолжение 283

ВНЕДРЕНИЕ МУЛЬТИКУЛЬТУРАЛИЗМА

1

Пола Крейга Робертса многим российским гражданам особо не надо представлять. Но все-таки напомним, что он известный американский экономист, политический и экономический обозреватель. Бывший помощник по экономической политике министра финансов США в администрации Рональда Рейгана. Автор многих книг. Одна из них была переведена на русский язык и издана у нас: «Как Америка была потеряна: от 11/09 к полицейскому государству» (М.: Кучково поле, 2016).

Со времен президента Джорджа Буша-младшего он занял жёстко оппозиционную позицию по отношению к внутренней и внешней политике Белого дома. В последние годы Пол Робертс всё чаще говорит и пишет о том, что Америка стремительно движется к своему краху. Может быть, даже к распаду страны на части. По крайней мере, к утрате своего статуса сверхдержавы. Впрочем, кризис переживает не только Америка, но и весь Запад, который, по его мнению, также движется к краху. Занимает пророссийскую позицию, считая, что только Россия может остановить движение всего человечества к глобальной катастрофе.

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

Уже многие годы ведет сайт «Пол Крейг Робертс. Институт политической экономии». Одна из постоянных тем его публикаций на сайте и в СМИ — иммиграция в США и другие страны Старого Света как угроза западной цивилизации. Только за последние два года я насчитал не менее двух десятков публикаций Пола Робертса, непосредственно посвященных данному вопросу.

Вот, например, статья от 20 мая прошлого года *White Ethnicities Are Being Replaced* («Белые этнические группы вытесняются»). Мысль автора предельно проста: искусственно стимулируемая иммиграция граждан Азии, Африки и Южной Америки ведет к тому, что цветные вытесняют белое население Америки. «Белая» Америка скоро станет «цветной» и потеряет свою культурную идентичность. Пол Робертс в своих публикациях по темам иммиграции, вытеснения иммигрантами коренного населения стран Старого и Нового Света и постепенной утраты Западом своей культурной идентичности часто ссылается на роман-антиутопию французского писателя Жана Распаля «Лагерь святых» (1973 г.). То, что рисует в этом романе француз, по мнению комментаторов, круче, чем то, что сказано в «Майн кампф» Гитлера.

Так вот Пол Робертс отмечает, что в указанном романе европейцам запрещено вступать в брак с представителями своей белой расы. В американской версии романа белых молодых людей просто стерилизуют посредством операций по смене пола. Американские федеральные суды установили порядок, лишаящий родителей возможности влиять на стерилизацию своих детей. Несмотря на эту безжалостную тиранию, Америка продолжает считать себя свободным обществом.

Пока еще этот сценарий, как отмечает Пол Крейг Робертс, не реализовался. Но дискриминация белого населения Америки налицо. Она осуществляется под лукавым лозунгом BLM (Black Lives Matter — «Жизни чёрных имеют значение»). Так называется движение, которое родилось в Америке летом 2013 года. Принудительной стерилизации белых учащихся в американских государственных школах пока еще нет, но они подвергаются принудительной идеологической обработке. Они должны чувствовать свою вину перед небелыми людьми, во всём им уступать, создавая всевозможные преференции.

А преференций небелым с каждым годом всё больше. Закон о гражданских правах 1964 года запрещает какую-либо дискриминацию по национально-расовому признаку при трудоустройстве. А что на самом деле? Комиссия США по

равным возможностям при трудоустройстве, федеральное агентство, проигнорировавшее положения закона о гражданских правах и введшее незаконные и неконституционные расовые квоты в ущерб белым американцам, требует от компаний со 100 и более сотрудниками ежегодно сообщать о расовом составе своей рабочей силы. Агентство Bloomberg News получило данные за 2020 и 2021 годы и обнаружило, что 94% из 323 094 новых рабочих мест, созданных компаниями, достались чернокожим. В этой связи Пол Робертс пишет: *«Через несколько лет в Америке не останется места для белого человека. У них украли страну. Белые американцы — граждане второго сорта, не защищенные Законом о гражданских правах 1964 года»*. Нарушается не только закон, но также Конституция Соединенных Штатов: *«Положение о равной защите, предусмотренное 14-й поправкой, больше не распространяется на белых. Корпорации (а также университеты и армия США) могут открыто дискриминировать белых американцев, и с этим ничего не делается. Утрата конституционной защиты — первый шаг к истреблению (белого населения. — В.К.)»*.

Указанная статья писалась еще в то время, когда в Белом доме пребывал Джо Байден, проводивший в жизнь политику демократической партии, которая особенно старается утешить белых американцев. Пол Робертс отмечает, что при Джо Байдене был полностью включен «зеленый свет» для въезда в Америку мигрантов из стран третьего мира. Также они добились увеличения бюджетных ассигнований для проплаты такого въезда и последующего пребывания в Америке иммигрантов. Белые американцы как налогоплательщики вынуждены оплачивать инициативы демократов по замещению коренного населения мигрантами. Въезжают в Америку не только те, кто квалифицируется как «рабочая сила», но также так называемые беженцы. Америка становится прибежищем для всех тех, кто считает себя жертвой преследований со стороны недемократических режимов в своих странах. Иммигранты полюбили статус «беженца», так как он позволяет жить в Америке за казенный счет, даже не трудясь. Иммигранты прибывают в Америку из 160 стран мира. Их особенно много в так называемых голубых штатах (там, где у власти находятся демократы). Но при Байдене стала заметна тенденция к тому, чтобы новые партии мигрантов направлять в «красные» штаты (там, где доминируют республиканцы). Пол Крейг Робертс резюмирует названную преступную политику демократов следующими словами: *«Это делают с американцами — и с европейцами — их собственные белые ли-*

деры, а не чернокожие или предполагаемые враги Запада — русские, китайцы и иранцы».

А вот статья Пола Робертса от 8 августа нынешнего года: «Как чернокожие и иммигранты-захватчики обрели расовые привилегии и иммунитет к закону». Опять в ней говорится о нарушении Закона о гражданских правах 1964 года и Конституции США. В статье перечисляется множество конкретных видов нарушений, проявляющихся в расовой дискриминации белых американцев. Иммигранты-захватчики (к ним Пол Робертс относит не относящихся к белой расе мигрантов) получают законные привилегии, которых нет у белых граждан (в том числе их не получают многие белые иммигранты). Их содержание за государственный счёт, такое как жильё, питание, медицинское обслуживание и выдача наличных по дебетовым картам, важнее помощи ветеранам армии США, ночующим на улице. А вот вообще вопиющий факт, о котором пишет Пол Робертс: *«В ряде политических юрисдикций демократов нелегальным иммигрантам разрешено служить в полиции и арестовывать американских граждан. Каково это, дорогой американец, быть арестованным нелегальным иммигрантом, которому демократы помогли пересечь границу?»*

В этой статье Пол Робертс пишет, что похожие безобразия творятся и в Старом Свете. Он приводит пример: во Франции мужчина недавно был приговорён к тюремному заключению за сожжение Корана, священного текста ислама. По законам шариата это деяние является богохульством. Но не по французским законам. Поэтому теперь Франция применяет к французам нормы шариата. Полиция в Европе сквозь пальцы смотрит на нарушения закона и даже откровенные преступления, совершаемые иммигрантами-захватчиками (это термин, который Пол Робертс применяет ко всем небелым иммигрантам как Старого, так и Нового Света). Автор, в частности, пишет: *«В нескольких европейских странах, особенно в Англии, Швеции и Германии, иммигранты-захватчики получили фактическое право насилловать белых женщин, включая маленьких детей, практически не неся за это никакой ответственности. Мусульманские иммигранты-захватчики не только заменили христианские церкви мечетями, но и устанавливают применимость мусульманского права и культурных норм».*

И Пол Робертс задается вопросом: как Запад дошел до такой жизни, вернее, подошел к своей гибели? И считает, что главную роль в этом сыграло и продолжает играть образование. Оно перепрограммирует сознание белых европейцев и

белых американцев. Детей и молодежь заставляют ненавидеть свою историю и даже старшее поколение ныне живущих европейцев и американцев. Мол, всё прошлое — сплошной расизм. Что-то очень похожее на то, как после Второй мировой войны новые поколения немцев заставляли и продолжают заставлять каяться в том, что третий рейх организовал холокост. И не только каяться, но также выплачивать Израилю миллиардные репарации, за счет которых еврейское государство, в свою очередь, стало проводить политику холокоста в отношении палестинцев. Вот что пишет Пол Робертс о разрушительной роли американского и всего западного образования: *«В современных американских государственных школах, особенно в юрисдикциях демократов, восьмилетним белым детям внушают, что они сами, их родители и их бабушки с дедушками — расисты. Именно этим весь западный мир и занимался 75 лет — разрушал сам себя. В результате сегодня белые этнические группы преклоняются перед цветными, которым внушили, что они несправедливы, и которым они, как им кажется, подчиняются».*

В своей статье Пол Робертс даёт ссылку на статью Дональда Джеффриса от 8 августа нынешнего года «Черная усталость и еврейское превосходство. Ругательства и извинения на параде». Пол Робертс очень рекомендует читателям ознакомиться с упомянутой статьей. Я ознакомился. Действительно, очень глубокое исследование о том, кто организует и раздувает на Западе настроения в духе ВЛМ. Приведу лишь небольшой фрагмент: *«Одной из белых групп, финансирующих движение Black Lives Matter, руководит Демократический альянс, за которым стоит бездонный кошелек известного нехристианина Джорджа Сороса. Демократический альянс был основан Робом Стайном, который не был католиком...»*

Последняя статья Пола Робертса по рассматриваемой теме была опубликована на его сайте 22 августа: «Больше войны на этом пути». Здесь он начинает свой разговор с Британии, которая, кажется, дальше других европейских стран зашла в замещении коренного белого населения иммигрантами-захватчиками: *«Мигранты имеют некий юридический статус, при том что сам их въезд в страну не является законным. Попробовал бы любой белый человек въехать в Великобританию да и в любую другую европейскую страну без паспорта, без визы и без видимых источников дохода! А вот почему-то иммигрантам-захватчикам это разрешено».*

Примерно такой же была ситуация в США. Трамп в первый срок своего пребывания в Белом доме пытался как-то ограничить бесконтрольный въезд иммигрантов-захватчи-

---

ков, но демократы ему помешали: *«Демократы не позволили президенту Трампу во время его первого срока закрыть границу с Мексикой. Режимы Обамы и Байдена не только оставили границу открытой, но и использовали деньги налогоплательщиков для вербовки иммигрантов-захватчиков и финансирования их вторжения в Америку»*. Демократической администрацией Джо Байдена были запущены «программы предоставления убежища». Фактически это были коммерческие операции, на которых наживались американские бизнесмены, создававшие предприятия по содержанию иммигрантов-захватчиков за счет налогоплательщиков.

Британия, видимо, идет несколько впереди Америки в деле завоевания иммигрантами этих стран. Англичане, наконец, проснулись и начали протестовать против этого завоевания. Особенно много протестов в местах большого скопления иммигрантов. *«Продолжающиеся и растущие изнасилования и преступления наконец спровоцировали восстание в ряде британских общин»*. Британские власти на эти протесты прореагировали очень своеобразно: они стали предпринимать меры по более равномерному распределению иммигрантов-агрессоров по территории островов Туманного Альбиона: *«Правительство Великобритании вынуждено теперь расселять большое количество молодых мужчин-мигрантов, скопившихся в отелях, по более обширным территориям. Для этого правительство Великобритании пытается реквизировать тысячи жилых домов, чтобы рассредоточить иммигрантов-захватчиков и сделать их менее заметными, чтобы не резала глаз их нынешняя концентрация. Арендная плата, коммунальные услуги, муниципальный налог и ремонт будут оплачены налогоплательщиками»*.

Пол Робертс в статье иронизирует: Лондон более озабочен защитой границ Украины от «агрессивной» России (финансируя эту защиту), чем защитой собственных границ от иммигрантов-захватчиков.

Пол Робертс затрагивает тему деструктивной роли западного образования: в университетах и школах говорят постоянно о расизме, но уже ничего не говорят о том, что такое европейская (шире — западная) цивилизация: *«Десятилетиями белых осуждали в университетских аудиториях как расистов и эксплуататоров. В последнее время эти обвинения проникли и в начальную школу. Утвердительные заявления в поддержку западной цивилизации исчезли из западного образования»*.

Вся эта политика «продажных» и «глупых», по выражению Пола Робертса, властей Запада называется политкор-

---

ректным термином «мультикультурализм»: *«Сегодняшняя программа — мультикультурализм, то есть замена белых ценностей и белой культуры некой вавилонской башней. Именно в это превратились все европейские страны, Великобритания, Канада и США. Вавилонская башня не может быть единой и не имеет общей цели. Именно эти вавилонские башни теперь противостоят трём могущественным странам с гораздо более однородным населением и, возможно, достаточной уверенностью в себе, чтобы сопротивляться»*. Правда, Пол Робертс не назвал упомянутые выше «три могущественные страны». Но не трудно догадаться, что он имел в виду Китай, Индию и Россию.

(Россия движется к точно таким же тенденциям. — Ред.).

2

В Европе XX века проживало уже немало мигрантов. Если не брать период Первой и Второй мировых войн, то мигрантами были граждане других стран, которые приезжали на заработки и находились на территории соответствующей европейской страны в течение срока контракта, заключенного с работодателем. Т.е. имела место так называемая трудовая иммиграция. Были, конечно, нерезиденты, которые просили в Европе политического убежища, и некоторые заявки таких иностранцев удовлетворялись. Но количество «политических» иммигрантов в Европе было ничтожно малым на фоне показателей трудовой иммиграции.

Характер иммиграции в Европу резко изменился ровно десять лет назад. В 2015 году в Сирии разразился военно-политический кризис, который привел к бегству из страны миллионов сирийцев. Уже на начало июля 2015 года Сирию покинули около 4 миллионов человек. К концу года число беженцев увеличилось до 6 миллионов. Основным пристанищем для них стали Турция (около 3 миллионов) и некоторые соседние страны (особенно Ливан).

Европа пристально следила за событиями в Сирии. Тем более что часть сирийских беженцев пыталась со стороны Средиземного моря на лодках, катерах и небольших кораблях попасть в страны Южной Европы — Грецию, Италию, Францию, Испанию. Надо было срочно решать, что делать с такими беженцами. Вопрос решался на уровне Брюсселя (Европейского союза). Упомянутые выше европейские страны, особенно Италия, были против того, чтобы на их территориях проживало такое большое количество сирийских беженцев. Брюссель решил, что все страны ЕС должны взять на себя обязательства принимать беженцев по согласованным

квотам. Особо активно в пользу принятия всех без исключения беженцев выступила тогдашний канцлер Германии Ангела Меркель. И она объявила, что Германия готова взять на себя основное бремя по приему и размещению беженцев. Беглецы были несказанно рады, ведь уровень жизни в Германии был одним из самых высоких в ЕС, и они рассчитывали, что им тоже что-то достанется от немецкого «пирога».

25 августа 2015 года Германия дала зеленый свет на въезд беженцев из Сирии, которых оказалось около 1 млн. человек. 31 августа 2015 года Ангела Меркель на пресс-конференции заявила, что прием и размещение беженцев должно стать новой национальной задачей Германии. Она произнесла фразу: *Wir schaffen das!* («Мы справимся с этим!»), которая стала лозунгом новой миграционной политики Германии. Первые железнодорожные составы с беженцами стали прибывать в Мюнхен и другие немецкие города в первых числах сентября.

Но дальше в Европе начались проблемы. Беженцы, прибывавшие по квотам в другие страны ЕС, почему-то не хотели там оставаться и перемещались в Германию, где им, судя по всему, было более комфортно и сытно. Пришлось вводить контроль на границах стран-членов ЕС (о котором европейцы уже успели забыть).

Некоторые страны-члены ЕС категорически отказались выполнять требования о приеме беженцев. Прежде всего — Венгрия. Виктор Орбан 3 сентября 2015 года назвал политику Меркель самоубийством Европы. Почему-то и толерантная к мигрантам Британия, которая тогда была членом ЕС, негативно отнеслась к решению ЕС о включении зеленого света для беженцев. Эксперты говорят, что несогласие Лондона с таким решением Брюсселя стало одной из причин начавшегося вскоре процесса выхода Британии из Европейского союза (Брексит).

За год мигрантов-беженцев успело въехать во все страны ЕС 1,3 млн. и почти столько же (1,16 млн.) прибыло в течение следующего 2016 года. Итого за два года почти 2,5 миллиона. Кстати, согласно некоторым данным, примерно лишь 1,5 миллиона беженцев были из Сирии. Оставшийся миллион прибыл из иных стран — Афганистана, Ирака, Йемена и др. Дело в том, что решения, принятые Брюсселем по миграционным вопросам в 2015—2016 гг., распространялись не только на сирийцев, но и беженцев из любых стран. В том числе из Латинской Америки (особо много их стало прибывать в Старый Свет из Венесуэлы).

Конечно, беженцы перераспределялись между странами-членами ЕС отнюдь не так, как предписывалось квотами. А

так, как хотели сами беженцы. А хотели они попасть в наиболее богатые страны, особенно в Германию. Европа хотела снизить приток мигрантов, пытаясь договориться с Турцией, которая и без того взяла на себя примерно половину всех сирийских беженцев в 2015 году. Но Брюссель желал, чтобы для беженцев конечной станцией была именно Турция. Для этого Брюссель обещал Турции 3 млрд. евро помощи, а также скорое вступление в ЕС. Оба обещания не были выполнены.

В 2015—2016 гг. Германия в Европе стала основным пристанищем беженцев. Дальше их приток в страну продолжился, но не такими ударными темпами. Однако более чувствительным, чем для Германии, фактор беженцев оказался для таких стран, как Австрия и Швеция. Они были для мигрантов не менее привлекательны, чем Германия. А поскольку численность населения указанных государств составляет 9 и 10 млн. жителей соответственно, то относительная миграционная нагрузка для них оказалась существенно большей, чем для Германии.

Приток беженцев в Старый Свет в 2015—2016 гг. впоследствии стали называть миграционным кризисом Европы. Почему кризисом? Потому что этот приток породил серьезные последствия для Европы. В районах с высокой концентрацией мигрантов местные жители всё чаще сталкиваются с неприятием европейских ценностей. Стал наблюдаться рост этнических анклавов, где законы принимающей стороны стали уступать традициям и нормам беженцев. Стала расти преступность (кражи, грабежи и сексуальные преступления с участием выходцев из мусульманских государств). Стали расти бюджетные расходы на социальные пособия, жилье и программы адаптации. Но адаптации не происходит. За десять лет, согласно разным источникам, только примерно половина беженцев трудоустроилась, остальные продолжают пользоваться социальными пособиями.

Рождаемость среди мигрантов выше, чем среди коренного населения Европы. Поэтому численность этнических анклавов будет расти даже без притока новых беженцев. В конечном счете, европейцы всё более критически относятся к миграционной политике своих правительств и Брюсселя. Наблюдается рост популярности правых и ультраправых партий, требующих ужесточения миграционной политики.

Новая волна мигрантов в Европу началась в 2022 году. Речь идет о беженцах с Украины. Их к сегодняшнему дню даже больше, чем беженцев из Сирии и других стран Ближнего Востока, Азии и Африки. По сути дела, Старый Свет столкнулся со вторым миграционным кризисом. По данным Уп-

---

равления Верховного комиссара ООН по делам беженцев (УВКБ) на апрель 2025 года, на территории всей Европы находились 6,36 млн. украинских беженцев. Больше всего украинских беженцев в Германии — 1,24 млн. человек. Весной нынешнего года, согласно моим оценкам, украинских и всех остальных беженцев в Европе было не менее 11-12 миллионов.

Точной статистики численности беженцев в Европе и отдельных европейских странах я не встречал. ООН ведет статистику международной миграции. Из нее видно, что даже без беженцев мигрантов в Старом Свете из стран с другими культурами очень много.

Согласно данным ООН, на середину прошлого года в Европе численность мигрантов составила 94 миллиона человек (31,2% от общей численности международных мигрантов в мире). Это, конечно, в первую очередь те, кого называют «трудовыми мигрантами». Это те, кто приехал на заработки в Старый Свет. Вторая группа — беженцы. На них приходится до 15% общей численности иммигрантов в Европу. Есть еще нелегальные иммигранты, но они в статистику ООН не попадают. Но даже трудовые мигранты стали серьезной проблемой для Европы. Конечно, им не надо платить социальные пособия, они вроде бы «самодостаточны». Но они не желают адаптироваться к местным условиям, живут в анклавах, приезжают в Европу со своими семьями. В этих анклавах высокая рождаемость, а дети автоматически получают европейское гражданство. Дети вырастают и на основе действующих в Европе законов берут престарелых родителей с иностранным гражданством на попечение. Диаспоры иммигрантов быстро растут и пускают глубокие корни в странах пребывания.

Численность населения Старого Света — 745,1 млн. человек. Получается, что относительный уровень присутствия мигрантов в Европе — 12,6%. Но приведенная цифра — «средняя температура по госпиталю». Ведь в Европе полсотни государств. Между прочим, в Восточной Европе относительный уровень присутствия мигрантов в целом намного ниже, чем в Западной. Среди восточноевропейских стран больше всего мигрантов в Польше — 1,74 млн. Но показатель уровня присутствия мигрантов намного ниже общеевропейского — 4,5%. В Болгарии этот показатель — 4,4%. А у Венгрии — один из самых низких в Европе — 2,6%. На указанные три страны пришлось всего 2,4% общего числа мигрантов в Европе.

Основная часть мигрантов сосредоточена в Западной Европе, прежде всего в Европейском союзе. Среди стран мира на втором месте по численности мигрантов находится Герма-

---

ния — 16,75 млн. За Германией в Европе следует Франция — 11,99 млн. Далее: Великобритания — 11,86 млн., Испания — 8,87 млн., Австрия — 7,11; Италия — 6,55 млн. На указанные шесть стран, которые все являются членами Европейского союза, пришлось 63,13 млн. мигрантов. Это более 2/3 всех мигрантов во всей Европе на середину прошлого года. А теперь назову величину показателя присутствия мигрантов в указанных странах (% к общей численности населения страны): Германия — 19,8; Франция — 17,2; Великобритания — 17,1; Испания — 18,5; Австрия — 30,1; Италия — 11,0. Для сравнения: по США этот показатель составляет 15,2%. Как видим, у всех этих стран, кроме Италии, относительный уровень присутствия мигрантов выше, чем в США. И особенно высокий он у Австрии.

В группе экономически развитых стран самый низкий показатель у Японии — 2,8%. Страна Восходящего солнца выставляет серьезные барьеры для мигрантов и уж тем более для беженцев. Из крупных стран в целом по миру самый низкий показатель у Китая и Филиппин — всего 0,1%. Единственная страна с нулевым показателем — Куба. А в России ООН оценила уровень присутствия мигрантов на середину прошлого года в 5,3%.

Вернусь к Европе. Относительный уровень мигрантского присутствия на уровне отдельных городов уже приближается к половине. А кое-где уже перевалил через 50%. По данным на август 2025 года, по информации INSEE и ONS, крупнейшая доля мигрантов зафиксирована в столице Бельгии и административном центре Европейского союза — Брюсселе — около 74%. Далее идут Франкфурт (51,8%), Нарва (51%), Париж (46,2%), Женева (45,2%) и Мальмё (45,5%). Впрочем, в целом ряде других европейских городов показатели выше, чем в целом по Европе, в несколько раз: в Лондоне — 40,6%, в Вене — 31,3%, в Мадриде — 22,2%, в Милане — 22,1%.

Все эти цифры — индикаторы «заката Европы», о котором столетие назад писал немецкий философ Освальд Шпенглер в своем фундаментальном труде «Der Untergang des Abendlandes» («Закат Запада»). Сегодня о «закате Европы» уже в открытую говорят и в самой Европе. Особенно правые и ультраправые политики. Одним из значимых проявлений такого заката может стать, по их мнению, развал Европейского союза. Такой развал может произойти в результате одновременного действия нескольких факторов:

1) экономического ослабления Европы в результате антироссийских санкций (они оказались более антиевропейскими, чем антироссийскими);

---

2) курса на резкое повышение военных расходов, что еще более может подорвать европейскую экономику;

3) усиления разногласий среди членов ЕС относительно политики Евросоюза в отношении США, Украины, России, а отчасти также Израиля.

Но миграционный кризис неизменно включается экспертами в список самых главных факторов, расшатывающих Европейский союз. Кажется, в этом году некоторые европейские политики и государственные деятели очнулись. И пытаются остановить миграционный кризис. Список мер достаточно обширный: ужесточение режима допуска новых беженцев; возвращение беженцев на родину (особенно это касается сирийских беженцев после известных событий в Сирии в этом году); более активное привлечение беженцев к трудовой деятельности (чтобы прекратить выдачу социальных пособий). Также предлагаются ограничения для трудовой иммиграции (без семей и только на срок трудового контракта). Но в первую очередь необходимо покончить с нелегальной иммиграцией. Для чего ужесточается пограничный контроль по внешней границе ЕС. Вместе с тем открытость границ в Шенгенской зоне позволяет мигрантам перемещаться по Европе, не имея порой вообще никаких документов. Границы внутри ЕС надо ставить под контроль. На сессии в Европарламенте в октябре прошлого года премьер-министр Венгрии Виктор Орбан заявил, что Шенгенская зона в ближайшее время исчезнет. Фактически она уже исчезает. А это первый признак грядущего краха Европейского союза.

(Чем эта ситуация в Европе отличается от ситуации в России? — Ред.).

Я ВЗРОСЛЕЛ НА ВОЙНЕ

Воспоминания ветерана

Перед вами, читатель, — воспоминания ветерана Великой Отечественной войны Ивана Ивановича Гришанова, 10—12-летним мальчишкой прошедшего израненные фронтовые поля своей Родины в высоком звании Сына полка. Осиротевший в военное лихолетье мальчишка из орловской глубинки сначала прибил к партизанскому отряду, став его добровольным связным, а затем — в разгар боёв под Курской дугой — стал разведчиком-наблюдателем истребительного противотанкового дивизиона. Позже он был зачислен воспитанником взвода топографов, с которым и прошёл до австрийского города Санкт-Пёльтен, где встретил нашу Победу.

За его спиной — десятки переходов за линию фронта, участие в освобождении Будапешта и Вены, а на его сохранившейся полевой гимнастёрке — боевые награды.

Война неизвлекаемым осколком осталась в памяти ветерана. Все послевоенные годы Иван Гришанов писал стихи и рассказы о том, что видел и пережил на фронте, о тех, с кем воевал плечом к плечу, и о тех, кто остался навечно на полях жестоких сра-

ПРОЗА

жений. Писал «в стол», не веря в свой потаённый писательский дар. Но стихи, а позже и проза нашли свою дорогу к читателям, как и судьба маленького воина — очевидца великой войны — нашла своё место в огромном благодарном потоке солдатских историй, бережно хранимых Музеем Победы на Поклонной горе.

В 2019 г. вышла первая книга фронтового поэта «Я говорю войне: прощай...» Появились подборки стихов в центральной печати, заслуженно поставившие Ивана Гришанова в славную шеренгу фронтовых поэтов.

Небывалый в литературной истории случай — Приёмная комиссия Союза писателей России единогласно приняла в свои ряды Ивана Гришанова, когда ему уже исполнилось 90 лет! Сейчас ему 93 года. И он в 80-й раз встретил праздник своей Великой Победы.

Александр ШКОЛЬНИК,
Директор Музея Победы

КАК ВСТУПЛЕНИЕ

Орловщина — моя родина. Чернозёмная степь со множеством оврагов и балок, травянистых покосов и тихих речушек. И нет здесь высокогорий, с которых можно всё это разглядеть. Зимой, ранней весной и поздней осенью — скучноватое, печальное пустынное поле. Но летом, засеянное пшеницей или рожью, — это настоящее море, по которому неспешным ветром прокатываются золотистые волны хлебов. И над всем этим — звонкий трепет жаворонков. Здесь прошло моё раннее детство. И начиналось оно, и было недолгим, как испытание на выживание. По воспоминаниям старших, в год моего рождения был вселенский голод: умирали люди, у матери пропало от недоедания молоко, и меня кормили соской из хлеба, завёрнутого в тряпицу. От такого меню я страдал животом, орал и не давал никому покоя ни днём, ни ночью. Потому, наверное, был и не очень желаемым в семье, а большую часть времени проводил у бабушки по матери в соседнем селе.

В нашей семье мы, младшие, — я и сестра Оля — в раннем детстве как-то были на отшибе, не признанные родителями отца. Он женился вопреки их воле на красивой, но бедной бесприданнице. Они его ругали за бесхозяйственность и дурацкие шараханья: краснофлотец по комсомольскому призыву, сторонник коллективизации и активист раскулачива-

---

ния. За потерю бдительности — сгорел амбар, где хранились результаты раскулачивания, — он на год угодил в тюрьму. И в деревню не вернулся. Работал в Орле на военном аэродроме и по ложному доносу был расстрелян в посёлке Чкалове Магаданской области.

Мать — само трудолюбие с опорой на старших сына и дочь. Младшую Олю вроде как я должен был опекать, чего не получилось. Похоже, я пошёл в отца со своим шараханьем в поисках того, не знаю чего. И всматриваясь в те годы более чем полувековой давности, я не вижу беззаботного детства, сытого, с играми и учёбой. Наше поколение в мышлениях росло не по годам быстро, а физически приплюснутое голодом и взрослыми заботами, — в основном низкорослое, но выносливое и терпеливое. Жестокая действительность быта, а потом и война диктовали реальные задачи и желания. И пути их осуществления часто были ценой в жизнь. Мы рано стали взрослыми — дети войны. И в подростковую жизнь вводили голодными и злыми.

Моё осознание беспощадной жестокости того времени пришло рано — с репрессии моего любимого родителя. И этот удар был на всю жизнь.

РЕПРЕССИЯ

После того, как отец отсидел год в тюрьме «за потерю бдительности», он уже в село не вернулся, а появлялся наездами из Орла, где устроился плотничать. По вечерам в клубе городка, где проживали строители, он подрабатывал парикмахером (профессия, приобретённая им в тюрьме). К этому времени в семье уже был ещё один ребёнок — моя сестра Оля. Чтобы облегчить матери её семейное бремя, отец забрал меня в Орёл к себе, где ему в бараке выделили маленькую комнатёнку. Там мы и жили. В мои обязанности входило с талоном сходить на общественную кухню, получить в кастрюли обед: первое, второе, хлеб и отнести отцу прямо на стройку. Там мы и ели вместе. На ужин отец что-либо приносил сам. Остальное время моё проходило в общении с ребятнёй этого полувоенного городка из бараков с общежитиями-казармами человек на 100. Но были здесь и «квартирники». Это те, у кого были отдельные комнаты, и они жили семьями — в основном охранники аэродрома, который располагался рядом.

Ребятня была предоставлена сама себе. Летом мы бегали купаться на реку Орлик. И если нас на проходной не выпускали, то мы находили проходы под проволокой, огораживающей городок. А вечером в клубе — бесплатное кино, само-

---

деятельные концерты. После деревни здесь было веселее, и жил я сытнее, в основном без драк, да и познавал много такого, о чём и понятия не имел.

Но всё это продолжалось недолго. Рядом с нашим баракком построили ещё один барак и отгородили его колючей проволокой — тюремный барак. Поставили вышки, на которых всегда были бойцы с винтовками. Они не разрешали разговаривать с арестантами, многие из которых были из наших же «свободных» барачков.

Их сажали за мелкие опоздания, невыполнение плана или по другим, как говорили, неполитическим нарушениям. Они под конвоем выводились рано утром на тот же аэродром, где работали и до этого, и возвращались под конвоем вечером. С этого началась пора какого-то беспокойства: дни стали серыми, люди — хмурыми, и даже всегда весёлый раздатчик обедов тоже перестал с нами шутить. А потом он и вовсе исчез. «Дошутился до воронка» — так говорили люди. И мы, дети, уже знали, что воронок — это крытая серая машина, которая приезжает ночью и забирает «врагов народа» в настоящую тюрьму, где их судят, ссылают, а то и расстреливают. Мы стали бояться ночных машин.

Как-то ночью сквозь сон я подслушал разговор моего отца и военного, которого я не видел и не знал. Говорили они в темноте. Отец горячился: «Что же это такое пошло, что люди друг друга оговаривают? Мы ж все за власть Советов. Что ж так: один вякнул незнамо что, а трое слушают это, как чистую правду, и хватают тебя, как врага?»

Военный ему сказал: «Ваня, у меня тоже дети. И я, как все, на гвозде сижу. И к тебе пришёл на два слова, как к другу. Отправляй сынка в деревню. Как можно шибче. Лучше завтра утром, а еще лучше — отнеси прямо сейчас к Лушке, пусть она попуткой отправит его в Кромы, а оттуда до деревни доберётся сам. Он у тебя, шкет, смьшлёный. Понимаешь, Ваня, твой воронок уже под парусами». Военный встал и ушёл.

Я слушал и не понимал разговора. Как можно сидеть на гвозде и зачем воронку паруса, ведь у него есть и колёса, и мотор? С тем и заснул, а проснулся уже у тётки Луки, уборщицы барачков, доброй и своей для всех.

Её дети давно выросли и разлетелись, и она столько вынянчила малышей в городке, что детсад бы набрался. Со слезами на глазах она сытно накормила меня, дала ещё узелок с харчем в дорогу. Было темно, но она — не через проходную — вывела меня на шоссе, остановила подводу, которая ехала по направлению к Кромам, что-то долго говорила вознице, а затем посадила в телегу и пыталась расплатиться. Возница

отвел её руку в сторону: «В такой-то беде тебе надо подавать», — тронул коней, сбросил с себя фуфайку и велел мне накрыться ею и не высовываться. В телеге были плуги и бороны, холодные и колкие.

Как я добирался до села из Кром, помню смутно. Знаю, что на телеге я доехал до Кром, возница накормил меня в столовой и сказал, что теперь наши пути расходятся. Он при этом в столовой многих спрашивал, нет ли кого, кто идёт или едет в направлении моего села. Но таких не оказалось. И напоследок он мне дал совет — идти по деревням, а не по «большаку» — большой дороге. «В деревне человеку не дадут пропасть. Иди и к ночи просись на ночлег. Откажут — ищи хлев. В хлеву не замёрзнешь. Где скот, там всегда тепло», — сказал он на прощание. И мы разошлись. Он поехал по делам колхозным, а я пошёл по дороге, которую он мне указал.

Должно быть, шёл я долго, больше двадцати пяти верст по деревням. Где-то мне было хорошо, я оставался на какое-то время, заигрывался с местной ребятнёй и забывал, что мне надо идти. Эта ребятня меня и подкармливала, и ночлег находила. Но случалось мне и драться, и убегать, и слышать оскорбительное «побирушка», «безотцовщина». Ночевал я и в колхозном хлеву. Там было действительно тепло, и коровий бок грел, как неостывающая деревенская печка.

Но когда я в темноте попытался ещё и полакомиться молоком, то корова очень больно лягнула меня, и я заорал. Сторож с фонарём быстро отыскал меня, обругал матерно, схватил за плечо и притащил в свою загородку. Был этот человек бородат, на правой щеке шрам до самого уха, а пальцы на руках как-то торчали в разные стороны. «Что испугался? Я не чёрт, но на чёрта, однако, похож, — сказал он, задвигая меня в угол скамейкой, чтобы я не нырнул в темноту хлева. — Теперь говори: кто такой, что здесь делаешь и есть ли у тебя, паршивец, дом?» — продолжил он, усевшись на скамью напротив меня.

«Дома нет. Я только иду домой в деревню», — сказал я. «А где мать, отец? Где родные-то твои?» — допрашивал меня сторож. Этому «похожему на чёрта» мне не терпелось что-нибудь соврать, разжалобить его. Но я страшился. И сказал так, как я все свои последние мытарства понимал и воспринимал.

Я правдиво, но с долей фантазии и гордости рассказал, что отец уплыл на воронке под парусами куда-то далеко, а тетя Луша — уборщица в казарме — меня разбудила и велела идти домой в деревню. Идти самому, потому что провожатых искать некогда, да и для такого взрослого провожатого и не надо.

Сторож какое-то время молчал. Ещё расспросил, в какую деревню я иду и знаю ли я в своей деревне деда Колдуна. Я ему описал деда Колдуна, сказал, какая у него хата, с какого края деревни, сколько у него ульев и на какой яблоне самые хорошие яблоки. «Не врѣшь, малец, про свою деревню, а про отца мне догадка, а не загадка», — подытожил сторож. Налил большую чашку простокваши, отломил ломоть хлеба и пододвинул мне.

— Ешь. Я днями не на работе, руки вот покрючило там, куда твой отец поплыл на воронке. Завтра пойдѣм вместе. Мне до Колдуна надо. Может, он подлечит. А теперь ложимся и спим. И не вздумай убежать.

Я доел простоквашу с хлебом, лёг рядом со сторожем под старый большой тулуп и мгновенно заснул. Проснулся от грохота вѣдер, множества голосов и мычання коров. Было ещё темно, но в хлеву горели фонари, пахло парным молоком, струи которого бились о жѣсть ведра и издавали ни с чем не сравнимый вкуснейший и нежнейший звон. Сторож ходил по хлеву, кому-то выговаривал за привезѣнную гнильѣ-солому и торопил доярок, чтобы всё закончить и выгнать скот в поле. Здесь же уже стояли пастух с длинным кнутом и подпасок — паренѣк чуть старше меня, который непрерывно зевал и закрывал глаза. Я затаился под тулупом: вот с этим подпаском прошлым днѣм, уже к вечеру после пригона стада, я дрался из-за кочана капусты. Пастушонок подпрятал капусту под лопухами у сарая, а я это увидел и постарался завладеть таким богатством, но был бит на месте преступления. Он постарше, посильнее, и кочан был его. Потому и драться с ним мне было слабѣ. Но он оказался не подлым: отломил от кочана несколько листов, сунул их мне, а остальное спрятал под рубаху на животе.

Когда стадо вышло из хлева, а доярки с молоком ушли на сепараторную, как сказал сторож, — мы пошли в мою деревню.

— Позавтракаем на ходу, — буркнул сторож и сунул мне две большие печѣные картошки и кусок плотного творога.

Мы шли и жевали. И шли, наверное, не очень долго. В деревне ещё клубился дымок из труб натопленных поутру печек, а мы уже были на взгорье, откуда все четыре деревни: Жирятино, Шепелѣво, Новосельцы, Неживка — видны, как на ладони. И в туманной дымке даже виден посѣлок Каганович, до которого ещё версты четыре.

— Показывай, где твой дом, — велел сторож, — и где дом деда Колдуна.

Я показал. Он привѣл меня прямо в хату. Мать сидела за столом, что-то шила. Рядом младшая сестра Ольга. Мать ахнула от неожиданности, заплакала.

— Вот, принимай своего странника. От отца, говорит, идёт. А где отец, пока неизвестно, — сказал сторож.

Мать глянула на сторожа испуганно, с каким-то недоверием. Потом глубоко вздохнула и сказала, что уже всё известно, и думала она, что я вместе с отцом или уже где-то в приюте для детей врагов народа. И мне снова было непонятно, как можно быть врагом не против кого-то, а против народа. И что это такое — «народ», который невообразимый, без лица, без рук и ног. Хоть бы раз посмотреть на него. Что это за великанище? Видно, он расту до самого неба и силы в нём больше, чем у трактора.

Мой провожатый встал, сочувственно потрогал плачущую мать. «И там живут. Я вот выжил», — сказал он, махнув на прощанье ладонью со своими растопыренными скрюченными пальцами. Больше я его никогда не видел.

Так я оказался дома. В семье врага народа. Это сказалось очень быстро: старшего брата исключили из орловского автомобильного техникума, матери повысили в колхозе норму выработки трудодней, как будто у неё вообще не было детей. Детский сад для нашей семьи был закрыт.

УТРО ВОЙНЫ

Начало войны запомнилось как многодневный перезвон гармошек, разухабистое пение подвыпивших призывников и жуткий, как по мёртвым, плач и рёв деревенских баб, девок, провожающих своих мужей, отцов, братьев, женихов. Потом как-то стало тихо и пустынно в селе. А дальше поползли слухи о сражении под Минском, где «коса нашла на камень». Появились новые слова: юнкерсы, трупы, танки... Мобилизация оставшихся пожилых мужиков, которые погнали на восток обозы с зерном, инвентарём и стадами колхозного скота.

Эвакуация. К этому времени в селе уже были эвакуанты из Белоруссии, в основном дети и подростки с пожилыми женщинами. Их разместили в школе и кормили строго по дворам: каждая семья один раз в неделю должна была принять четырёх эвакуантов на дневное пропитание. Это продолжалось ещё и в самом начале оккупации. Село жило небогато, но добросовестно соблюдалось старинное правило: сам поголодай, а страждущего накорми.

И совсем уж неожиданно возникло, как будто из ничего, слово «окружение». Не прерывающимся ни днём, ни ночью потоком на восток шли и шли красноармейцы, в основном без оружия и командиров. «Вырваться из окружения, полу-

---

чить оружие и встретить непрошенных гостей, как это принято на Руси», — так декларировал свои действия перед сельскими бабами какой-то военный, видимо, командир. И окруженцев, как и эвакуантов, тоже кормили: и по семьям, и из колхозных остатков.

Затем на мотоциклах и машинах появились немецкие разезды. Они стогняли пленных в колонны и уводили их по большаку на Кромы.

Позже, ближе к осени, из ниоткуда возникли полицаи. Они выявляли сельских активистов, коммунистов и отвозили их на расстрел в райцентр, а с прятавшимися расправлялись на месте сами, попутно ограбив «в пользу победоносной германской армии». Беспредел этих вооружённых разбойников не имел ограничений: они безнаказанно и беспричинно убивали, насиловали, грабили, устраивали облавы на молодёжь для отправки её на работу в Германию. Пьянствовали, куражились. Но время шло. И уже к зиме по полицейскому беспределу был нанесён ощутимый удар: партизаны глубокой ночью сожгли дом со всей пьянью, что отмечала какую-то важную дату своего полицей-начальника. С этого события ни один сельский полицей дома не ночевал.

Таким было утро войны. Неоднозначное и жестокое. Люди в тяготах и лишениях продолжали жить, растить детей и терпеливо ждать конца этому вселенскому горю.

Село жило слухами: кто где кого побеждает, кто такие партизаны, которых боятся даже каратели-мадьяры. Объявили комендантский приказ: если в селе или около села будет убит хоть один немецкий солдат, то село как партизанское сожгут, а всё мужское население расстреляют. И тут же показательно соорудили у бывшего колхозного правления виселицу в три верёвки. Привели к ней двух пожилых мужиков и бабу. Согнали сюда всех и старых, и малых сельчан и как-то совсем обыденно повесили.

И не партизаны это были вовсе: баба — передовая доярка в колхозе, мать троих малых детей, а мужики — старые инвалиды, коммунисты, которые лечились в больнице в районном центре Кромы. Начало смеркаться, а темноты каратели уже боялись, и недаром, потому и делали всё поспешно, без обычных длинных речей. Приказали три дня не снимать повешенных и обозом с награбленным отправились в свой гарнизон. Как потом обсказывали, у деревни Кутафино уже в темноте их со страху свои же и постреляли. Кончился праздник для этих выродков. Село вздохнуло свободно. Дед Колдун, которому было столько лет, что никто и не упомнит, осмеливался кричать полицаям: «Курвы собачьи! У вас с нем-

---

чурой против нас кишка тонка. Всё равно немчуре капут, а от вас и говна не останется!»

Полицай материли его, но не трогали. Он-таки действительно был колдун: лечил заговорами, травяными настоями и «ломкой» — особым массажем. С немцами свободно говорил на немецком, похоже, то же самое, что и полицейским. Немцы смеялись и не трогали Колдуна. Это было странно.

В этой грозовой оккупантской атмосфере формировалось наше детство: настороженное, готовое к отпору и к бегству, постигающее самостоятельно азы обращения с оружием, подобранным на местах боёв. Нередко это стоило жизни или заканчивалось увечем. Так погибли два моих приятеля: гранаты взорвались в руках.

При моём неудержимом любопытстве и жадности к познанию чего-то неизвестного, возможно, и я был близок к этакому. Но ангел мой хранил меня: я чувствовал душой и телом эту незримую защиту. И ещё я слушал долгие рассказы одноклассника бойца-сапёра, которого бабушка моя прятала у себя почти два года. Он так много наговорил о снарядах, гранатах, приметах всяких. Это осталось в памяти навсегда и, может быть, не раз уберегло меня от гибели. Хотя я и бродяжничал по полям, где много было оружия и трупов, но считалось, что жил-ночевал дома или у бабушки. Брата тоже дома не было: он где-то прятался от непрерывных облав на молодёжь. Забирали на работы в Германию предпочтительно молодых, а кто постарше — записывали в Добровольческую русскую армию, чтобы воевать против коммунистов, колхозов и всего советского строя.

ЛОПАЙ

Лопай появился ещё раньше, чем по селу на мотоциклах проскочили немцы, которые выезжали в поле, в скирдах сена и соломы искали красноармейцев, выходящих из окружения. Случалось, поджигали стога вместе с людьми. И Лопай первый оповещал всех об этом, как он говорил, «по своей постовой обязанности».

— Я теперича главный ваш полицай-жандарм, — хрипел он на собранной сходке села. — И все вы мне в ответственности, вплоть до расстрелу.

Люди слушали молча. Пока никакой власти, кроме этого красномордого Лопая, и не было. И злобство было ожидаемо: Лопай — сын раскулаченного крестьянина, в прошлом самого богатого на селе, у которого и земли было много, и мельница, и скот. Почитай, большая часть деревни у него

ходила в батраках и должниках. Старики и старухи вспоминали его как человека-трудягу, который и сам работал от зари до зари, но и с батраков своих, и с должников не слезал. Зимой снега не допросишься — вот он какой был. Лопату в долг даст: сам греби снег, и должок этот будет помнить, и должнику постоянно напоминать.

Семья у него была большая, но всё девки. И только последний — пятый или шестой — оказался сыном. Крестили его пышно: ведра три водки и закуска были выставлены прямо возле церкви. Невероятная щедрость для такого прижимистого мужичка. Приезжал даже какой-то большой начальник, но косноязычный или от рождения, или с перепоя. Он гладил по рыжей головке ребёнка после каждого выпитого стакана и приговаривал: «Салопай, Салопай». Но первый слог как-то съедался, и явственно было слышно только: «Лопай, Лопай». Так и остался пацан с уличной кличкой Лопай. Рос он шкодливым, в отца прижимистым и злопамятным.

Отца Лопая раскулачили первым. Беда эта особого сочувствия не вызвала. Недовольство стало нарастать, когда стали раскулачивать «средняков» — крестьян зажиточных, но совсем не богачей. Самое активное участие в раскулачивании принимал и мой отец.

И вот теперь Лопай — рыжий, мордастый, широкоплечий мужик с короткими сильными ногами — по-хозяйски зашагал по селу. Когда он шёл, как бы переваливая своё грузное туловище с боку на бок, то казалось, что руки тянут его вперёд: руки тяжёлые, не знающие покоя, как будто спешащие куда-то сами по себе. Одинокая баба Липуха, по её же правдивой самооценке, «добрая девица, доступная для всех и во всех отношениях», жаловалась, что руки Лопая и во сне не спят, а всё что-то ищут и хватают...

«Все вы батраки моего Тяти, все должны ему, а значаца, мне, как по смерти Тяти и всех моих родимых. Потому всё в деревне моё, — орал он. — А для всякой девки я есть султан: откажи какая — кол в енто место всажу». Девки прятались, а бабы обходили его стороной.

Но больше всего он донимал и оскорблением, и поборами, и ложными доносами семьи советских активистов. В это число попала и наша семья, хотя для той советской власти мы считались «семьёй врага народа». Почему-то он больше всего возненавидел меня. Думаю, это оттого, что я похож на отца. «Ах ты, выродок, купчонок красный. Я тебя выщипаю из гришановского роду!» — орал он, пытаясь ухватить меня. Не знаю, с какой стороны и по какой линии, но считал он себя

из гришановских. Ухватить ему меня никак не удавалось: я был в страхе, но всегда настороже.

Неприятель оказался очень серьёзной и открытой. Дважды он стрелял мне вслед. Стрелять Лопай вообще любил. Брошенного оружия и патронов в поле хватало. Полицаям дали немецкие винтовки и патроны по счёту. За нецелевой расход этих немецких патронов полагалось наказание: Лопай по первости получил пять ударов шомполом за пустую стрельбу. С тех пор он стрелял только из советского карабина и дармовыми патронами, найденными в поле на местах боёв. Полигон устраивал в Жирятино, где у речки стояли толстые ракиты. Лопай стоял на крыльце дома и посылал ребят через бахчу вешать на эти ракиты мишени. Стрелял, и после стрельбы эти мишени ему приносили для осмотра. Если стрельба была удачной, то Лопай мог угостить и пацанов-мишенщиков, и стариков, которые, как по обязательке, «из уважительности к власти» должны были присутствовать на стрельбах. Плохая стрельба вызывала гнев на мишенщиков, которые «не так повесили мишени», и матерщину с проклятьями на сталинские ружья и патроны.

Во время одной такой пьяной неудачной стрельбы он увидел меня и вскочил со скамьи: «А в волчонка я не промахнусь». Он выстрелил, но кто-то ещё до выстрела подтолкнул его, а ждать второго выстрела я не стал. В лозняке у речки было много моих укромных мест. И здесь меня было не найти. Но Лопай завёлся: качаясь из стороны в сторону и непрерывно паля из карабина по лозняку, он шёл через бахчу к речке. «Я его, как утку, нашипую!» — орал он. И хотя я уже был в стороне от направления Лопая, мною тоже овладела ярость. Я быстро отыскал в камышах спрятанную трёхлинейку, загнал в обойму патроны и, не целясь, выстрелил в Лопая. Стрелять из винтовки я не любил, да и все мальчишки тоже не любили: очень сильной была отдача в плечо. Но в этот момент я забыл об этом и сделал ещё два выстрела. Что такое боль в плече, когда в сердце радость от зрелища бегущего назад Лопая, его воплей о партизанах и чём-то ещё?! Он добежал до своего крыльца, спешно вскочил на лошадь и понёсся в сторону Шепелёво.

Никому в голову не пришло, что стрелял я. На следующий день группа полицейских и трое немцев с собаками осматривали лозняк с обеих сторон реки, но так ничего и не обнаружили.

А мне дедушка Колдун, что жил через дорогу от нас, при встрече дал подзатыльник и большую вкусную лепёшку:

«Уходи от беды. Хоть бы и на время в Лисицы или Каганович. Туда Лопай не сунется». Эти посёлки считались уже ближними к партизанам. «Матери твоей я обскажу», — пообещал дед Колдун.

И я ушёл.

Приближалась осень. Ночи стали тёмными и холодными, а спать в поле в скирдах было опасно не только из-за того, что немецкие патрульные их часто обстреливали, чтобы обнаружить и расстрелять всё ещё выходящих из окружения к «своим» бойцов-окруженцев.

Никогда ни до того, ни в последующем я не видел такого количества мышей: шум-шуршание и писк не прекращались ни днём ни ночью. Мыши напоздали, как ни отряхивайся от них. Я не боялся мышей, но такой массы не выдерживал. Даже верх соломенных скирд шевелился, как живой, а лисицы до того объедались мышами, что с трудом и неохотой убежали при окрике.

Чем и как я в то время жил, уже не помню. Если удавалось, то спал я где-нибудь в коровнике, под тёплым боком коровы, но не всем коровам это нравилось. Пропитанием служили морковь и горох, не убранные с поля, да подросшая за лето в пруду и ручьях рыбёшка. Ел я её сырой с большим удовольствием оголодавшего зверёныша. Это осталось на всю жизнь — любовь к мелкой рыбе. Килька и хамса для меня желаннее любой элитной сёмги или другой красной рыбы.

Все эти неудобства не шли ни в какое сравнение с тяжёлым беспокойством, не покидавшим ни днём ни ночью: не осмысленно словами, но всем своим живым нутром чувствовал я себя зайцем, которому никуда не деться от пули Лопая. Я всегда его чувствовал с направленным на меня стволом карабина, уже готовым выстрелить. И как я теперь понимаю, это было в большей степени психическим навязчивым состоянием, вызванным страхом, усталостью и голодом. На меня шла охота, так я это понимал, протестуя против своей беспомощности. Во мне всё тяжеловеснее оседала злоба и росло желание самому стать охотником. Ещё не осознавая, как и что надо делать, я шлялся по полям и оврагам, где прошёл фронт, и искал какое-то средство или предмет, могущий избавить меня от Лопая, от его угроз, от холодных мышинных ночей и постоянного голода.

Я мечтал найти много еды, любой еды, мечтал, чтобы живот мой был с дверцей, через которую, как в сундук, можно было бы всю эту еду положить и быть сытым долго-долго.

И ещё я, как и о еде, мечтал о нашей советской противотанковой гранате, как о живой вещи. Найти её, привязать к

ней толовые шашки (они у меня были, как и у большинства ребят), привязать к кольцу гранаты верёвку или провод, отогнуть усики слегка (как об этом мне рассказывал одноногий сапёр, которого бабушка прятала у себя) и из укрытия дёрнуть верёвку, чтобы вырвать чеку для взрыва под Лопаем.

Эти мечты меня грели ночами, заглушали голод днём. А то, что я готовил убийство, меня никак не трогало: столько в полях и оврагах было убитых бойцов, сельских активистов, подорвавшихся на минах. Смерть стала обычной действительностью, с которой все как-то свыклись и к которой были готовы.

Одиночество меня не пугало. И в семье к моим отлучкам были привычны. Считалось, что я в Жирятино у бабушки, а бабушка думала, что я в Шепелёво у своих. Пока холода были терпимы, я нигде не просился на ночлег. Но когда уже в воздухе закружились снежинки, потянуло к тёплому жилью.

Я простыл, стал кашлять, задыхаться, мне было то жарко, то холодно. Преодолевая страх перед Лопаем, я в полубеспамятстве дотащился до бабушки, испугавши её своим видом и появлением невесть откуда. Что она делала со мной, я не осознавал. Я всё хотел спать и спал в тёплом подполье с сапёром. Когда отпустила меня горячка, и я уже мог стоять, хотеть есть и пить, уже была настоящая зима. Движение по улицам по колено в сугробах. И полицаи переселились в Красниково, в здание бывшего сельсовета. Это было в пяти километрах от Шепелёво, куда они теперь наведывались нечасто из-за боязни партизанских лыжников. Даже делёж остатков колхозного имущества проходил без полицейского участия. Впрочем, и делить-то было особо нечего, по словам бабушки.

Но к весне Лопай проявил себя как «папаня»: все лучшие и ближние к деревне поля оказались его собственностью — «по наследству от папани». И работали на него под лозунгом: «Гребуешь моей работой — так поедешь, а скорей побежишь в германские поля». Угроза была реальной. Участки свои обрабатывали кто как мог. Пахали на коровьей тяге, в борону впрягались по две-три бабы. Надо было сеять, сажать. Голод и страх — это основа того весеннего существования. Нередко людей скручивала цинга: за солью с риском для жизни ходили в город Орёл. Продавали всё, что можно было продать. «Конец света, конец света!» — голосила деревенская сумасшедшая. И от всего бездоля казалось, что пришёл конец всему живому. Но уже летом стало полегче: что-то выросло в огороде, что-то можно было найти и в поле на бывших колхозных угодьях. Самосев — урожай от необранного уро-

---

жая. Труд необходимый, но опасный: мины, невзорвавшиеся бомбы, снаряды, гранаты, скрытые выросшей травой. Всего этого было в избытке по полям и логам.

В трудах и заботах лето проплывало как-то быстро. И я уже не болтался, как неприкаянный, а работал в поле вместе со взрослыми. Всем руководил брат Николай. С оглядкой по сторонам, чтобы не попасть под облаву. Лопай сдавал лошадей в аренду: день работы на себя за два дня работы на его поле. И я при животном страхе перед Лопаем по приказу брата бороновал лопаевские вспаханные участки не один день. Но всегда был готов отцепить борону и на коняге рвануть в сторону зарослей.

Но Лопай в одиночку не то что в поле, но и по деревне не ходил. Брат мне это поведал и успокоил. Но ненадолго. Лопай всё-таки появился в поле, и не один, а в сопровождении нового полицейского, мужика рослого и во хмелю. Оба на лошадях под сёдлами с карабинами, а Лопай ещё и со своим «боевым укладом» — гранатами, демонстративно прилаженными к поясу. Если бы не громогласность спутника Лопая, то вряд ли я ушёл бы живым от Лопая. Он стегал меня плёткой и не давал шмыгнуть в овражек, заросший кустарником и бурьяном. Но спутник Лопая облегчил мне бегство. «Комрад, комрад! Фахт, это нихт партизан», — со смехом орал он, хватая за повод лошадь Лопая. Этого было достаточно, чтобы я скатился по оврагу в заросли кустарника и замер в ожидании выстрелов. Но стрельбы не последовало. Только громогласный хохот и истеричный говор Лопая. О чём они спорили, я не вникал. Только когда стали звать меня, я как бы очнулся. Мне было приказано бороновать и дальше, а к вечеру привезти лошадь и борону в деревню. С тем полицаи и уехали. Но ни работать, ни даже просто сидеть на лошадке я не мог: задницу, спину, бока, ноги жгло огнём. Плеть у Лопая была со свинцовым грузилом на конце (это все знали), и удары от неё кровоточили.

Я пришёл домой безвольный и в жару, но в хате никак не хотел оставаться. Уложили меня на сеновале в сарае, где я провалялся довольно долго. После этого случая в доме я старался не оставаться надолго, да и у бабушки чувствовал беспокойство и страх. Летние дни как-то считывались не по погоде и урожаю, а по облавам, набегам карательных отрядов, показательным расстрелам и повешениям.

Ближе к осени началась «обираловка» — отнимали урожай «в пользу доблестной германской армии». Активность проявляли и партизаны, потому и не понять было: то ли у нас мир, то ли настоящий фронт.

А затем Шепелёво подверглось жесточайшей бомбардировке, хотя в селе не было ни партизан, ни красноармейцев. Наш дом крайний, ближе к речке, где я отлавливал в это время рыбёшек. Я даже видел очень чётко лицо пилота, который вывалил бомбы, и они рванули у самого нашего погреба. Я онемел и очнулся только тогда, когда осколок чиркнул меня по кисти руки. Я побежал с очень болезненным криком, не разбирая пути, до соседнего села и скатился, кем-то схваченный, в подвал слепого деревенского гармониста Митрохи, где прятался и он сам, и его приёмный сын, певчий, а заодно и подпасок при колхозном стаде. Я не плакал — я выл, и Митроха гладил меня, зализывал и перевязывал рану на руке. К полудню бомбёжка стихла, а меня нашёл брат Николай и сказал, что мы остались одни: и мать, и две сестры Таня и Оля убиты прямым попаданием бомбы в подвал и в дом.

Похороны были на бугре через речку, и остальное время как-то смялись, перепутались в предыдущее и последующее, и я не помню себя в этот небольшой период времени.

Памятно только одно: в Жирятино ребята посочувствовали моему горю очень по-свойски. Передо мной положили советскую, ещё в масляной обёртке, противотанковую гранату и запал, о чём, как они знали, я мечтал. «Это тебе», — сказал кто-то из них, и остальные закивали. Я редко плакал, тем более перед ребятами, но в этот момент слёзы лились из глаз сами по себе в полном моём беззвучии. И никто из ребят не пошутил, не съехидничал. Все тихо разошлись.

Я с этим подарком опустился в подполье к сапёру. Он спал, уже привык спать днём, а ночью выползал наверх и что-то помогал бабушке по хозяйству. Но сейчас как-то резко проснулся, тревожно ощупал гранату и запал и долго меня убеждал «выбросить эту чертовщину». Я и «выбросил» — под ящик в углу сарая, где у деда была мастерская для ремонта сельского инвентаря.

С этого момента я как бы ожил. Иногда доставал гранату и гладил её, как домашнюю кошку, как живое существо, способное мне помочь. А как и в чём эта помощь — оставалось неопределённым. Сапёр перестал со мной говорить о минных делах, но я и так уже знал достаточно для своей задумки: взрыв можно усилить толковыми шашками. Этого добра у меня, да и у всех по селу, было в избытке. Глушили рыбу в речке, не особо укрываясь. Но вот сильный взрыв с противотанковой гранатой — это ж какую надо верёвку, чтобы быть на далёком расстоянии, да ещё и в укрытии. Об этом я постоянно думал в своих блужданиях по логам и буеракам.

Решение, как свыше данное, пришло при осмотре одного заброшенного блиндажа: перед ним был натянут провод в одну нитку, подвязанный к чеке осколочной гранаты. В траве провод почти не виден, а задень его — тут и рванёт. Растяжка. Но как и где мне установить такую для Лопая и не навредить другим? Из страха перед партизанами он никогда не ночевал дома. Приходил к кому-либо, как он говорил, на ночной постой и заявлял хозяевам, что они должны его оберегать как своего. А по-другому — в полиции знают, кого вздёрнуть на виселицу.

Я следил за Лопаем, почти всегда знал, где он ночует, но это никак не решало мою задачу. Только страхи панические как-то сами собой пропали, стали спокойнее, а я — рассудительнее, осмотрительнее. И вообще я как-то повзрослел.

ГАНС

Бомбёжку деревни полицаи определили как наказание за сочувствие партизанам и всей советской жизни, а может, и по ошибке. А дедушка Колдун сказал, что ошибки на войне бывают, но не на сто километров. Значит, «наши» где-то не так далеко и немчуре выпали.

Полицейских и карательных отрядов прибавилось. И полицаи ходили не поодиночке, а группами. В эту пору уже много было разговоров, как партизаны взрывают мосты, поезда, машины и воюют серьёзно.

В один из дней с утра в село приехала машина с полицейскими и солдатами. Село затаилось: такие нашествия обычно связывались с облавами на молодых и работоспособных для отправки на работы в Германию. Но на этот раз группа приехавших и местные полицаи после передышки на сытный завтрак двинулись в сторону посёлка Кагановича в четырёх верстах от Шепелёво.

Дорога просёлочная, незаезженная, заросшая по обочинам ягодным кустарником. Это обычное место моей кормёжки: близко поля и бахчи, в маленьком от родника ручейке под старым мостиком — плотва. Из кустов я видел, как осторожно через мостик проезжала машина с полным кузовом людей, и доски настила глубоко прогибались под её колесами. Лопай, конечно, был в этой компании. Решение возникло сразу, когда и машина-то ещё не скрылась из виду. Я бросился к своему тайнику. Достал противотанковую гранату, к ней накрепко привязал три толовые шашки, а к кольцу чеки гранаты — провод. Долго никак не мог закрепить всё это под мостиком: надо было завести провод в шов между досками,

---

натянуть его достаточно сильно, чтобы при прогибе доски провод вырвал чеку из гранаты. Очень осторожничал, когда разводил усики на чеке гранаты: так боялся взорваться и не увидеть гибели Лопая.

Сам я залёг в овражке на мягком пахучем бурьяне. Лежать пришлось долго. Лёгкий ветерок уже нёс осеннюю прохладу. Я дремал, изредка вздрагивая от малейшего шума, и ел горстями великолепный боярышник. И только после полудня услышал громкие крики и шум машины.

Всё во мне напряглось. Сквозь кусты я видел только мостик и вращающиеся колёса машины. Взрыв был сильный, и я его не осмыслил, но увидел, как вроде подпрыгнула и свалилась на бок машина, как попадали в разные стороны люди с криками и стонами. А потом бегство к селу тех, кто мог бежать или как-то идти. Остались раненые, тоже кричащие. Оказавшиеся рядом две брошенные телеги сцепились между собой, и лошади бились в упряжке, пытаются освободиться. Один ездовой — местный мужик Захар — пытался успокоить лошадей и распрячь своего мерина.

Кустами я пошёл вдоль дороги в сторону деревни, но крики и стоны не отпускали меня. Я вышел на дорогу и решил помочь Зиновию распутать лошадей, а на самом деле хотел увидеть убитого Лопая. Но Зиновий уже и сам справился с лошадьми, а на траве сидели и лежали пятеро, вид их был жалкий, в лицах — страх и какая-то отрешённость. Зиновий уже перевёл исправную телегу через ручей и позвал меня помочь забинтовать немцу ногу. Ни раненого, ни убитого Лопая я не увидел.

— Ты что тут делаешь? — спросил он.

— Кормлюсь, — ответил я.

Он осведомился:

— Кого-нибудь видел здесь?

— Двух мужиков и одну девку, но они ушли уже давно, — соврал я.

— Ладнень, выбрасывай всё из телеги, — заставил он.

Это же еда! В телеге были мешки с зерном, коврижки хлеба и завёрнутая в скатерть подрезанная свинка.

Зиновий матерно выругался. Потом вместе в пустую телегу мы перетаскивали раненых, стонущих и безучастных — трех нездешних полицейских и двух немцев. И было во мне какое-то сострадание к ним, к их болезненному состоянию, содеянному мной же. Захар задымил самокруткой, прокашлялся, тронул лошадей и, отстав немного от подводы, пробурчал: «Не трепись и не шляйся где попало. По вечеру зайдёшь к Фёкле. Я ей скажу, она тебя покормит». На том и расстались.

Непривычно кружилась голова. Может, от переживаний или от голода. Голодал я давно, но воспоминания о выброшенном хлебе не заставили меня вернуться к месту взрыва. Лопай жив. Мой заячий страх, как торфяная вонючая жижа, засосал меня так, что я тут же свалился в придорожный бурьян и то ли заснул, то ли потерял сознание.

Просыпался я как никогда тяжело и долго. Уже наступил тёмный вечер, и моросило, я промок и промёрз так, что свело ногу. В животе привычное урчание и спазмы. Голодная страсть: пожевать хоть что-нибудь. А ведь у мостика было чем поживиться. Но это как запрет: мистика вроде. Пожевал и пососал конец рукава телогрейки, подвигался и вспомнил о тётке Фёкле — поварихе полицейской братии. Её дом стоит на возвышении, так что видны сразу два села. А на крыльце полицаи держали пулемёт. Вот там-то и ждал меня ужин, если Захар не сбрехал.

А если и сбрехал, тётка добрая и вряд ли откажет в куске хлеба. Страшно идти самому к полицаям, да ещё ночью, когда они боятся каждого шороха и стреляют без разбору. Но озверевший голод и надежда хоть на какой-то перекус гнали меня именно туда.

Я благополучно добрался до дома тётки Фёклы, ещё в палисаднике наткнулся на неё: она кормила собаку чем-то вкусным, пахучим и тёплым. И мне очень хотелось оказаться на месте этой собаки или лопать вместе с нею.

Тётка узнала меня, взяла за руку и привела в кухню с чёрного хода. Молча налила в миску супа, дала большой ломоть хлеба. Я набросился на еду, а добрая женщина вытирала слёзы и всё приговаривала: «Господь, упаси сироток твоих».

В большой комнате о чём-то громко спорили, ругались. Но мне было не до того: я хотел как можно быстрее нажраться и убраться подальше, даже в эту дождливую холодную темень. А Фёкла, вздыхая, пояснила, почему ругаются.

Фельдшер сказал, что одного раненого солдата надо обязательно везти в больницу в Кромы. Ехать в сопровождении никто не хочет: партизан боятся. Но если не ехать и солдат к утру умрёт, как говорит фельдшер, то всем несдобровать. Думали на Захара это взвалить, а он как в воду канул. А искать его по ночи — это тоже опасная задача.

Я стал прислушиваться: есть ли Лопай. Но голоса его не услышал. Спросил о нём тётку Фёклу. «Он ещё засветло куда-то нырнул и от своих, и от партизан, — сказала она, — так что не бойсь и наедайся, пока есть что есть».

В это время дверь в кухню открылась. Вошёл полицай, в нашем селе он вместе с Лопаем верховодил. Кликали его

Фахт. Пил, а выпивши, бил всех подряд, кто попадётся. Но был отходчив, не зверствовал, как Лопай, и даже иногда мог помочь нуждающимся. И это он меня уберёт в поле от плёток Лопая.

— Квасу, — коротко брякнул он и опустил большую кружку в бак с квасом. Пил жадно и громко. — Вот, в орлянку проиграл, теперь мне, фахт, везти в Кромы этого австрияку, — сказал он. — Сдыхал бы здесь, и всем было бы спокойно, а то и меня за собой тянет. Партизанам насрать на то, что я добрый полицай. И меня, и его — одно в расход. Фахт!

Он зачерпнул ещё квасу. Задумался. Глянул на меня как-то странно и спросил:

— Ты дорогу на большак знаешь?

За меня поторопилась ответить Фёкла:

— Он-то все дороги, все тропинки знает. Сирота голодная-холодная. Что большак? Он пёхом до Орла ходил соль выменивать для меня.

Такое действительно было.

— Это превосходительно, фахт! Обеспечь, Фёкла, его хлебом от меня сейчас же, дай ошмёток мяса и ещё что-нибудь. Со мной он едет, — объявил он. Потом снял с себя пояс, крепко обвязал мою руку. Дёрнул: — Пошли. И не дёргайся — убью. Фахт.

Фёкла запрочитала, но полицай цыкнул на неё и выдернул меня из дома в ночь.

Подвода стояла возле дома. На ней на соломе лежал закрытый дерюгой стонущий солдат. Фахт подтолкнул меня на телегу, привязал вожжами к оглобле, и мы поехали по селу. Ехали недолго. Возле дома Липухи остановились.

— Так, говоришь, ты знаешь дорогу и до большака, и по большаку? Значит, и без меня до Кром доедешь. У кромского моста пост немчура держит. Покажешь этого и скажешь, что я отстреливаюсь и оборону держу. Фахт! Валяй, надёжа. Тебя партизаны в расход не пустят. Фахт! А я замёрз, пойду погреюсь к Липухе. У неё, хмырь, под одеялом как в печке. Ты ишо этого не понимаешь. Фахт!

Чувствовалось, что Фахт успел выпить не только квасу, и это уже стало сказываться. Он хлопнул ладонью по крупу лошади. Телега тронулась, и начался длинный ночной путь.

Партизан я не боялся. Изредка у них подкармливался. Но это всегда было далеко и опасно. Я не боялся волков, которых развелось множество. Но мадыарское оцепление... Это смерть.

Пока дорога шла по деревне, я старался выпутаться из затянутого ремня. Но узел был очень прочный. Я взмок от на-

---

туги. И то ли от усталости, то ли от непривычного сытного ужина меня повело в сон. Под тихий лошадиный ход я дремал и даже что-то видел во сне. Стоны раненого, редкие и не очень назойливые, меня не тревожили. Очнулся я уже на большаке, когда лошадь дёрнулась, взвезжая с просёлка на дорогу, а раненый громко вскрикнул. Большак — большая дорога до самых Кром. Лошади она знакома. Безлюдна и беззвучна в эту пору, а деревни все в стороне от неё. Это более короткий путь до Кром, чем ехать по деревням. Видно, поэтому фельдшер и настоял, чтобы ехать по большаку.

Я снова занялся связывающим меня узлом. Тщетно. Решил поискать что-нибудь в телеге и наткнулся на винтовку солдата. Она со штыком. Отсоединить штык делом для детворы нашей было знакомым. Работая штыком как тесаком, я скоро перепилил ремень и освободил руку. Страхи мои прекратились, как и дождь.

Небо стало звёздным, и луна подмигивала, то открываясь, то закрываясь лёгкими облаками. Тишина оглушительная давит на уши, мысли сами собой текут о несказанно тёплом и милом, что не определить словами. И продолжалось неизвестно сколько: тишина и время слились воедино. И только выстрел и громкие команды у Кромского моста разрушили эту мирную иллюзию.

Я закричал в ответ. Что — не помню. Трое с автоматами наперевес подошли к подводу. Яркий луч фонаря ударил в лицо. Раненый зашевелился и что-то трудно, медленно говорил. Один из троих спросил меня по-русски, кто мы такие и откуда едем. Но немецкие солдаты уже всё поняли.

«Госпиталь, госпиталь», — галдели они. Один из них прыгнул на телегу и погнал в Кромы. Когда увидел, что я пытаюсь спрыгнуть с телеги, больно дёрнул меня за шею и загалдел: «Нихт, ниht!» Эти слова стали понятны, когда он похлопал свободной рукой по висевшему на груди автомату.

Ехали мы быстро и недолго по разбитой дороге, и раненый жалобно вскрикивал на каждом ухабе. Я сидел, застыв от страха.

По приезде раненого перекинули на носилки, а меня довольно крепко взяли за руку, сдёрнули с телеги и привели в большую комнату. Пахло едой и табаком. В комнате были нары, на которых спали солдаты. «Вот, добегался. Тут и крышка», — думал я уже как о чём-то свершившемся.

Мои размышления прервал вошедший немец, который по-русски велел идти за ним. Мы поднялись на второй этаж, прошли тёмным коридором и вышли во двор с другой сторо-

---

ны дома. Здесь нас встретил другой немец — высокий, толстый, непрерывно зевающий.

«Рассказывай-ка всё, что ты знаешь», — строго сказал мой провожатый. Я рассказывал про партизан, которые подорвали мост, про полицейских и их оборону. Мне так хотелось рассказать, как они все убегали, но что-то меня остановило. И, наверное, из-за Фахта: расскажи я о нём — он, по-моему, вряд ли отделался бы только шомполами по заднице. На вопрос, почему я приехал один с раненым, я убедительно соврал, что по нам начали стрелять и сопровождавший Фахт слез с телеги, чтобы отстреливаться, а мне приказал гнать до самых Кром.

Были ещё какие-то вопросы, но я почувствовал некую безопасность и стал засыпать сидя. Я-таки заснул, а проснулся на кушетке, укрытый настоящим одеялом. Рядом стояла женщина, не немка, а наша, деревенская, которая часто приезжала из Кром к своим родителям.

— Вставай, лежебока, а то завтрак проспичь, — толкнула она меня. — Что ты такое натворил, что достаивают тебя кормить по офицерской норме? Везуха, а тут живот от голода к позвоночнику прилип.

Я как-то не понял, как такой круглый, большущий живот можно прилепить к позвоночнику. Пока мы шли к столовой через весь охраняемый двор, она всё ворчала и жаловалась на голод, на то, что её дети не каждый день видят хлеб.

Кормили меня действительно знатно: суп мясной, каша с мясом, и к нему ещё кусок мяса на хлебе. А после сладкое пошло — то ли на молоке, то ли на каком-то сахаре. Много всего, и я всё ел и ел. Не помню, чтобы я так наедался. После такого мне очень хотелось лечь и снова хорошо и безопасно поспать. Но меня куда-то повели. И не грубо, но крепенько держал меня сопровождающий полицейский.

Вышли на улицу, пустынную и какую-то неживую: ни собачьего лая, ни людских голосов, и даже птицы сидели притихшие под мелкой моросью.

Сопровождающий накрыл меня немецкой плащнакидкой так, что я видел теперь только то, что было у моих ног. Я спотыкался, отвлекаясь от ходьбы думами про побег. Напрасные надежды: меня прочно держали за руку.

Так мы дошли до бывшей школы, огороженной, с вышками и траншеями за оградой. Здесь был немецкий гарнизон. Я это знал. Фёдор, дядька и даже, может быть, командир у партизан, ещё весной просил меня хорошо посмотреть и посчитать, сколько здесь и каких машин, пушек и солдат. Я три дня смотрел, считал, пока не съел всё, что тогда дал мне Фёдор как паёк бойцу.

И вот теперь я снова здесь, свободно вхожу в открытую дверь проходной, мимо плаца, где немецкие солдаты выполняли какие-то команды у машин: заскакивали на машины, соскакивали и рассыпались в цепь, ложились, вставали, снова заскакивали на машины. Игра не очень интересная, хотя и бегали они с автоматами.

Меня привели в лазарет. Это большая комната. Вдоль стен стояло несколько коек, застланных одеялами, при подушках. На одной из них лежал человек, нога у него, вся в какой-то белой упаковке, на верёвке была вытянута вверх. Видно, ему было больно, но он терпел и даже улыбнулся нам.

Сопровождающий заговорил с ним по-немецки. Потом обратился ко мне: «Это раненый, которого ты привёз. Он хочет с тобою познакомиться». Я запаниковал: а вдруг он меня узнал? Сейчас выяснится, меня арестуют и повесят, как вешают партизан. Но раненый очень хорошо и добро улыбался и говорил, говорил радостно.

Перевод был для меня ошеломительный. Немец, настоящий фриц, благодарил меня за то, что я спас ему жизнь. И он никогда этого не забудет. Он видит, что я добр и смыслён. У него есть две дочки. Одна совсем маленькая, другая — моя одноклассница. Скоро он с ними встретится, потому что для войны он теперь не годен. Война для него закончилась.

Переводчик заторопился. Дёрнул меня за плечо, махнул рукой раненому, и мы вышли.

— Повезло бедняге, — сказал сопровождающий. — Для него война закончилась, а вот когда она кончится для нас?..

Он привёл меня на кухню, переговорил с главным поваром, и, как стало мне ясно, я был назначен помощником по кухне. Так началась сытая жизнь, которую я сразу определил обжираловкой.

Я не лентяй. Ещё в раннем детстве лень из меня выбивал голод. Хочешь быть сытым — трудись, ищи пищу: весной грачиные яйца в гнёздах на высоких ракетах, ближе к лету и летом — всякие съедобные цветы, травы и ягоды, ворованные горох, огурцы, лук, молодая картошка, а осень — настоящее изобилие созревшего урожая. Зимой — побирушкой по сёлам. Трудись, ищи — и найдёшь. Этаким мудрости я научился у деда Колдуна, который вечерами любил «вести разговоры», как он пояснял, с терпеливыми слушателями. Я всегда слушал его с интересом, пока не засыпал.

Обязанности по кухне были несложные: я чистил картошку, мыл кастрюли и котелки, таскал из сарая дрова и уголь. Судя по тому, что повар подбрасывал мне вкуснятину, я считал, что мною довольны.

В этой обжираловке было одно тревожное обстоятельство: раненый каждый день требовал, чтобы я посещал его. Во время этих посещений он много говорил, гладил меня по голове, показывал фотографии своих дочек. Я ничего не понимал, но чувствовал его доброе отношение ко мне. А ведь это я как бы оторвал у него стопу от ноги...

Так продолжалось с неделю. Я привык к жратве. Даже стал не всё съедать, что мне давали. Теперь уже карманы моего взрослого полушубка и штанов были битком набиты сахаром, сухарями, кусками хлеба и солью. Но всё хорошее скоро кончается. В одну из встреч с раненым переводчик оглушил меня известием, от которого я вспотел всем телом.

— Господин говорит, что он заберёт тебя с собой. Через несколько дней его отправляют на родину, в Австрию. Он знает, что ты сирота, а там будешь жить у него. Считай, что тебе повезло.

Когда я возвращался на кухню, то звёздное небо мне показалось чужим и зловещим. Покашливание часового на вышке — как выстрел. Я уткнулся в подушку на кушетке. По всем деревням шли облавы на молодых ребят и девчат, чтобы гнать их в Германию на работы. Но таких, как я, ещё не брали. А я вот попался по дурацости своей. Вместо того чтобы думать, как смыться, я соблазнился жратвой.

Всю ночь мне снились страшные сны: с погонями, стрельбой, а утром я проснулся рано, наносил дров и угля на кухню без указания и понукания. Но я и обследовал сарай. Ещё до этого дня я каким-то звериным чутьём искал лазейку из этого сытого, но не моего мира.

Сарай был старый, нижние брёвна сгнили и крошились, и доски на полу не скрипели, а прогибались, как трава. Кочергой я отвалил две доски, которые глубже других осели в землю. Копать почти не пришлось. Прогнившее бревно сруба раскрошилось беззвучно. Трудно, но можно пролезть наружу.

Дело двух-трёх минут — возвратиться на кухню. Две буханки хлеба, банка консервов и кусок несваренного мяса — этого вполне достаточно.

Сырой туманный рассвет я встретил уже у Чувардинского леса. В лес я не пошёл: у меня сырое мясо, а волки чуют его на большом расстоянии и съедят его вместе со мной. Я шёл к своему селу. Это 25 километров. С наступлением дня я спрятался в кустистом овраге и ждал до вечера. А вечером уже не дед Колдун потчевал меня своими рассказами, а я его. Он гладил свою седую бороду, вздыхал, мял в руках мякиш принесённого мной хлеба и молчал.

— Деда, — спросил я, — а ты не ругаешься? Они ж меня хотели угнать в Германию, чтобы я там гнул спину и делал что-то против своих. Ведь хорошо, что я смылся?

Дед Колдун долгонько помолчал.

— Дурачок, — наконец изрёк он. — Тебя не в Германию хотели угнать — тебя Гансом хотели сделать. И тот раненый, видно, добрый человек. Он добра тебе хотел, считая, что и ты добро ему сделал. Война для него закончилась. Поехал бы ты с ним — и для тебя бы закончилась война. Хорошо это или плохо, не скажу. Ну как получилось, так пусть и будет. Оставься Иваном, а Ганса тот солдат, может, теперь и своего наживёт. Побудь у меня. У тебя тут теперь такая защита. Фахт заходил, так обсказал, что хоть тронь кто тебя — убьёт без разбору. Ему за бой с партизанами какую-то медаль выдали, а всем остальным — от 10 до 30 шомполов по заднице. Ложись спать. Уже поздно. Но поспишь пока в подполье, там есть и подстилка, и чем накрыться.

В эту ночь я спал так спокойно, как не спалось уже давно.

ФЁДОР

*Мы шли дорогою одной
В опасной близости к расстрелу.
Я нужный был, но не родной,
И рисковали мною смело.*

Когда я утром проснулся у дедушки Колдуна, то меня уже искали полицейские, но раздельно: Лопай и Фахт, который стал теперь старшим над деревенскими полицейскими. Он громогласно объявил, что я теперь не русский, а настоящий немчура, приёмный сын раненого немца. За какие такие заслуги эта награда, он не уточнил, но пообещал любому, кто меня обидит, «снести крышу с плеч». У Лопая были свои причины искать меня: он не верил Фахту, его бою с партизанами и подробности хотел выбить из меня. Я целый день не вылезал из подполья, а только уже ночью дед разбудил меня, дал узелок с едой и велел уходить в партизанские деревни.

— Ты у нас уже большой, бродяга, темени не боишься и дороги знаешь. Иди, прилепись где-нибудь на холода, а за тихомирится — вернёшься. Брата твоего увижу — обскажу о тебе.

И я ушёл, но дошёл только до посёлка Кагановича. Темно, ни намёка на огонёк ни в одной хате. Посёлок считался партизанским, хотя до лесов от него было ещё далековато. Сюда

чаще всего наведывались полицаи и каратели для отчётности: вроде и партизанский край, но без партизан. Повластвовать можно без оглядки. Обираловки всё вычистили из дворов: скот, зерно, зимние заготовки. Даже дворовых собак перестреляли. Стучаться и проситься на ночлег — бесполезно. Может, кто и есть в хате, но все затаились в страхе. Мне не хотелось дальше идти. Я проголодался, в узелке с пищей — картошка, лепёшка и кусок варёной конины от убитой лошади. Я зарылся в копну соломы возле хаты, пожевал лепёшку и как-то незаметно уснул. А проснулся от того, что кто-то тряс меня за плечо.

Надо мной стоял мужик с винтовкой и вещмешком за плечами. Я его не сразу и узнал. Это был Фёдор, партизанский командир. Ещё с первого бегства из деревни с тифозным братом познакомился я с ним.

Тогда тиф нахлынул и сковал всякое движение: из тифозной деревни под страхом смерти не разрешалось выходить даже в перелесок за дровами и в поля за сеном и соломой для скота. Карательные отряды ввели в практику расстрел тифозных и поджог их домов. Заболевшего старшего брата ночью на санях я вместе с другими жителями нашего села вывез в зону партизанских отрядов, где немцы и полицейские не рисковали появляться. Наверное, шёл я уже больным, потому что мне морозной ночью было очень жарко. И весь этот период бегства я помнил смутно, а затем и совсем провалился в беспамятство. Но я каким-то чудом выжил, прилепился, истощавший, полуживой и голодный, к партизанам.

Как я уже позже узнал, тифозных в партизанских сёлах тоже не жаловали. Тиф — болезнь заразная и страшная, особенно когда от неё и лекарств никаких нет. И это Фёдор своей властью открыл избы эвакуированных или расстрелянных карателями хозяев. И определил хоть какой-то уход за нами и кормёжку.

Когда я пришёл в себя, брата уже не было со мной: он, ещё не до конца выздоровевший, ушёл на какой-то лесной хутор. Я болел сравнительно недолго. При том партизанском питании, по моим представлениям роскошном, я поправлялся быстро. Но хитрил, закутывался в ватник и сидел в ожидании обеда или ужина.

Ребят в этой деревне я не знал, но иногда они подходили ко мне, но не так близко. Дразнили «заразником» и спрашивали, как эта зараза выглядит. Но потом кто-то сказал, что тиф у меня не настоящий, а возвратный. Наверное, это так — тифом я болел уже год назад, и это было многодневное беспамятство, боль и слабость долгое время.

Фёдор-партизан иногда появлялся в посёлке днём, в открытую, с винтовкой. Это было время, когда карательные отряды из полицейских и мадьяр ещё не предпринимали частых и активных нападений на партизан, а партизаны тревожили в основном только старост и одиноких полицейских. Но всё шло к взаимному обострению. И надо было знать о планах противной стороны: среди партизан появились агенты, а карателей и полицейских выслеживали через население ближайших сёл.

Как-то, когда я уже хорошо окреп и сидел на завалинке, по привычке кутаясь в малахай, со мной рядом сел Фёдор-партизан. Скрутил самокрутку, закурил. Махра у него была такая крутая, что я закашлялся. Он посмеялся, предложил затынуться, чтобы кашель прошёл. Я отказался. Он сказал, что это правильно. Полез в карман и достал большой кусок сахара.

— Это тебе вместо табаку, — сунул он мне кусок. — А теперь слухай меня. Я замечаю, что ты уже и не большой. Только и того, что к жратве больно охоч. Но знаешь такую вождёвскую присказку: кто не работает, тот и жратвы не получает.

— А что работать? — спросил я.

— Это уже другие речи. Глаза у тебя есть, попросить милостыню жалобно — ты это очень могёшь, а остальное и работой стыд назвать. Правду я говорю. Ты к нам-то и раньше забредал?

— Да, был я у партизан. Только тебя не знаю и не помню. Комиссара помню, — ответил я.

Это была сушая правда: только-только начались разговоры про партизан в лесу — и я уже в лес подался из любопытства и из-за слухов, что у партизан такие запасы всего, что на сто лет хватит. Всё, что пошло в эвакуацию, — всё хранилось у партизан. Конечно, всяких сверхзапасов тогда я не видел, но жили они сытно. И я ещё не раз приходил к ним, всегда их находил. До тех пор ходил, пока их хромой, которого кликали «Комиссар», не пообещал мне, то ли в шутку, то ли взаправду, что при следующем моём появлении меня повесят как полицейского шпиона. На этом и закончились мои походы за сытой жизнью к партизанам.

И вот партизан сам, как обычный мужик, сел рядом со мной, «тифозной заразой», и разговаривает о какой-то работе, как со взрослым.

— Как тебя прозывают? — спросил он. Я ответил. — А меня Фёдор. Только Фёдор, и никакой не дядя Федя. А отца твоего я знавал, заводной такой, — отметил Фёдор. — Какой

он там враг — жизнь покажет. Я прикидываю, что он уже на фронте против немчуры воюет. Русские такие: друг с другом до смерти дерутся, а если сторонний кто напал на Россию, то уж састанут и враги в один ряд против оккупантов. И теперь ты никакой не сын врага народа, а будешь красным партизаном.

— Как это? — поинтересовался я. — И автомат дадите, и корм?

— До автомата надо дорасти, — заявил Фёдор, — а до харча надо дойти. Вот я и намыслил для тебя такое особое партизанское дело. Перво-наперво даю тебе партизанское имя — Иван Иванович, взрослое имя, которое знаем только ты и я. Это ты потом поймёшь, почему надо так. А задание само — ходить, как обычная побирושка, просить харч, хоть кусок хлеба, хоть картоху, а глаза держать открытыми и замечать, сколько солдат и полицейских в деревне, какой у них транспорт и оружие, куда едут. Всё это в памяти держать и, как встретимся, всё обсказать мне. Где встречаться, я всякий раз тебе обсказывать буду. О партизанах рот держи на замке. К нам в лес, в отряд — только с моего разрешения. Думаю, полицейского от немца или мадьяра отличишь. Про винтовки, пулемёты, пушки я не спрашиваю. Нет теперь таких ребят, которые всего этого не знают. Вон брешут, что бабы ребятню рожают уже с автоматами на шее.

Фёдор хрипло рассмеялся, откашлялся, помолчал.

— Ну как работа? — спросил.

— Нормальная безделица, — выразился я авторитетно, — только в Шепелёво и Жирятино я ходить и просить милостыню не буду.

Фёдор согласился. Сказал, что меня подвезут в деревни поближе к Кромам или даже к Орлу. И об остальном тоже можно не беспокоиться: будет и еда, и ночёвка.

Он курил, долго молчал, что-то обдумывал, а в заключенные вроде бы и без связи со всем разговором, растапывая окурок, с какой-то вроде бы болью сказал:

— Ты на Комиссара не гневись. Он вот и в землю полёг из-за доброты. Всё ходил да ходил к нам на кормёжку убогий, а потом следом привёл за собой карателей. По предательству или выследили его — теперь не узнаешь. Мёртвые неговорливые.

Так я стал работать у Фёдора и связным, и информатором.

— Иван Иваныч? Как ты здесь? Мы же договорились: к нам запрет. Под пулю могёшь угодить, если тебя ненароком увидят у нас. А соглядатай-то, похоженько, есть. Вот ночку зря прокараулил — он то ли учуял меня, то ли ты его своим запахом да храпом спугнул.

Он взял мой узелок, развязал его. Действительно, пахнуло чесноком с сильным ароматом.

— Откуда это? Харч прям наркомовский. Если угостишь, то и я не побрезгую перекусить.

Он жадно облизнулся. Видно было, что изголодался.

Мне не очень-то хотелось расставаться со своим пищевым богатством, но я не забыл, как Фёдор не раз разламывал даже последний сухарь, чтобы подкормить меня, как он говорил.

Я ещё толком не проснулся, зевал и чесался. Но честно, как и он, разделил всё, что было в узелке, поровну и начал есть свою половину.

— Богатеем ты никогда не будешь. Жадности в тебе нет, — сказал Фёдор, неторопливо покусывая хлеб. И съел он совсем мало. А на мой немой вопрос пояснил: — Мы уже две недели в блокаде: ни в деревню, ни в поле не выйти, чтобы что-то накопать. Кострим, и то только ночью. Все голодные, холодные и злые. А это хоть на один зуб раненым. Он отломил мне ещё небольшой кусочек, а остальное — и моё, и своё — завернул в узелок и спрятал его за пазуху.

Я молчал. Я уже знал, что такое карательная блокада, когда по каждому, кто из леса или в лес, бьют и прицельно, и очередями, пока не срежут. Без причин, без объяснений и вообще без слов.

— Я вот прошёл, — заговорил Фёдор. — Надо нам вшу в нашей рубаше прихлопнуть. Только вот найти не получается. Ты-то наших многих знаешь. Никого не припоминаешь среди полицаев и немчурь?

Я не так-то хорошо и знал партизан. И примечать мне в последнее время приходилось только за Лопаем: где ночует, где и что жрёт и даже куда на двор ходит.

— Нет, — сказал я Фёдору, — никого не приметил.

— Ну так походи, попримечай. Ты же наш, красный партизан.

— Мне нельзя сейчас ходить и примечать. Меня все полицаи сейчас обыскались, а спасение только в лесу.

Я долго и путано говорил и говорил, пока мы шли по глубокому логу ближе к лесу, где в круглосуточной блокаде зажаты партизаны.

Были и другие причины отказа походить и попримечать: выявили как-то одного шустряка, который наводил на партизан полицаев. И группу выделили, чтобы его поймать. Да дома перепутали. А пацана, моего одногодка, который на стук подошёл открыть дверь, не разбираясь, через дверь изрешетили и ушли.

Война. Всякое бывает.

Был назначен немцами староста — человек уважаемый, инвалид. Помогал сельчанам как мог: предупреждал об облавах, советовал, как лучше захоронить зерно, картошку. «Боевая группа» партизанского отряда пришла ночью и повесила старосту только за то, что немчуря его назначила. А взамен в селе появился такой староста, что от него никому добра и не снилось. Правда, этой «боевой группы» уже и не было: свои и расстреляли как бандитов, а не партизан. Позже говорили, что были они уголовниками из Орловской тюрьмы, которых позабыли эвакуировать.

Но осадок остался. И село какое-то время партизан не жаловало. Это как раз в то время, когда я кормился у них, а облавы и карательные рейды на партизан были редкими.

Уже у самого леса, перед опасным открытым полем, мы сели передохнуть. И здесь Фёдор мне, как маленькому дурчаку, начал излагать свою задумку:

— Так, для разведки ты не годишься. Куды тебе — ты ещё шкет для этого дела. Тебе что попроще, но важно: запомни потихоньку всех мужиков да баб в боевом отряде. Только ты меня не знаешь, и я тебя никогда не видел. Понял? Дневать будем здесь: сначала ты смотришь — я сплю, потом я до вечера смотрю, а ночью в лес проскочим.

Я не согласился. Я боялся Лопая, который мог быть в оцеплении. Я хотел в лес. Любым способом — пешком, бегом, ползком, но обязательно в лес. Мы продолжали разговаривать, Фёдор был в какой-то дрёме, а я всё думал, как от него избавиться и уйти в лес. Небо с утра хмурилось, стало моросить, а затем ливануло с неба, как из ведра. Но Фёдор, укрытый плотным кустарником, уснул. Я встал и пошёл по открытому полю во весь рост. Кое-где даже бежал. Этот путь мне казался очень долгим и длинным. Уже в лесу напряжение спало, и я стал примечать старые отметины: дуб, располовиненный молнией, кости убитых лошадей, сгоревшая машина.

Где-то недалеко должны скрываться постовые партизаны. Но на прежних местах их не было. Если по правде, то мне и не хотелось встречаться с партизанами: теперь я боялся и Фёдора, который, скорее всего, уже в отряде. Я нарвал лапника, поглубже забрался в кусты и, засыпая, очень сожалел, что провизия осталась у Фёдора. Может, он и отдаст всё это раненым, но и своим оставит: жене, матери и двоим ребятам — моим ровесникам. Все они жили в обозе, после того как отряд разделили на боевой и обоз, который был в самой глубине леса, в боевых делах не участвовал и себя не проявлял.

О Фёдоре грех плохое думать. Он был самый ярый организатор стычек с полициями. Но как-то ночью я подслушал разговор его с пожилым партизаном, который частенько меня жалел и подкармливал:

— Федя, чего же ты мальчика по деревням гоняешь? Ить его уж и заприметить могут. Чего ж ты своих-то не шлешь? Несправедливо.

Фёдор какое-то время молчал. Откашлялся, поплевал на самокрутку и заговорил:

— Говоришь, несправедливо. Да, есть то. Но моих-то быстрее опознают, и за ними к нам пожалуют не с добром. Это одно. Другое учти. Случись с моими что — моя баба и сама от горя сдохнет, и меня за собой потянет. А по еному шкету и поплакать некому. Так-то.

— Жестоко ты говоришь, — сказал его собеседник, вставая, — потому как не свой, а чужой. Эта причина.

Фёдор ничего не ответил, тоже встал и пошёл в сторону обозных землянок.

И я понял, усвоил, что хоть я и не чужой, но всё же не родной. И беспричинно, как свои дети, я никому не нужен.

ОСВОБОЖДЕНИЕ

Леса я не боялся. Он обступал меня, как живая толпа. Вот ёлка, вся аккуратная, похожая на тётку Липуху, а вот и огромный сукастый дуб у самого родника — это точно дедушка Колдун. С ним и посоветоваться не грех, и умыться удобно, да и подремать можно. Здесь же и костерок разжечь — дыма не видно даже днём: уж очень густая у дуба крона.

Я был богатым человеком: у меня имелся термитный патрон. И я не зависел от погоды, как кремний-крысало. Открутишь пробку, а внутри патрона белое вещество — говорили, что это фосфор. Мне было неважно, как оно называется, но главное, сунь в него хоть мокрую палочку — и она загорится. И ещё я умел делать ловушки на птиц, хорошо искал их яйца и молодняк. В лесу я не голодал, но страдал часто поносами, что как-то уже было и привычным.

Несколько дней я искал партизанский отряд — обозников. И всё-таки нашёл в такой глухомани, что и выбраться из неё было трудновато. Моему появлению не удивились, многие меня здесь знали. Ребят стало меньше: распахали их по дальним деревням, по знакомым. В основном здесь остались молодые девки и раненые. Жили довольно голодно. У них я пробыл всего три дня и всё пытался узнать дорогу к боевому отряду. Безуспешно. Они и знать-то вряд ли что мог-

---

ли, потому что боевые меняли своё положение довольно часто, чтобы какой-то стукач не навёл на них карателей.

На третий день мне повезло: на двух навьюченных лошадях привезли порезанную корову, зерно и раненного в ногу партизана. При моём опыте слезки мне было не так уж и трудно увязаться за возвращенцами, хотя уходили они без лошадей, оставленных на крайний паскудный случай, — и как транспорт, и как пропитание.

Полдня я продирался по мокрым кустам и мелким болотцам, пока не услышал негромкий окрик часового и последовавший разговор, разобрать который я и не пытался. Главное, теперь я знал, что партизанский отряд и край леса недалеко. Но куда мне податься? У партизан Фёдор, которого я бросил, в селе — Лопай. Здесь колесить тоже опасно. Можно и на пулю нарваться, и на mine взлететь. Надо очень осторожничать. Всё-таки село привлекало меня больше. Другую половину дня я провёл в поисках примет, по которым всегда ходил в лес и из леса. К вечеру я вышел к сгоревшему дому лесника и, уставший и голодный, пошёл напрямик в Лисицы — страдалицу-деревню на краю партизанской зоны, которой сполна доставалось и от карателей, а иногда и от партизан.

Стучать по темноте в хаты — никто не отзовется, хоть сдохни у дверей. Страх держит людей в тишине. Да, я это знал и не пытался стучать. Тоже тихо и беззвучно прошёлся по бахам: сорвал подсолнух, нашёл перезрелый огурец и сладкую мягкую свёклу. Зарылся в копну соломы, пожевал что-то и очень быстро заснул. Спал хорошо и долго. Уже солнце подогревало, когда я выбрался на свет божий.

Кое-где появились и люди. Я пошёл к крайнему дому, перекрестился, поздоровался с вышедшей бабулей и попросил водицы.

— Какой тебе водицы? — удивилась она. — Вон целый ключ бьёт, пей.

То, что совсем недалеко родник, я как-то не заметил. Но выпутываться, как говорил дедушка Колдун, я всегда умел. И здесь быстро сообразил: из трубы под крышей валил дымок, значит, печь топилась.

— Мне бы горяченькой, а то я обмёрз весь, — заканючил я.

— Ладно, заходи, — пригласила меня в дом бабуля.

Внутри было темновато и тепло, на печи кто-то надрывно храпел, а за столом сидела маленькая девочка и обсасывала кусок лепёшки, смазанный, видно, чем-то сладким. На меня она смотрела широко открытыми, испуганными глазами.

Бабуля поставила на стол кружку горячей воды и две, тоже горячих, картошки в мундирах.

— Видать, недавно побираешься: просить-то ещё не привык, — пробурчала она. — У нас побираться — и на зуб не наберёшь. Всё повыгребали, всё уволокли. Да и дворов с людьми мало осталось.

Я молчал. Ел, обжигаясь, картошку и запивал горячей водой: тепло, сытно и очень уютно, как будто я у родной бабушки.

— Это ж отколя ты, чей? — спросила бабуля.

— Я ничей, — сказал я, — из Шепелёво, сирота. Если слышали, в прошлую осень мать мою и сестёр бомбой убили.

— Вона што. Слыхать слыхала, но знать не знала. А среди стольких горестей и вспоминать тяжко.

Бабуля вздохнула, закашлялась. А с печи спросили:

— Это кого ещё черти принесли? Самим жрать нечего.

Голос был грубый, женский. Потом и сама эта женщина слезла с печи: обширная, лохматая, с красным лицом и запахом самогона. Она молча долго разглядывала меня, даже повернула к окну.

— А ить и правда сын Анисьи, — проговорила она. — Дай ему лепёшку — и пусть идёт, откуда шёл. Говнюк-то этот, Лопай, давеча, как был в Шепелёво, спрашивал меня, не видела ли я этого шпанёнка.

Бабуля отломала мне кусок лепёшки, взяла ещё две картошки, положила это в карманы моего малахая и тихонько подтолкнула к дверям. Я вышел из хаты, пошёл в сторону своей деревни, потом вернулся, посидел на пригорке. Куда идти?

И как-то даже не задумываясь, а сами собой ноги повели меня в Жирятино, к бабушке. Там Лопай реже бывает, да и лозняк рядом, где у меня, да и не только у меня, но и у другой ребятни, были свои укромные места и схроны. При облавах и взрослые часто пользовались лозняками: рядом с деревней, да и собаки в них не берут следа.

Шёл я не по дороге. Мне уже давно не нравились дороги, на которых всегда можно встретить нежеланного. Да и обстрелять без разбору могут. А вот поля, овраги, лога травянистые и кустистые — это мило. Здесь и землянку ненароком найдёшь. В полях всегда уж что-нибудь интересное есть. Да и съестное в поле: набрать колосков ржи, подсушить, протереть — и жуй, не тужи. Гранаты и шашки тоже не мешало бы найти.

Почти до вечера с передышками и перекусами шёл я в Жирятино. К бабушке. И когда появился живой и невредимый, она всплакнула, долго крестилась, растапливая печь. Кормила меня тёртой свёклой с отрубями и всё сокрушалась,

---

что нет теперь коровушки, нет для меня ни кислушки, ни молока. Сытый и уставший, я спал бестревожно, прижавшись к бабушке. А утром уже, как и всегда, встретился с ребятами: с ними и дружба, и драки, и находки опасные, и всё это наше тревожное военное детство.

Первым делом мне доложили, что обо мне справлялся Лопай: и у них справлялся, и у бабушки. А Фахт принёс бабуле полмешка отрубей и всё расхваливал меня всякими матерными словами. Так вот откуда отруби. Бабуля мне ничего не сказала. Теперь во мне снова заныли страх и тревога. Ребята сразу же это заметили.

— Не дрейфь. Лопаяу не до тебя. У Федосея свинью режут, а без Лопая это никак. Нажрётся — и на два дня в сортир.

Все знали: Лопай любит жаркое из крови свинной, поэтому убой этой живности без него никогда не обходился.

Меня как осенило. Дом хитроватого деда Федосея был на пригорке, у моста через речку. Сад спускался к самой речке, и сортир там же, почти у берега.

У нас, ребятни, была такая игра, что ли, — мена. Обмену подлежало всё, кроме еды, которую не меняли, а делили. У меня был блестящий кинжал в чехле, немного порванном, но с ляжкой для ремня. Это моя гордость, неизвестно как появившаяся и от кого. Зависть всех мальчишек. Но я решился.

— Мена, — заявил я, — кинжал за две противотанковые гранаты.

Это очень дешёвая мена: гранат было много, ими, не очень-то таясь, глушили рыбу. Осколков мало, взрыв не очень громкий, а рыбы от взрыва больше, чем от шашек, которые ещё и гасли иногда.

Мена молчала. Двух противотанковых гранат ни у кого не оказалось. Все хотели завладеть кинжалом.

Посыпались обещания, просьбы подождать.

Но ждать я не мог. Из обещаний взрыва не будет.

У меня была только одна немецкая граната, простая, с длинной ручкой. «Толкушка». Я ушёл от недовольных ребят к развалившимся колхозным конюшням, где безветренно, тихо и безопасно — здесь давно уже не было лошадей. Всё, что можно использовать в хозяйстве, растащили, и только яма с высохшим силосом ещё жила своим неповторимым ароматом, который дурманил голову. Я любил это место. Здесь был и мой тайник — в ржавом обломке водосточной трубы, прикопанной в силос. При его осмотре всё оказалось на месте: граната, смазанная мною коровьим маслом, кусок телефонного провода, полуразбитый бинокль с одним окуляром, патроны разные и всякая другая мелочовка.

Но сейчас мне нужна была только граната и бечёвка. Всё это я тщательно уложил в бездонные карманы своего малахая.

До вечера я был у бабушки, а как стало смеркаться, сказал, что пойду в Шепелёво, к брату. Бабушка не возразила, только поинтересовалась, как в семье дяди относятся ко мне.

Но я не пошёл в Шепелёво. Через бахчу, низами вдоль речки я вышел к саду деда Федосея, точнее к его сортиру, по-деревенски обустроенному, с этим самым очком, куда я и собирался заложить гранату. Помня, как ахнула граната под мостом, я решил, что здесь будет достаточно и одной гранаты. Даже мысленно похвалил себя за то, что не обменял кинжал.

В доме у Федосея шумели. Слышался и голос Лопая, но страха у меня почему-то не было. Занялся своим: крепил к гранате бечёвку, а потом и саму гранату. Это было долго и непросто в темноте. Постоянно прислушивался, как бы кто не пришёл в сортир и не застал в нём меня. Когда уже всё было готово, пришла тётка Липуха, подвыпившая и поющая, и долгонюко газовала и подкрякивала. Это меня не касалось.

Я лежал под обрывом у речки, скрытый кустами. Гулянка у Федосея затянулась надолго, но поздно или рано всё кончается. Стали расходиться. Слышнее всех — тётка Липуха и Лопай. Они долго спорили, куда кому идти. Липуха верещала, что к ней сегодня нельзя ни в дом, ни под юбку.

— Ты прошлый раз после кровянки засрал мне всю печку и хату! — верещала она. — Просрёшься — тогда и приходи, хоть ночью, хоть днём.

— Я сейчас в нужник. Потом к тебе, — обещал Лопай.

Шатаясь из стороны в сторону, он шёл к сортиру.

Во мне всё замерло.

Лопай долго нащупывал щеколду, непрерывно икал, расстёгивался, а потом грузно опустился на очко.

Я изо всех сил потянул провод, взрыва вроде бы и не слышал, но вопли Лопая мне чудились всю ночь, в которую я так и не заснул.

С намотанным на руки проводом я шёл, сам не зная куда. И очнулся, только когда оказался на выселках: три старые развалившиеся хаты, куда насильно кого-то выселяли подальше от села. Место это, изрытое мелкими оврагами и заросшее шиповником, пользовалось дурной славой. Здесь и трава покосная была жестковата, и днища родников красные: железная руда. Но мне сейчас уже было всё равно.

Я напился ледяной родниковой воды, сорвал с руки и выбросил провод. В голове звенело, но тело моё было каким-то расслабленным и спокойным. Как будто я ушёл откуда-то из страшного бытия. Я лежал на спине. По небу такие же спо-

---

койные плыли облака. В них я видел строения, бородатые лица небожителей и уходящие в бесконечность дали.

Не помню, сколько часов или дней я был в таком состоянии. Воспринимал я только светлое время, а ночь поглощала меня настолько, что я даже не видел звёзд.

Поэтому совершенно непонятно, как в итоге я оказался в Шепелёво за столом у дяди со всем семейством. Я что-то хлебал, слышал разговор, но совсем не понимал, о чём говорят и спрашивают меня. Очнулся только после внушительного тумака.

— Где ты шляешься? — спросил дядя.

— Не знаю, — искренне ответил я. Ребята засмеялись и я тоже.

Дядя махнул рукой. Трапеза закончилась. Все стали расходиться по своим делам. Я тоже вышел. Вслед за дядей, по его слову, пошёл к дому деда Колдуна. Там они с дядей о чём-то поговорили, дядя ушёл, а я остался. Сел рядом с дедушкой, бездумный и спокойный.

Дедушка перебирал травы, скручивал их в пучки и бережно укладывал в плетушки — небольшие, плетённые из лозняка корзины.

Очень долго молчали. Потом дед повернулся ко мне, долго смотрел в глаза, в открытый рот, больно тёр голову, шею, спину.

— Вроде не тиф. Отлежишься, — проворчал строго.

Потом я пил очень много до одури горького настоя, жевал пахнущий навозом кусок лепёшки и спал, много и долго спал. А когда выспался, то с удивлением заметил, что на улице порхают крупные снежные хлопья, а дедушка Колдун уже погрузился в свои, как он говорил, вечные валенки.

— Оклемался? — первое, что он спросил. — Теперь долго жить будешь.

Потом были разговоры, бесконечные чаи, сказки, притчи и легенды. А в промежутках — деревенские новости, самой важной из коих была та, что Лопая в селе нет, что он подорвался на своих гранатах, которые постоянно носил на поясе, и только случайно остался жив — весь в дерьме и позоре.

Из полиции его выгнали, дали шомполов довольно много и отправили на трудовые работы в Великую Германию. Фахт пошёл на повышение и теперь в Кромах начальствует среди постовых и охранников. Но мне это было как-то уже не тревожно и даже безразлично.

ФАХТ

Когда мне стало совсем тошно от голодного и равнодушного бытия, я, как всегда, снова оказался у бабушки, а точ-

---

нее, с бабушкой: хата её сгорела, жила она где придётся, а кормилась от добрых людей подаением и милостью Божьей. Худенькая, лёгкая в ходьбе, она бродила по тыловым деревням, и я — при ней: спокойный и беззаботный, и в сытости, и в голодухе. Просить я не умел. Но постоянное любопытство моё к тому, что и как делается, — это на всю жизнь. Я наблюдал и пытался помогать и научиться самому такое делать. Это обычно воспринималось хорошо даже и при неудачной попытке, при неуклюжести. И тому научила меня бабушка: «Внучок, старайся людям помочь — тогда и тебе помогут и пропасть не дадут, — говорила она. — Не гнушайся у людей поучиться».

В своих брожениях по деревням мы частенько где-то задерживались на день-два: бабушка кому-то готовила, пекла хлеб, чинила или вязала носки. Да и мне не давала сидеть без дела.

Если такое нам позволялось, то мы и ночевали под тёплой крышей, и сытыми были. Но больше случалось голодать. В прифронтовой зоне народ обеднел, обобраный и запуганный.

Однажды так случилось, что в деревне Пузеево я проснулся, испуганный. И было от чего испугаться. За столом, как хозяин, сидел партизан Фёдор, завтракал вместе с хозяйкой и стариком. Было ещё рано, ребятня да и моя бабушка спали. Фёдор сразу опознал меня.

— Ну, дезертир, вставай, — пожёвывая, изрёк он. — Ты знаешь, что за дезертирство дают? Патронов жалко, а в топку головой в самый раз: и тихо, и незатратно.

— А и чего ж ты сироту пугаешь? — защитила меня хозяйка.

— Он знает, почто я его пугаю. Сонного меня бросил у самой облавы мадыарской. Хорошо, что дождь разбудил, а то бы не сидел здесь с вами. А как присягу принял от меня он, так надо и ответ ему держать.

— Ты не гунди, — проскрипел дед. — Присяга — святое. Её взрослые народу дают, а не какому-то хренову мужику, хоть и воюющему. Сам говорил, что он тебе здорово помогал, а ты ему чем помог? Вот, жуёшь, чужой жратвой не брезгуешь. А то и самогончику поспрашиваешь по простудности. А ентот хмырь-побирушка присягой твоей должен сытый быть? Иди, мальчок, сюда, не бойсь.

Он отодвинул от Фёдора чашку с лапшой, забрал ложку и втиснул меня на скамейку между собой и стенкой.

— Ешь, — скомандовал он мне и закашлялся надолго.

Но я никак не мог есть. Высматривал момент, чтобы дать дёру из хаты и от этой жратвы, и от Фёдора с его угрозами. А дед откашлялся и снова набросился на Фёдора:

— Так, значит, ты присягу с мальчика взял. Командир если ты ему, так как же ты можешь жрать при нём, когда он с голодухи еле ноги волочит, от хаты к хате с бабкой в надежде волокнуться кусок хлеба или картоху в руки получить? Бандиты и то так не поступают. Командир хренов.

А закончил таким заковыристым матом, какого я никогда и не слышал. И опять ненадолго закашлялся.

Непонятно чему, но Фёдор начал смеяться. И тоже скормандовал мне:

— Ешь, раз дед говорит. Он дома у себя есть генерал, а я вроде у него как ефрейтор. И не смотри ты на меня со страхом, поешь, потом поговорим.

Он скрутил две самокрутки, запалил их и одну подал деду, а другой задымил сам. Табак самосадный, и дым от него такой вонючий, что я тоже закашлялся.

Я был голоден. Есть очень хотелось, но хотение выпрыгнуть одним махом с лавки и скрыться на улице, где ещё темно, главнее голода. Держало одно: как же бабушка моя? Её бросить я никак не мог.

— Вот надымили, как черти в аду. Задохнуться можно! — тоже кашляя, возмутилась хозяйка. Она передвинула от меня чашку с едой снова Фёдору, а мне подала большой кусок лепёшки и поставила крынку кислушки.

— Ешь и не слушай их, не бойся. Шутки у них дурацкие такие — пугать беззащитных. Мадьяров да полицаев побольше бы пугали, чтоб не сами от них прятались, а чтоб они от вас драпали!

Фёдор и дед молча дымили. Проснулась моя бабушка и тревожно глядела с печи на всех сидевших за столом.

Фёдор докурив, доел остатки лапши, потянулся и стал одеваться. И мне кивнул: «Одевайся». А мне и надевать-то нечего было: в чём ходил по улице, в том и спал. Я встал, остаток лепёшки сунул в карман — для бабушки. Страху особого не испытывал. Я был уверен, что в этой длинной, запутанной и заросшей садами деревне выберу момент и сбегу. Сразу здесь расстреливать меня Фёдор не будет: полицейский пост услышит. А до болот, чтобы утопить, далековато.

— Значит так, как договорились: бабуля поживёт у вас, а мальчонку я беру с собой.

Когда и с кем кто договаривался, я не знаю. Видно, хозяйка почувствовала моё беспокойство. Она погладила меня, сунула в руку узелок с едой и как-то очень добрым голосом сказала:

— Бабушка твоя теперь будет жить у нас, за девочкой нашей присматривать, а и ты не пропадай. Наведывай её.

Она посмотрела на бабушку, которая улыбалась уже как-то и не тревожно. А меня Фёдор уцепил за плечо, вывернул к дверям и вытолкал в сени, а потом и на улицу.

Моросил мелкий дождь. Мы пошли по задворкам деревни не в сторону лесов, а по направлению к Кромам.

— Ты, Иван Иванович, не обижайся на меня. Всё по жизни бывает, — заговорил Фёдор, вспомнив данную мне кличку. — Я на тебя зла не держу. В Кромах очень надо всё разузнать: сколько кого и какая техника. Дела у нас теперь серьёзные. Да и немчура, и полицаи научились нас ловить и долбать. Нам теперича очень надо поперёд знать, что они собираются делать и откуда попрут на нас. Они вот к нам гниду построили — это прямо дураку понятно. И мы как на ладони у них. А наши на виселицах качаются. Увидишь перед Кромами. Постой будешь искать сам. Нет теперь у нас там никого. Потому и ты очень кстати. Кое-кто мне обсказал, что в Кромах полицай Фахт — твой дружок. Он даже в каких-то начальниках. Может, и к нему подкатишься, но смотри не проговоришься. Этак-то и до петли недолго дойти.

Помолчали. Мне говорить не хотелось, не хотелось и в Кромы идти: там вряд ли меня забыли, да и Фахт мне и не брат, и не друг. Вышли на большак.

— Всё. Здесь мы разойдёмся: ты в Кромы, а я к себе, — заявил Фёдор. — Где больница была, ты знаешь. Там вроде тебя бездомность сбивается. Я через два, а может, три дня тебя найду, если от меня не будешь прятаться. Лады?

Я сказал: «Лады», и мы расстались.

До Кром я шёл недолго. Эта дорога для меня многократно знакома. Да и взрослее стал. И уже до Орла ходил за солью, хотя и не один, а в компании баб и девок. И всё-таки для пацана 70 километров пёхом с раннего утра и до позднего вечера в ходьбе тяжело было. А уж до Кром — 25 километров — ходил и в компаниях, и один, и по поручению, и просто на рынок-барахолку в надежде чем-то поживиться. Там и в облавы попадал, но всегда благополучно выкручивался. Чаще всего с помощью вездесущей беспризорной ребятни. Сказать, что я их знал и они меня помнили, — этого не было. Но узелок с едой, что был при мне, я честно разделил по принятому правилу: я имел полное право первым съесть самый лучший кусок, а если кусок один, то его половину. Заявка установлена невесть когда и невесть кем. Я развязал узелок и заявил:

— По первому... — и отломил половину лепёшки.

Ребята начали кричать:

— По второму... По третьему... — и так далее. И выяснять, кто кого опередил. Каждый получал половину от предыду-

---

шего. Самый медлительный получил кроху. Поскольку я был ещё не голоден, то отломил ему от своего куска.

Потом пошли разговоры, хвальба об удачных набегах на рынок. Смеялись над мальчиком, которого выпорол полицейай за то, что тот плохо почистил ему сапоги. Часто упоминали полицейского Фахта, которому под пьяную руку лучше не попадаться. Место сходки у ребят прежнее — за бывшей больницей под навесом полуразвалившегося сарая. Вместе с ребятами мне было уютно, и я забыл на время и о Фёдоре, и о Фахте. А выяснять, где, что и сколько немцев, полицаяев, какое у них размещение и оружие, — это для ребят дело плёвое.

Кромы — городок малый, и к вечеру я всё это уже знал и держал в памяти. Но страшился подходить к тому месту и зданию, откуда бежал, чтобы не попасть на работы в Великую Германию.

Было ещё тепло. Спали вповалку на соломе — это те, кто «самый беспризорный», у кого ни родных, ни знакомых, кто мог бы их приютить. Я был среди них как свой, имел право просить «харчу» у любого из ребят и даже в честной драке отнимать. Голодные и свободные. И каждый хоть единожды попадался в полицейские облавы и был высечен плетью или винтовочным шомполом.

В Кромы я, кажется, пришёл не в самое удачное время: утром на барахолке была облава. Пойманных толпой человек 40—50 прогнали по дороге к Кромскому мосту, к баракам, обнесённым колючей проволокой. Уже не полицейские, а два немца растянули всех в колонну по одному, выталкивая за ворота заведомо не подходящих: хромых, старых, явно больных, а пацанву — таких, как я, — передавали полицейским, которые, похуже, с удовольствием выполняли процедуру порки: валили на топчан, задирали рубахи и секли кнутом. Плач, вопли и поротых, и тех, пригодных, которых за- талкивали в барак.

Меня била дрожь. Я не мог ни думать, ни сопротивляться, а, как баран, шагал в своей очереди то ли к бараку, то ли к порке. Кроме серой спины впереди идущего, я ничего не видел и не хотел видеть. Но голос, знакомый голос, я услышал:

— Фахт, это мой турка!

Надо мной наклонилась голова, обдавшая самогонным запахом такой крепости, что я покачнулся.

— Ты, это, выходи. Твоей жопе другое место найдётся, фахт!

Он кликнул одного полицейского от топчана, где пороли, и что-то говорил ему, указывая в сторону города. Меня выдернули из общей очереди, вытолкнули за ворота, усадили на телегу и прочно привязали к оглобле. Я очень плохо сообра-

---

жал, что со мной делают. Одна мысль долбила голову, как дятел: «Попался, попался...»

Не знаю, сколько я так просидел. И то ли от беспамятства, то ли от полусна я очнулся уже в хате с натопленной печкой, а за столом сидели полицаи, пили, ели и с почтением слушали Фахта. Я не улавливал, о чём он говорил и чему все смеялись. Из какой-то вязкой болотной лени я пытался выбраться, но устав и отчаявшись, уже уснул по-настоящему.

Проснулся я поздно в недоумении и испуге: большая комната, тепло, на столе чашки, хлеб кусками и что-то ещё приятное по запаху, а у плиты — незнакомая мне бабуся.

— Проснулся, касатик? — обернулась она ко мне. — Тако откуль же ты взялся, племянничек Гришин?

Я молчал. Отвернувшись к плите, она что-то бормотала, чего я и разобрать не мог. Мои глаза быстро обследовали это жильё в поисках обувки — всепогодные старые женские боты с онучами, годные и в дождь, и в снег.

— И что ты шарить? — обернулась бабуся. — Вон какие тебе Гриша отказал бурки. Как для барина. Мне бы такие-то в самый раз. А то за што я тут спину гну? И хватера это вот моя, да только теперь чужая. Того и жди, что выгонят.

Бабуле явно хотелось выговориться.

Я слез с кровати и у порога увидел эти самые хвалёные бурки — сапоги. Красивые, но я-то уже знал, что сушить такую обувь непросто. А боты? Вытри сухой травой, тряпкой, а то и рукавом малахая — и всё сухо. Но бот моих в комнате не было.

— Да не сокрушайся ты, касатик, по своим лаптям резиновым. Не выкинула я их, а онучки твои вон, сохнут на трубе. Иди ешь, только не сбеги. Гриша велел стеречь тебя, как важную птицу. И не пускать эти дни тебя на улицу: в облавы попадёшь, потому как партизан вроде ловят, что и в Кромы затесались.

Я ел подогретую кашу, для плотности заедал хлебом и запивал очень сладким чаем. Это всё на побег. А бежать я собирался при малейшем удобном случае. Ел я долго, слушал бабулю не очень внимательно, но кое-что понял из её бесконечных повторений: она «ни за что ни про что ответствует за внука, который в тюрьме проживал больше, чем дома». Что и при немцах вором остался — что-то спёр очень ценное, и его искали, чтобы повесить, а он уж оказался в партизанах. Вот за это у бабули отобрали весь дом, но вот Гриша сжалился: разрешил ей жить в чулане, убираться по дому и готовить.

— Внучок и у партизан наследил. Но и оттуда живым убежал. А где его черти носят теперича?

Помолчала, попивая сладкий чаёк. А затем без всякого перехода высказала:

— Ты вот зыришь, как убежать. А ить сейчас всё одно — поймают. Уж три дня — сплошная облава. Ну а убежишь — так меня Гриша убьёт, особливо спьяну. А к вечеру он всегда на бровях. Бежи. А и вспоминай потом, что это ты меня убил.

Бабуля казалась мне совершенно безобидной, и «убивать» её мне совершенно не хотелось. Она вышла в сени, вернулась с моими ботами, поставила их у дверей, перекрестилась на икону.

— Мне надо за Гришиной пайкой сходить, а ты уж тут оставайся один. Силой тебя я не удержу, — сказала бабуля и ушла.

Я торопливо засуетился, засобирался: онучи были сухими, боты — вот они. И на дорогу есть что прихватить. Но при всей готовности что-то стало тормозить меня, какое-то неуловимое раздумье, внутренний спор с самим собой. Какие уступки, супротивные побегу: дожидаться бабули, дожидаться вечера, дожидаться Фахта и бежать от него, а не от бабули.

Бабуля вернулась только к полудню. Накормила меня обедом, потом и ужином. И всё это время она была в молчаливой печали, никак не отреагировала, когда я сказал, что отдаю ей бурки. А после ужина ушла в свой чулан и больше не появлялась.

Фахт заявился очень поздно. Шумно раздевался, пил долго квас, уселся за стол, но до еды не дотронулся. Кашлял, чихал, чесался. И изба сразу наполнилась ароматом самогона.

— Не спишь? — спросил.

Я ответил, что не сплю. Фахт высыпал из кулька кучу пряников.

— Иди, жамки пожуём да побалакаем.

Я слез с кровати, сел на край скамейки. Фахт поддёрнул меня поближе к себе. И мы начали жевать пряники и запивать их квасом.

— Ты про мой «бой» тот никому не пробрехал? — спросил Фахт и выжидательно уставился на меня. Рот у меня был полон, и я отрицательно затряс головой. Фахт хлопал меня по спине. — Я зрю, что не от тебя брёх пошёл и не от Липухи. Она баба разборчивая по трёпу. А кто же эту обстоятельность узнал? Только сами партизаны. А как они это начальнику моему хренову донесли и зачем?

Фахт рассуждал, крутил ложку, пока не сломал её и не поранил палец. Слизнул кровь, взял с предпечья щепотку золы и ею присыпал порез.

— Фахт, теперь меня выгонят, а то и в Неметчину угонят. И сбежать, как ты сбежал, мне некуда. Тут ещё и Гурий подо-срал: начальничку заявил, что ты с партизанами якшаешься и потому из свидетелей моего «боя» можешь оказаться в пет-ле. — Ещё посыпал ранку золой, а потом ухватил моё плечо своей лапищей и притиснул мою испуганную физиономию к своему лицу. Страшному лицу. — Говори правду, а то убью: ходил к партизанам?

И я признался, что ходил, но давно уже не хожу: их хромой комиссар обещал повесить меня как шпиона при следую-щем появлении. А ходил я за жратвой. Я не врал, так это и было. Фахт отпустил плечо моё, как-то расслабился, поку-сывая пряник. А у меня в памяти вспыхнуло искрой имя — Гурий. Имя редкое для меня, и слышал я его у партизан, хотя самого Гурия, может, и видел, но не запомнил. Фахт вздохнул тяжело и скомандовал:

— Одевайся! Уходить тебе надо. Да и мне бы тоже, только некуда.

Мы оделись. Я с сожалением оглянулся на стол. Фахт по-нял меня: быстро побросал всё съестное в вещевой мешок, а лампу гасить не стал. Только бурки переставил к двери, где обитала бабуся. Вышли. На улице темень тревожная, какая бывает перед сильным грозовым дождём.

Мне было не по себе. А Фахт вроде как обрадовался, на что-то решился. Рядом у крыльца стояла осёдланная лошадь. На неё Фахт и подбросил меня, а затем и сам забрался.

— Это хорошо, если дождичек... Ни одна собака след не возьмёт, — тихо, как бы сам с собой, заметил Фахт.

И тронул коня.

Из Кром поехали мы не в сторону Кромского моста, а на Орёл. Конь шёл размеренно, неторопливо, от Фахта лилось убаюкивающее тепло. Клонило в сон. И только нагнавший нас грозовой дождь с сильным порывистым ветром сорвал и сонливость, и спокойствие. А ещё впереди меж грозowymi всполохами слышалась стрельба и вспышки ракет.

Мы промокли, остановились рядом с каким-то прудом. Фахт снял с коня седло и уздечку и выбросил всё это в воду, а коня хлопнул по холке, вскинул вещмешок на плечо, и мы пошли пёхом дальше в ночь — мокрые и бесцельные.

— Если на кого нарвёмся, я спрячусь, а ты заблудший си-рота, идёшь к тётке в Карачев. Запомнил? У меня в этом по-селении должна быть зазноба, которая клялась до гроба лю-бить меня. Но это не фахт, могла и брехать, — посвятил меня Фахт. — Далековато, особенно для тебя, но других направле-ний нету.

— Есть ближе, — решился высказаться я, — Чувардинский лес. Там ни карателей, ни партизан. А места потайные я там знаю. Пересидим.

— Всю войну не пересидишь, — возразил Фахт, — но отсидку небольшую и безопасную найти было бы в самый раз. А то эта дорога до Карачевского шоссе людная и патрульная, фахт.

И мы свернули на просёлок в сторону Чувардинского леса, который я знал хорошо ещё с тех пор, как вместе с братом прятался от облав.

К утру стало зябко, хотя дождь уже не шёл и, судя по алеюшей кромке восхода, день обещал быть погожим. По лесной дороге мы не пошли, а свернули на тропы, которые раньше выводили на грибные и ягодные поляны. Теперь другое: сгоревший самолёт, разбитые мотоциклы, разбросанные взрывами части телег... От непохороненных — только ключья разорванной одежды и кости. Война...

Бои здесь были давно. И лес, стоящий на отшибе от Брянских лесов, как-то не осваивался ни партизанами, ни немцами. Да из ближайших сёл ни по грибы, ни по дрова тоже не рисковали сюда заглядывать из-за мин и снарядов. И ещё из-за страха, что немцы или полицаи посчитают их за партизан и пустят без раздумий «в расход», как стало принято говорить о расстрелах.

Стало светло. По старым приметам я вёл Фахта к тем местам, где можно было и спрятаться, и с водой рядом, и удрать в случае опасности тоже было куда.

Сколько мы шли — всю ночь — Фахт не произнёс ни слова. Только изредка прикладывался к фляжке. Я нашёл наше старое убежище — врытую в овражке в стену землянку, закрытую сверху плотными кустами боярышника. Посредине печка-буржуйка из канистры с трубой из нескольких обрезанных снарядных гильз. Мы ютились в землянке семеро — и вроде было не тесно, и брезент, закрывающий лаз в землянку, хорошо держался, а сейчас обвис, как тряпка.

Я залез внутрь. Похоже, людей тут давно не было, но пахло зверьём, и на валежнике — ключья шерсти.

Я вылез. Фахт сидел, распахнув куртку и рубаху.

— Ну что, пришли? — спросил.

— Пришли, — ответил я и стал рассказывать, где можно подкормиться орехами и как в пруду подналовить кубариком рыбёшку.

— А варить в чём будем? В штанах?

Я показал ему каску и сказал, что варить-дымить только по темноте.

— Осмотрюсь... Вроде убежать отсюда могём просто, фахт. А вот дыру в это звериное логово я малость раздвину, — осмотревшись, заявил Фахт.

День пахнул теплом. Мы развесили нашу одежду для просушки, подсушили и валежник в землянке и при этом выявили чугунок, немецкий котелок и кусок острой сломанной косы.

— Похоже, не один ты знаешь эту точку? Кто-то и зимой здесь жил, фахт. И нам это на хрена? Но пока сойдёт, — заключил Фахт.

С перерывами мы спали, наверное, день, ночь и ещё день. Похоже, что самогон у Фахта закончился, и он мучился от своей трезвости.

Мы лежали на сушняке рядом, и он долго рассказывал о своей жизни: как по дурости украл и как по глупости попался, а в тюрьме его научили работать много и всяко, но и пить тоже научили. Вышел из тюрьмы и через неделю с местной шпаной в клубе подрался. Отбывался хорошо — сломанной рамой от портрета. Всех разогнал. И стал «политическим», потому как портрет этот был самого Верховного. И его снова в тюрьму, но по статье политической — 10 лет. А тут война. В армию ни-ни: враг народа. При отступлении тюрьму не успели отконвоировать — иди куда хочешь. И пошли: кто на восток, а кто на запад. К партизанам сунулся — еле ноги унёс: опознал его сокамерник из той тюрьмы как «политического» и врага народа. Куда дальше? В полицаи только. Вот и пошёл. Озверел и взаправду стал врагом народа.

— И это моя последняя берлога, фахт, — заключил он. — Я бы и сейчас крест на себе поставил, но так хочется узнать, а ещё больше — задушить того иуду, что продал меня. Я сказал, что тебе и Липухе верю больше, чем себе. А кто ещё?

Много было долгих разговоров. Подсохло хорошо. И бродили мы по лесу в поисках хорошего места для новой землянки.

У разбомбленного обоза отыскалась и лопата, и топор, и пила-ножовка, и много ещё чего, что мы стаскивали к себе. Фахт не хотел ни лежать, ни сидеть. Но потом, когда всё необходимое было готово, он вдруг как застыл.

— Найди партизан. — Он схватил меня за руку. — Не найдёшь, а тем паче сбежишь — я тебя найду. Иди хоть сейчас, хоть ночью. Найди. Скажи, что хочу, сволочь я такая, хочу, чтоб свои расстреляли, а до того, может, и пользу из меня извлечь какую могли.

Вытряхнул из вещмешка последнее съестное, что было: кусок запыхавшегося сала, пару банок тушёнки и кулёк с пряниками.

— Бери и иди. Два дня тебя жду. Потом буду искать.
— Мне не надо. Я и так найду партизан. Вернусь, если не убьют, — сказал я.

Фахт подтолкнул меня, и я полез вверх по оврагу.

И то, что сидело в моей голове все эти дни, сорвалось с языка:

— А кто этот Гурий? — крикнул я. — Имя чудное.

Фахт впервые за несколько дней хохотнул.

— Такой же, как я, придурок. Вместе сидели на второй сидке. А тебе зачем? Он теперь дружок моего бывшего начальника.

Но я уже не шёл, а бежал. И до Пузеева дошёл ещё за светлом.

Нашёл хату. Увидел свою бабушку с маленькой девочкой на завалинке под окном и заплакал без всякой причины. Вышел дед.

— А, дезертир. С чем пришёл?

— Фёдора мне, — сказал я. — Если пропаду, то передайте ему: Гурий.

— Иди в дом и не высывайся. Бабка тебя накормит, да и одежду надо сменить, а то весь в грязи. На чёрта похож.

Фёдор появился ночью. Меня, чистого и сытого, подняли. Разговор был коротким по дороге в Чувардинский лес.

О чём говорил Фёдор с Фахтом, мне не довелось услышать. Знаю только последствия: карательный отряд мадьяр попал в засаду и был уничтожен полностью, а под Орлом по Карачевскому шоссе сгорели склады и самолёт. И Фахт, Григорий, принимал в этом самое деятельное участие. Был ранен и отправлен вместе с другими ранеными на большую землю.

А мне теперь не возбранялось бывать явно в партизанском отряде. И не в обозе, а в боевой его части: гнида была выявлена — не без моей помощи и памяти на редкие имена: Гурий.

ФАНТАЗЕЙНОСТЬ

В войну и без радио новости, как местные, так и издалека, распространялись быстро. А та, что Фахт — настоящий тайный партизан, при его известности, разнеслась, как попутным ветром. И обо мне, может, и от самого Фахта, просочилось такое лестное и опасное мнение, что я партизанский связной. А этого для полиции более чем достаточно.

О том, что меня ищут, первой сообщила Фёкла, повариха полицейской братии, большой дом которой и был теперь их стоянкой. Иногда и подкармливала меня Фёкла, а в этот раз бросила в мою сумку краюху хлеба и вытолкала в ночь, бор-

---

моча на ходу о том, что за партизана меня посчитали, нехристи, и уловить хотят, и разговорить, а может, и повесить.

Я отламывал в сумке кусочки хлеба, жевал... и по голодности не сразу осознал эту опасность. Но уже по привычной осторожности ноги сами повели меня к лознякам у речки, а через них — в Жирятино, к моей бабушке. И она поведала, что меня искали и у неё, чтобы щедро наградить за какие-то заслуги. Все её расспросы о заслугах я оставил без ответа. Спешно выпил кружку кислого молока, а картофельную оладью доедал уже на улице. Ночь, не холодная, но и не тёплая, как будто дышащая слабым ветерком, успокаивала меня. Время для раздумий ещё было. Но выбора — куда идти — не просматривалось.

На последней встрече с Фёдором, партизанским командиром, разговор был коротким и необнадёживающим. Карательных и полицейских отрядов стало не то чтобы много, а очень много.

— В лес не суйся, — сказал. — Блокада такая, как будто нас в мешок затолкали и в болото выкинули. Для новой встречи сам тебя найду. Стукач, похоже, снова у нас завёлся. Постерегись. Ищут они разведчика — побирuşку нашего, но не знают, кто он. Если тебя прихватят, кроме наших встреч, обо всём говори и даже проводи до лесорубской — нас теперь там нет, но встретить «гостей» в этом месте удобно. Фантазейщик ты, не переборщи, — советовал Фёдор. Он часто говорил такие умные слова, вроде как на другом языке.

— А кто фантазейщик? — решил уточнить я.

Фёдор усмехнулся, но ответил:

— Это кто брешет до того интересно, что все слушают, уши развесив. Хотя всё это брехня. И тебе вот задачка: чтобы этой твоей брехне или полуправде поверили.

На том и расстались. Два дня назад это было.

Неужто Фёдора прихватили? Вряд ли. Об этом во все колокола звонили бы. И к виселице — явка всех обязательная. А пока такого нет. И кто это меня узрел и связь мою с Фёдором обсказал? Встречались мы с ним в разных местах, безлюдно, один к одному. И новую встречу назначал он и по месту, и по времени.

Думать было о чём, но где скрыться? Это же не на один день. И далеко не уйдёшь от деревень-кормилиц. В них и подловят. Что вспомнилось, так это выселки. Три развалившиеся постройки над глубокой балкой, заваленной понизу кусками красной каменистой породы, а поверху заросшей тонкими деревьями и кустарником с изогнутыми сучьями и стволами, сплетёнными между собой в одно протяжённое целое,

---

как трава повилика. Прозрачные родники между камнями как красные чаши. «Руда», — говорили знающие мужики, а старухи деревенские повествовали, что это кровь выселенцев, которых за бунт постреляли и повесили по столыпинскому указу.

Уже однажды выселенные сюда из-под Кром на безурожайный участок земли и обустроившиеся, они не захотели стать переселенцами в Сибирь. Пару раз я заходил в эти места, но неохотно и ненадолго. Здесь было неуютно и тоскливо. И в ближних деревнях считали это место гиблым. Ни одну вещь из этого посёлка не умыкнули: сгнившие грабли, лопаты, соха, цельная утварь в домах так и пропадает не один десяток лет. И ещё пугающая странность — большая стая чёрных агрессивных птиц, которые вроде бы и волков заклёвывают. Не любят проходящих к ним.

Вот туда я и решил направиться. Там никто не ходит и поля близко: свёкла, морковь, и колосков можно собирать. Может, и удастся отсидеться. И я потопал, неохотно, неторопливо, по бездорожью — дороги я давно невлюбил, как место нежелательных встреч. А утречком я уже был в этом удивительном посёлке. И птицы скоро угомонились и не крылатили у самого лица, как в начале моего появления.

Солнечная тишина. Я упивался ею. И отлучался только на ближние поля: свёклы было в достатке, а колосков нескошенной ржи хватало и мне, и птицам, которые уже не так гомонили при моём появлении. Одиночество меня не тяготило: я — и вокруг ни души. Только однажды далеко, полем, проехал человек верхом на коне. Но вряд ли он меня заметил. Я и не определил, кто это. Вроде что-то знакомое, но не припомнилось.

С недельку длилось моё благополучие. И где-то в полдень я сидел над родником, наслаждаясь необыкновенным зрелищем: серебряные клубочки выбулькивают из-под земли и как будто разматываются и образуют воду в красной чаше родника. «Фантазейно!» Но меня неожиданно взорвал резкий клёкот взлетевшей стаи птиц.

Тревога. Кто же ещё мог пожаловать сюда? Я уже рванулся вверх, к постройкам, к прочному каменному подполью — фундаменту дома, где я обитал. По краю от дороги верхами рассредоточенно стояли пятеро. Лошади под ними беспокойно перешагивали от визга и метания птиц. Двое — немцы с автоматами, ещё двое — полицейские при карабинах. А пятый — без ничего. И я его узнал: Обьездчик. Он в колхозе объезжал поля, гонял нас, ребят, когда мы паслись на городском поле. А кто он теперь и кем? И это он проезжал и всё-

---

таки увидел меня. А признать-то его надо было мне: голова у него как будто прилипла к груди. Говорили, что какой-то зверь его покалечил и сломал шею.

Я смотрел на них, они на меня. Бежать или скрыться мне было некуда. А они не спешили. Видно, и на них это место давило. Немец дал короткую очередь по птицам. Впустую: это ещё больше взбесило птиц, да и коней тоже.

— Поднимайся сюда! — заорал полицейский и прицелился в меня. Вряд ли при таком кручении его коняги он бы попал в меня, но бежать-то было некуда. И я пошёл вверх и подошёл к ним с думой занырнуть в постройку и через неё выскочить в поле. А там... Там, если бы они были пешими, можно было бы на что-то рассчитывать.

— Ближе, — скомандовал полицай. Я подошёл ближе. И в это время что-то в строении упало, может, птицы зацепили какую гниль. Но вся конная пятёрка дёрнулась и отскакала в сторону к глухой стене. А полицейский очень больно дёрнул меня за руку, и я оказался в седле впереди него.

— Кто ещё есть в хатах? — спросил объездчик. Я сказал, что никого. И немцы, и полицейские о чём-то погалдели, а объездчик подытожил: — Если бы кто здесь был с оружием, при таких фундаментах роту можно уложить. Поехали.

И мы поехали молча до самой Неживки к дому Фёклы, которая ещё издалека узнала меня, начала креститься и что-то наговаривать.

Спешились. Через большую комнату, где столовались полицаи, провели меня в кладовку. В деревне об этом помещенье многие со страхом вспоминали. Небольшой массивный стол, стул — столу под стать, вдоль стены — скамейка. В кожаном кресле (из директорского кабинета председателя колхоза, расстрелянного) за столом сидел грузный мужик без никакого оружия. Только плётка на столе. Меня определили на стул. Мужик махнул полицейским на дверь, а объездчику показал на скамейку.

— Ну что, партизан, правду говорить будем? — голос у мужика какой-то с клёкотом, как у гуся.

— Я не партизан. Только хотел похарчевать у них, а их хромой комиссар обещал меня повесить, если ещё раз приду. Это в прошлую осень было. И я больше нини, — признался я.

— А с кем в лесу якшаешься? Кому секретность нашу передаёшь?

Я вспомнил о «фантазейности» — и меня понесло. Я даже признался, что на прошлой неделе видел партизанского командира у Жирятинского моста.

— А о чём же ты с ним балакал? И нас о том не оповестил? И я «честно» открылся: испугался, потому как партизан сказал, что если я хоть пикну, он меня утопит тут же, под мостом. Но, похоже, моя «фантазийность» мужика не убедила. Он закурил. Какой-то злейший табак, но не самосад деревенский. И дым выдыхал прямо в лицо мне, аж глаза мои заслезились.

— Хотя ты и сын врага советской власти и вроде как должен быть за нас, но всё-таки нутро у тебя не наше. Может, партизанский комиссар тебя из жалости не повесил, а ты с испугу в помощники к ним подался. А мы жалеть не будем. Повесим. И прилюдно, чтобы другим, вроде тебя, повадно не было, — клекотал мужик.

Я молчал. Мне стало очень холодно, а шея зачесалась так, как будто на ней уже толстая пеньковая верёвка была.

— Ты слышишь меня, щенок? Уразумляешь? — клёкот со слюной. Он с размаху такой корявой ладонью ударил по лицу. Увернуться я не успел. Упал со стула и больно ударился об пол. Тяжёлый сапог перекинул меня на живот, и плётка жиганула по спине. Я давно разучился плакать и только вскрикивал при каждом ударе, пока куда-то не провалился сознанием: и боль пропала, и я вроде не я — бездвижный и безголосый.

Только услышал, как объездчик убеждает палача моего:

— Хватит. Забить успеется, а пользы никакой... От страха не только срут, но и делают нужное по приказу. То, что этот зверёныш говорил, не брёх. Партизаны ушли от моста по лознякам. И стоянка партизанская у Засеки была: я сам на неё наводил. Надо теперь заставить шельмеца найти новую стоянку партизанскую. Я этим займусь.

Всё это я хорошо слышал в своей неподвижности и болезненной дрёме. Приходили какие-то другие люди, слышался говор, не осмысленный мною. Очнулся я уже в ночь. И на мне, и во мне не было места, которое бы не болело. И если уж повешенье, то поскорее бы, чтобы не мучиться так. Валялся я в сарае — пристройке к большому дому тётки Фёклы. Дом — полицейская крепость: постоянная охрана, а на веранде — пулемёт, направленный на деревню, раскинувшуюся ниже, к речке.

Ночью я не спал: никак не получалось найти такое положение, чтобы не болело или не очень болело. И день следующий был не лучше. Тётка Фёкла только один раз заскочила ко мне с куском лепёшки и кружкой кваса. Погладила меня по голове, как маленького, и ушла молча. При её разговорчивости это дурной знак. Но я уже как-то смирился со своей

безысходностью. Жевал лепёшку, запивал квасом и вспоминал, как мне было хорошо в «гиблом месте» — на выселках.

Дня три или четыре меня никто не тревожил, кроме Фёклы, которая приносила еду — приличную еду. Спросил у неё: может, забыли меня? «Не до тебя им», — ответила она и объяснить не стала. А потом и вовсе перетащила меня в «свою комнату» — бывшую баньку — и стала лечить мои раны кашицей из трав, настоящей на самогоне-перваче. Это было как сковороду с огня и на тело, но потом легче. Может, из-за сравнения двух жгучестей. Сколько времени провёл я в этом «блаженстве» — и не усчитать. Я окреп, стал хорошо ходить, приседать и даже нагибаться. И подумывал, как дать тёку из этого блаженства.

Но обо мне всё-таки помнили и вспомнили. Зашёл объездчик, задрал на мне рубаху, осмотрел рубцы и даже потрогал их.

— Перестарался Грек, — сказал, — но ещё денька три Фёклиной заботы — и можно заняться делом.

С тем и ушёл. И пришёл точно через три дня, и повёл в ту страшную кладовку. Ничего в ней не изменилось. Только того мужика — Грека — не было. Но и без него во мне всё заболело, и я вспотел холодным потом.

Объездчик это заметил.

— Не дёргайся, — сказал и подал мне плитку немецкого шоколада. — А теперь слушай.

Говорил он долго и каждый раз требовал повторенья сказанного им. И всё сводилось в итоге к тому, что предельно ясно: я связной партизана Фёдора и за это подлежу повешенью; могу быть помилован, если докажу свою преданность германской власти такими действиями, которые мне прикажут выполнить.

— А приказ тебе такой: вывести полицейских на стоянку партизан. Я хочу тебя спасти и отказ не принимаю, потому что отказ — виселица, и даже не завтра, а сегодня.

Я ответил, что о стоянке говорил уже.

— Позвать мне Грека? — спросил он. — Я вздрогнул, и это было замечено. — К стоянке, о которой ты говорил, нас подвезут, как в мирное время, а дальше будем искать. Ты найдёшь и покажешь мне. И свободен, — попытожил объездчик и бросил мне курточку защитного цвета. — Чтобы ночью не мёрз, — добавил.

И мы поехали на полицейской телеге в сопровождении всего двух полицейских с карабинами — по той дороге, которая называлась «партизанской». А теперь вот для карателей своя, безопасная. Но всё-таки как-то беспокойно и испуганно

крутились наши сопровождающие. А объездчик без всякого оружия сидел впереди и спокойно похлопывал вожжами по бокам коняг.

Бывшая партизанская стоянка вроде бы и не изменилась. Те же землянки, навес над печкой, где теперь стояла ещё и полевая кухня на колёсах. Но окружное окапывание свежее. Полицаев было много, а спокойствия здесь как-то не чувствовалось. Дерготня. И нас встретили на дальних подступах, а потом вроде и конвоировали. Объездчик ушёл в какую-то землянку. Долго не появлялся. А когда появился, то я его сначала и не узнал: в маскировочном халате, с немецким автоматом и ракетницей в чехле на поясе. Но голосом спокойным и речью неторопливой растолковал мне и двум сопровождающим роль каждого.

Мне — идти первым в направлении, куда он покажет и подскажет, потому что будет идти за мной в видимости. Побег — пули в спину. Сопровождающие идут за нами, смотрят по сторонам и охраняют нас от внезапности. Стрелять или орать только при прямом нападении.

И мы пошли. Из окопа полицейского охранения нас напутствовали матерщиной: злить партизан они, похоже, не хотели.

Направление, которое показал мне объездчик, — это на Озерки, где бытовал «партизанский обоз» — семьи партизан, раненые и другие люди, которые не в состоянии принимать участие в открытых боях. Был я там всего два раза, но недолго. Место болотистое, заросшее, и на дурачка туда не пройдёшь. Но дорогу, а точнее, приметы, я знал.

И вот теперь я шёл туда. Хлюпал по мшистой низине и всё думал, как мне изменить направление. Похоже, что у объездчика были какие-то сведения, но требовалось уточнение. Я шёл прямо, куда он мне указывал, время от времени догоняя меня. Направление, которым мы шли, не из лучших: где-то через пару часов (и устать ещё не успели) упёрлись в первое озерко — мелкое, но топкое болотце. Потом второе озерко. Его-то надо обходить и чуть ли не идти какое-то расстояние назад. Я это знал, но объездчику, похоже, это было неизвестно. Мы остановились, и наши сопровождающие тоже встали.

Объездчик дотронулся до моего плеча:

— Теперь веди. Смотрю, ты знаешь эту дорогу, — зашептал он.

Мы пошли обходить озерко, а наши сопровождающие с места не сдвинулись. Вот сюда-то Фёдор и советовал мне подвести полицаев, если уж такое выпадет обстоятельство.

И при первом же выстреле, а ещё лучше до выстрела, шлёпаться на пузо. Уже стало смеркаться. Мы хлюпали, обходя озерко, и объездчик спрашивал шёпотом, где тут сушняк, чтобы отсидеться до утра. Я и ответить не успел.

— Стой, стреляю! — резкий голос. Я хлопнулся в лёжку. Три выстрела и беспорядочный шум убегающих. А вслед им очередь автоматная и ракета, выпущенные объездчиком. И потом тишина. Объездчик сидел в этой сырости с ракетницей в правой руке, а левой зажимал живот и старался растянуть халат. Я помог ему. Красное пятно на рубахе расплзалось на глазах.

— Это ж наши хрястнули, — то ли утвердительно, то ли вопрошая, выдохнул объездчик. Он как-то засуетился. Я снял с него автомат, а ещё и пару гранат из кармана и пояс с ракетницей. Обезоружил его по полной норме. Он ничего не делал — и уже в голос: «На сушнячок, на сушнячок...» — держался одной рукой за живот, согнувшись, но другой рукой крепко ухватил меня за плечо. На сушнячок идти прямо было ближе.

Но он повернул назад, и идти до сухого места довольно долго пришлось. И кричать ему было больно, и за него кричал я. Звал наших сопровождающих, но всё попусту. Лес молчал. Выпустить ещё ракету? Но зарядов к ней почему-то не оказалось. Видно, выронили на пути к «сушнячку» — у огромной сосны с многолетним наносом хвои. Было нехолодно, но объездчик, лёжа, весь дрожал и дышал тяжело, как после бега. И всё как-то суетился, ощупывал себя.

— Пистоль-то ты умыкнул? — хрипло спросил.

Я не ответил. Пистолет я у него спёр из его шикарного маскхалата ещё раньше. Из эвакуированных, кривоногий уркаган убеждал нас, ребятню деревенскую, что грех не пошарить в чужих карманах, если есть такая возможность. У меня она появилась, когда мы продирались через бурелом. Убеждения во мне не было, что пистоль заряжен, а иначе уже продырявил бы спину этому гаду.

— Пристрелить меня подумываешь или партизанам сдать?

Я встал. Вопрос-то был в лоб. Но раздумывал я как-то взрослому, как Фёдор. Что бы он сделал? Со мной-то — ясно что. Снова погнал бы меня по деревьям выведывать и выспрашивать. А там уже ждут меня и Грек, и петля. Значит, к партизанам нельзя. Прибить бы объездчика, и от полиции и от партизан уйти чёрт знает куда. А где это «чёрт знает»?

Но спасение моё от петли — в этом сдыхающем человеке, которого живым или мёртвым я должен дотащить до полиции, чего настоящий партизан даже в думах сонных себе не

позволит. Но я не хочу в петлю, и я позволю. И притащу его с оружием, и лучше живым.

Объездчик вставать не хотел. В болезненной дрожи он будто дремал. Потом как-то очень по-спокойному и по-здоровому заговорил то ли для себя, а может, и для меня:

— Грех на мне. Думал, ты у Фёдора за ишейку. И победишь ему докладывать, где я лежу безоружный, заклятый враг его. Знает он меня. И по его доносу я угодил туда, где твой отец родимый. Там мне и шею сломали, и жизнь. Вот потому я мститель. И тебя сейчас хотел прихлопнуть, а потом к своим ползти. Хоть этих проклятых «своих» я не меньше Фёдора люблю. Но его я хочу достать и потрепать, как меня потрепали.

Видно, устал он говорить. Долго молчал. И я думал, что он заснул. Но уже в полной темноте, при свете тусклого фонарика он с моей помощью порвал на себе рубаху и забинтовал живот. Цепляясь за ветки сосны, встал и, раскачиваясь, пошёл.

Так и шёл — с опорой на ветки и на меня. У меня всё ещё болели рубцы на спине и плечах. Но это ничто по сравнению с моими терзаниями. Мне очень хотелось убить его, и я мог это сделать. Но что мешало мне? Сколько видел я виселиц за свою короткую жизнь. И последние конвульсии повешенных... И ведь объездчик причастен к этому, и меня обещал в петлю, а сейчас ещё и признался, что хотел хлопнуть из пистоля, чтобы не сбежал.

Шли мы очень тяжело. А потом и вовсе легли. И через какое-то время объездчик толкнул меня:

— Я идти не могу. Пойдёшь ты. Не к партизанам, а на полицейский пост. Дорогу ты и туда и сюда, думаю, знаешь. Только под пулю не попади. Окликнут — пароль прокричи: «Вышка, вышка, вышка». Три раза. Оружие оставь. В спину не выстрелю: в тебе моя жизнь. И вернись ко мне с людьми. Здесь не так далеко идти-то. Ты же знаешь.

Сумку с оружием я повесил на сук и только с одним фонариком попёрся к полицейской стоянке, убеждая себя, что так и надо. Леса я никогда не боялся, ходить бесшумно в чунях тоже не проблема. Меня остановили уже у землянок и затолкали в караулку, где я и выдал пароль. Начальник полицейский обещал отдать охрану под трибунал и ещё что-то выговаривал. И пока я жевал булку, к землянке принесли носилки. Добровольцев следовать к раненому не нашлось. Но назначенные пять человек с носилками потащились за мною.

В густом лесу с носилками не разбежишься, даже в такую светлую ночь, как эта. Да ещё в таком коллективном страхе

перед партизанами. Носилки пришлось бросить, а транспортировали объездчика на растянутой плащ-палатке. И пароль кричали для постовых уже на рассвете. О чём объездчик говорил с начальством, не знаю, но награда меня в доме тётки Фёклы уже ждала: по килограмму соли и сахару и 5 килограммов гречневой крупы. И ещё пропуск, в котором пропечатано, что я «убеждённый помощник полиции». Пищевое богатство тётка Фёкла уже отнесла бабушке, а по дороге не преминула раззвонить, какой я геройский мальчик и не партизан вовсе.

Обедал я в общей полицейской комнате. И Грек тут же был, но как-то особняком. И на меня взглянул без всякой злобы.

— Болит ещё? — спросил. — Такая служба. Я и своих по приказу так потчую. Так скажи это подстреленному. Я бы его плёткой так рассмешил... Давно хочу, пока свои не убили. Но вот околевает он и без моей помощи. — И заклекотал гусиным смехом. Но никто, похоже, его не слушал. Обсуждали более важное: немцев отзывают на фронт, а из полицейских — кто помоложе — набирают в какую-то Русскую армию. И пост полицейский собирается переезжать то ли в Красниково, то ли в Кромы. В остающемся составе не до плотной блокады партизанского края.

Тётка Фёкла позвала меня к себе и сказала, чтобы я убрался от неё поскорее, потому что спор «кому куда» у полицейских обязательно перерастёт в драку, может, и со стрельбой.

И я пошёл к бабушке осваивать наградные кашу и сладкий чай. Приятно даже было думать о таком. Но думалось мне больше о другом — как воспримут мой «полицейский героизм» партизаны, Фёдор. Думай не думай, а от этого не уйти.

НЕЛЕПИЦА

Эта осень — дождливая, но без холодов — выдалась для меня спокойной и сытной. Как помощник поварихи тётки Фёклы я утвердился прочно. Правда, с темнотой меня гнали с охраняемой полицейской территории. Но я давно привык ночевать и в скирдах, и в хлеву, и вообще где можно приткнуться. Но я был сыт, и деревенская ребятня — в основном голодающая — завидовала мне. Тётка Фёкла иногда и мясом потчевала. Ходить к бабушке на ночёвку по темени далеко-вато. Да и советы её я уже знал наизусть: держись за место, не ленись. Нас обкормить и пожалеть некому. И я держался и не ленился. И в доверие к Фёкле в такое вошёл — самогон, пер-

---

вак самый крепкий, носил из посёлка Тросна. Это вёрст 12, с тяжёлой флягой, в одиночку по пустынному полю.

Фёкла этот груз не доверяла ни мужикам, ни бабам: повыпивают, разбавят... А полицаи в самогоне понятливые.

В человеке всегда где-то таится жадность. И в Фёкле она проявилась: ей показалось, что троснянский самогонщик задирает цену. В селе Кутафино, почти рядом, самогон вдвое дешевле. Но какой он по крепости? Утречком она и выехала в Кутафино с ездовым Захаром. И там и о ценах узнали, и качество определили не у одного самогонщика... Обратную дорогу Захар заснул, Фёкла ещё раньше отключилась, а лошадь по привычке привезла их, тёпленьких, в обнимку, прямо к дому Захара. Ему-то что — жена его уважает, а Фёклу вгорячах кнутом обхлестала. И в деревне это событие обсуждали: какая ни есть, но не из опасных новость, что и в редкость уже стало. Но не держалось долго приятное и обрывалось в страшное: с охраняемой полицейской территории вывели почти весь склад с оружием и боеприпасами. На полицейской же дежурной телеге. И без единого выстрела. Оружие — советское, собранное на местах боёв и при обысках. Вроде и ненужное, но партизанам в самый раз.

Как такое могло случиться, что в эту ночь и охрана, и гарнизон дрыхли мертвецки пьяными? Полиция всегда имела стукачей: уже на следующий день прибыл из Кром — районного центра — дознаватель. Три дня дознавал: безотказно пил и ел, к вечеру пел блатные песни, засыпал, а утро начинал с похмелья. И при общем одобрении признано было пищевое отравление охраны. Пропажа полицейского оружия и снаряжения не подтвердилась. Одаренный целым тёплым поросёнком и десятком курей, он благополучно уехал. Но ещё до приезда дознавателя начальник этой полицейской команды, не из местных, собрал всех — и как топором по головам:

— Вякнет кто про пьянку — вякальщика сам застрелю беспощадно. — И начал своё дознание: — Кто отвечает за жратву и самогон? С кем или с чем связано совпадение грабежа оружия со склада и мертвецкий сон охраны?

И сразу — тётку Фёклу в холодный амбар как отвечающую за питание. До допроса чтобы не сбежала. Она только и успела прошипеть мне: «Убегай, убегай... Схоронись как подальше».

В Кутафино отправили полицаев для выявления продавцов снотворного самогона, потому что ни Фёкла, ни Захар продавца не запомнили. Но и полицаи задачу не решили: даже «напробоваться» не смогли. Время такое — люди живут в страхе. А трезвый полицай без похмелья — разбойник. И в

деревне начались поиски похищенного оружия, больше похожие на вымогательство выпивона. Опасная канитель. И со жратвой у полиции облом. Тётка Фёкла — повариха хорошая, услужливая, а желающих на её место сразу и не нашлось. Её, испуганную, допрашивали вместе с Захаром. Его отпустили: он самогона не покупал, а у кума выпил смородиновой настойки и задремал потом. Но с Фёклой говорили строже. И, похоже, ей несладко было: боли она вообще не переносит. В чём там её обвиняли и что она в оправдание вякала? А Захар при встрече как-то странно и с сожалением на меня посмотрел и посоветовал слинять из деревни куда-то ближе к лесу. Значит, Фёкла по слабости и обо мне что-то наплела.

И на улице ребята прокричали, что полицаи меня ищут и даже с собакой. Не верить ребятам? Но и тётка Фёкла велела спрятаться, и Захар советовал уйти... Медлить было нельзя. И я рванулся в лозняки. Туда полицаи к ночи не сунутся.

Добрался быстро до укромного места: сплетённые между собой прутья лозы, а под ними старый кубарь, на котором и посидеть можно, и даже полежать. Ну спрятался я, а что дальше? К партизанам идти не хотелось. Знак на встречу с партизаном Фёдором — обломок дуги — давно валялся в условном месте. В последнее время жилось мне безопасно и сытно, а Фёдор чем-то озадачит. Мне это надо? И только за то, что величает меня красным партизаном с кличкой Иван Иванович, только за одно это можно в петлю угодить. Но и отказать ему грех: он и меня, и брата моего тифозного принял в партизанскую деревню, уход и кормёжку обеспечил. А я ему, как ребячий брёх, обсказывал полицейские новости — что подслушал, что подглядел. И это я Фёдору вякнул про склад оружия трофейного и про амбар, в котором оно хранилось: пол на сваях и давно прогнил. А между свай и мужик пролезет. Только кур не напугать: они там от коршунов прячутся и со страху там, бывает, несутся. Это моя добыча.

Долго я раздумывал о всяком и даже задремал, а может, и заснул. Но проснулся в ужасе. А всего-то лягушка холодная и скользкая запрыгнула на меня. Но страх уже в меня вгрызся. Узнать бы, кто и за что мне угрожает. Все новости в деревне стекались к тётке Липухе. Весёлая, добрая, одинокая и в этом какая-то печальная. Себя она представляла частушкой: «Я баба крупная, для всех доступная». В мирное время за эту доступность не зло, а лупцевали её деревенские бабы. Но без доброты её и щедрости как-то и не мыслилась деревенская жизнь. Портниха от природы, она всем и шила, и перешивала, а молодёжь за модные наряды её боготворила. И вот в

деревне мужиков не осталось — и все к ней, и все новости у неё, и она для всех и утешительница, и опора. Сколько раз прятался я, ночевал у неё в подполье в деревянном корыте под дерюгой. Всего наслушался, и похабины всякой тоже. По пьяни в компании верещала: «Мне что полицай, что партизан наперёд юбку задирают, а потом по делу. А мои дела меж ног на печке под одеялом. Страсть как люблю мужицкое тепло». А трезвая обнимала меня, плакала и обижалась невесть на кого, что не дал ей такого сыночка. И вот теперь, когда меня ловят и мне некуда деться, я поплёлся к Липухе. Уже стемнело, на улице безлюдно и тихо. А в окнах тётки Липухи нет света. Нечасто такое бывает. И задняя дверь закрыта. Только форточка нараспашку, и из неё пушечный запах фёдоровского табачища-самосада. Я подёргал фортку. Тихий напряжённый шёпот Фёдора: «Стой, я выйду». И вышел, покуривая и похихикивая. В настроении...

Спросил, моя ли эта шутка с убойным самогоном. Я ответил — нет. И это правда, но он не поверил и начал выяснять, от кого мне стало известно о времени нападения на склад. Похоже, пытался выяснить стукача у своих. Но я ничего не знал об этом, а врать не захотелось. В заключение этого нелепого разговора он сообщил мне то, о чём я догадывался: меня считают главным получателем самогона, и только я знаю продавца-диверсанта, продавшего это снотворное пойло. И потому искать меня будут основательно. «Скрыться у партизан сейчас не получится по разным причинам. Назови полиции самогонщика — и пусть его ищут, а по-иному невинных постреляют. И не впутывать в это Липуху. За самогонные дела только знатно выпорют. А к этому тебе не привыкать». И он ещё напомнил, чтобы не вякнул я о наших встречах. Это уж точно на петлю тянет. Так рассудил Фёдор и шагнул в ночь. Думаю, довольный собой и тем, что избавился от меня и моих возможных просьб. И куда мне деваться? Пока я стоял и раздумывал, тётка Липуха открыла дверь и вдёрнула меня в хату.

— Свет зажигать не будем. Так полопаешь, — сказала и дала мне кусок лепёшки и кружку молока. Но мне было не до еды. Надо бежать, хоть на край света. Но где он, этот край? Хорошо говорить про порку, когда самого не пороли. А когда тебя до беспамьятства удельывают, то потерпеть не посоветуешь. Через силу, но я ел. И рассказывал всю правду. И отвечал на все вопросы без запинки. И клялся, что из Кутафино я самогона не носил. И на Фёдора высказал обиду.

— А как же такое совпадение: нападение на склад и снотворный самогон? — И Липуху тоже, похоже, это интересова-

---

ло. И я ей честно ответил — не знаю. По такой погоде только и воровать, потому как полицаи и обычным «первачом» нализались бы и дрыхли. Это я знал, и тётка согласно кивнула. И посоветовала не обижаться на Фёдора и пояснила: в отряде у него, похоже, опять стукач завёлся, потому к ним ни-ни. Моя связь с Фёдором раскроется, и это смертельно. Так защитила она Фёдора, а мне повелела спать и не думать о плохом. Хорош хранитель тайны для двоих только. Но вот Липухе сболтнул, а кому она во хмелю ляпнет? И в этом авторитет Фёдора для меня потерялся. Теперь я верил больше Липухе. И забрался на печку. А тётка Липуха засветила лампу и засела за швейную машинку. От печного тепла, а может, и от всех передрыг уснул я сразу и проснулся, когда уже рассвело. Тётки в комнате не было. И мгновенно вчерашняя паника, как хлыстом, ударила по мне. Неравнодушный к еде, ничего со стола я не взял и вылетел в огорода по направлению к выселкам. Сырость и грязь после ночного дождя очень мешали быстрой ходьбе. Мне бы только добраться до кустистых буграков, а по ним и к лесам прорваться. Но двое конных маячили на дороге: полицаи при оружии. И скрыться от них негде. Припозднился я. Они заметили меня раньше, чем я их. Но по пашне чернозёмной что на коне, что пёхом не побежишь. И они кричали, чтобы я подошёл к ним. А потом и стрелять начали, сначала вверх, а затем и по-серьёзному. Пули чиркнули по грязи совсем близко. И я понял, что мне не уйти. Поднял руки и, как пленный, пошёл к ним. Но не меня патрульные выехали ловить, а партизан с ворованным оружием. Но вот прихватили меня. И я пёхом между двумя лошадьми на верёвке дотопал до полицейского участка — дома Фёклы. Затолкали меня под замок в амбар, где сидела и всхлипывала хозяйка дома. Моему появлению она не удивилась.

— Сижу, вот, смерти своей жду за доброту мою. Ни встать, ни сесть. В этой сырости совсем ослабла. Не убьют — так от болячек умру.

Говорила она это и всё отворачивалась от меня. А тут и дверь открылась, и нас, как арестантов, подвели к крыльцу, где восседал начальник полицейский, а вокруг — его охрана. Тут же Захар с флягой самогона из Кутафино: завалилась в хламе на телеге его. Он сегодня её и обнаружил, когда стал утром лошадь кормить. Местным известна вороватость Захара, но и опасность он чует не хуже волка. Самогон от него был принят, и ему же назначили опробовать это зелье. Захар просидел больше часа и не заснул. От страха и неопределённости он взмок, до боли хотел в сортир. Не отпустили. Сами полицаи отлучились на завтрак. А мы всё стояли у крыльца.

Фёкла, вся в слезах, готовая в гроб лечь от страха и унижения, стояла на коленях и гнусавила: «Не виноватая я, простите глупую...»

Принесённый Захаром самогон полицаи за завтраком опробовали и признали его крепким и прекрасным, но не таким прелестным, который они пили в ночь ограбления склада оружия. Рядом с флягой, принесённой Захаром, вынесли пустую флягу от снотворного самогона.

— Твоя эта тара, фрау? — рыкнул начальник, глядя на Фёклу.

— Моя, батюшка, моя, — испуганно заголосила Фёкла. — Растирка моя от болезнев. Дедушка Колдун этим пользовал меня, дай Бог ему здоровья...

Галдевшая группа полицейских смолкла, а начальник хлестанул по голенищу сапога плёткой.

— Колдуна ко мне! — выдохнул он.

— Неходячий дедушка Колдун, — осмелилась сказать Фёкла.

— Так привезти... Ты, негодяй, привезёшь или принесёшь срочно! — рывкнул начальник и указал на Захара. Я не думал, что хромоногий Захар мог так бегать. Но он бежал и почти не хромал. А все полицаи гоготали, как гуси, без слов и без перерыва. Захар на своей подводе вернулся быстро и привёз дедушку Колдуна. Начальник почти вежливо первым поздоровался с ним.

— Ты поварихе нашей сотворил эту чудовищную настойку? — спросил и подал ему пустую Фёклину фляжку, источающую сильнейший аромат. Дедушка нюхнул и утвердительно кивнул.

— Моё... Не для питья это. Радуйтесь и молитесь, что проснулись. Нормальные люди от такого дохнут. А вас травить только пулями.

Помолчал и плюнул. Ему всё прощительно: за него все деревни и полицаи из местных. Колдун же и лечит и скольких вылечил и спас от смерти.

— Нелепица. Вези меня, Захарий, домой. А ты, Фёкла, не хнычь: сотворю я тебе другую растирку. Только прячь её надёжней от этой пьяни. Мальчонка тоже со мной поедет.

Повтора мне не надо. Я вскочил в телегу, и начальник и примолкшая охрана не воспротивились. Доехали до дома дедушки, помогли ему дойти до любимой скамейки. А Захар даже согласился покормить меня завтраком у себя. И по дороге не утерпел и спросил: как я, дурачина, угадал, где он флягу с самогоном упрятал. Я промолчал: за что мне было оправдываться? Да и не хотелось.

— Только зря ты об этом Липухе вякнул. Вот потрепала меня, а всё из-за тебя. Слезай, не заслужил ты моего хлеба. — И я слез с телеги.

Никто меня не ловил, и никому я был не нужен. Пойду по деревням попрошайкой... Но через ребят — опасное приглашение или приказ явиться к Фёкле. И прежде чем уйти из деревни, я зашёл к ней. Она уже в своей прежней должности поварихи стояла у плиты, готовила жратву полицейской банде.

— Пришёл, доброта моя, пришёл... Прости меня, грешную, оговорила тебя от страха смертного и боли... Прости ради Бога... — верещала и слёзы проливала.

Жалко мне стало её. Была она какой-то развальнёй, без опоры ни встать, ни сесть.

— Вот насидела новых болячек себе. Давай помогай мне, а то без тебя совсем тут пропаду. Липуха тут приходила, заступница твоя. Распекала меня, как последнюю стерву. Но греховность мою простила мне. И тебе передала, чтобы не уходил от меня по деревням шляться.

Всё вернулось к прежнему.

А меня всё-таки высекли за то, что пытался уйти от «носителей закона», которые поймали меня в поле.

ТЁПЛОЕ МЕСТО

Партизаны голодали. Все дороги из леса перекрыты патрульными группами карателей и полицейских. Их вроде бы стало меньше, но теперь они группировались в отряды. Приняли такое правило: в лес не соваться, из леса не выпускать. И группами шерстить деревни для выявления партизан и их помощников. В отряде командир — немец. Он и решает, что делать.

Появилось такое понятие — обязателька. Каждое село один раз в месяц должно собрать и отправить в Кромы для пропитания германской армии зерно, мясо, масло и иные продукты. Неисполнение обязательки приравнивалось к измене, и село подвергалось настоящему грабежу: изымалось всё, что можно было увезти. И в сёлах настала голодуха.

Как говорил партизан Фёдор, «пожинаем плоды своих прошлых ошибок». По первости было так: если полицейские власти назначили старосту, то партизанами ему уже был подписан смертный приговор. И неважно, согласился добровольно на это назначенный или нет. Грабить сёла, как полиция, партизаны не могли, а организовать сбор посильной помощи, считай, некому. Быть подпольным старостой — это

тоже смерть, но уже от полиции. Поэтому на должность старосты шли негодяи, которые и в семьях своих появлялись только с полицией. И даже ночевали «по-хамски» — не у себя, а у других. Полиция знает, в какой семье находится «хам», и если «хама» партизаны там застанут, то всей семье петля.

Но, похоже, Фёдор проблему «своего» старосты решил. Одноногий старик-эвакуант со снохой и двумя детьми согласие своё дал полиции, и небескорыстно вроде: ему дали дом расстрелянного председателя колхоза. А он, несмотря на свою одноногость, очень успешно наладил отношения с местными, что было непросто. Но вот верили ему. А он и обязательку как-то умудрялся выполнять, и про партизан, похоже, не забывал. Жил и ночевал дома и для всех был доступен и днём и ночью. И, по словам Чуни, деревенского алкаша и придурка, считавшего себя грозным полицейским, это староста спас его от партизанской виселицы, замолвив за него слово перед партизанами.

«Деревне нужен хозяин, организатор, не для себя, а для всех и при любой власти, — говорил этот староста. — А без хозяина не то что коммунизм не построишь, а и в семье порядка не наведёшь». Поговаривали, что он вроде бы член ВКП(б), но копать в его прошлом и полицаи, и партизаны считали лишним.

Полицейские не верили в мою невиновность просто так, а партизаны... Я же спас в лесу полицейского, раненого негодяя. Спасал-то я его, чтобы самому остаться в живых. Но это не в счёт. Врагу помог.

Жилось мне безбедно. И всё через тётку Фёклу. Команда полицаев из её дома теперь перебралась в Красниково, в общий отряд, расположившийся в бывшей больнице у самой дороги, в саду. Это 5 километров от хаты Фёклы. Но она так и осталась поварихой по приказу. В ходьбе ленивая, обихаживать свой дом и живность в нём возложила на меня. Эта сытая ходьба между Неживкой и Красниково мне была не в тягость. Весь большой дом доступен, кроме амбара, где полицаи хранили свои поборы. Я не ворюга, но любопытство моё к этим помещениям было очень горячим. В доме я переискал всё, что мог, и опробовал все ключи, которые нашёл, но ни один не подошёл к замкам. Они хранились у тётки Фёклы или у полицейских.

И всё-таки мне повезло. Фёкле потребовался хрен, который был подвешен в погребе, а банка натёртого — там же на полке. И это надо было принести, не дотрагиваясь ни до чего иного. Я и не дотрагивался, но осмотрел всё напиханное здесь до самого потолка: безбедной кормёжки — на всю деревню.

Тётка Фёкла в свой приход очень тщательно пыталась меня, как я вёл себя в погребе и куда лазил. Но осталась довольна тем, что я ничего не тронул. Я был сыт и понимал, что не надо мне упускать это тёплое место ради любопытства. И всячески оправдывал доверие. И в амбар был допущен в её присутствии — доставал с верхотуры мешок отрубей, чтобы курнесушек подкармливать. А сколько всего в амбаре было — и не пересчитать. И мешки, и короба, и узлы — зерно, крупы. Ну прямо колхозная житница. И всё это — полицейское богатство, которое они нахватили в своих набегах по деревням.

— Им-то, полицейским, кормиться тоже надобно, потому и хитрят, чтоб в сытости жить, — так тётка Фёкла удовлетворила моё любопытство.

Благополучие не бывает бесконечным. К нему быстро привыкаешь. А когда оно уходит, то отчаяние добывает тебя вдогонку. Такое вот случилось в один дождливый туманный вечерок, когда я спустился к речке посмотреть свой кубарь на наличие рыбёшки. И меня прихватили двое ребят. Не наших деревенских. Тихо предупредили: «Не дёргайся... Фёдор сказал, что ждёт тебя там, где ты был по последнему разу. Твоя помощь полициям не в счёт. Верь». Похоже, что ребята это не сами придумали, а вызубрили. А кубарь, с которым возились, совсем не их, и они его даже не бросили в речку, а как-то быстро и осторожно шмыгнули в сторону Жирятино, к лознякам.

Сказать, что я испугался, — нет. Я знал, что меня достанут. Или полицейские возьмутся снова за меня, или партизаны выловят как предателя. И я как-то смирился с тем, что меня ожидает не светлое будущее. Но подспудно всё думал, куда мне податься подальше, где меня никто не знает. И в думках этих собрал рыбёшку из двух кубарей — довольно много — и поднялся в дом. Тётка Фёкла обрадовалась этому, а ещё тому, что её подвезли из Красниково и что на ужин будет свежатинка — уха, а не «консерва».

Мои понятия о пространстве дальше города Орла не распространялись. Но бежать туда, не зная, к кому и куда, — задачка тормозная. Встретаться с Фёдором не хотелось по многим причинам: он уже знал о моём предательстве, а он не из тех, кто прощает. А уж если и простит, то за такую цену, что жить не захочешь. И я три дня жил с оглядкой и готовил нужное к побегу: складывал хлеб, сухари, пёк картошку. Но в голове как дятел долбит: «Фёдор, Фёдор...» И я был уверен, что за мной Фёдорова слежка. И почерк его: конкретное место встречи назвал так, что известное только нам двоим. Это в Пузеево — деревня, как охвостье Красниково. Всё близко,

---

но такое заросшее, захламлённое место с беспорядочными хатами, что ни проехать, ни пройти по этой болотности в плетнях и загородках.

В этот день тётка Фёкла не хотела по сырости возвращаться домой, а мне поручила собрать у несушек все куриные яйца и принести в Красниково. Она ими «потчевала» начальство.

Чтобы меня не турнули из такого сытного места, я стал исполнительным до тошноты. И уже под вечер был в Красниково. Ночевать в полицейском помещении мне не разрешалось, и я поплёлся назад под скверным дождичком. И даже не услышал, когда ко мне приблизилась эта беда — вонючая тяжесть и грубая тряпка, заткнувшая мне рот. Потом меня подкинули и, как мешок с картошкой, понесли незнамо куда. По слышимому хлюпанью — трое-четверо. Случилось ожидаемое, и потому во мне разлилось какое-то безразличие и к случившемуся, и к самому себе. Но несли меня недолго и освободили только в хате, похоже, не жилой, потому что в ней было холодно и сыро. Я озяб. Темно и безмолвно. После недолгого ожидания скрипнула дверь, и знакомый фёдоровский голос тихо, но чётко произнёс: «Дальше я сам. Ждите».

Снова скрипнула дверь и все ушли, кроме Фёдора. Он зажег тусклый фонарик, подвинул своё бородатое лицо ко мне, усмехнулся: «Если гора не идёт к партизану, то партизан идёт к горе. Усвоил, дезертир?»

Я кивнул.

— А теперь всё рассказывай до мелочей и без фантазийности. Время у нас есть. И на вопросы мои без брёха ответствуй.

Разговор был такой длинный, казавшийся мне bestолковым и с такими дурацкими вопросами, что я потерял всякий страх и стал отключаться, как бы засыпая. Фёдор толкал меня и обо всём пытал. И не про полицаев, их вооружение и численность, а больше всего интересовался содержимым амбара и погреба тётки Фёклы. И охраной такого богатства. Претензий мне не предъявил, и об объездчике как-то вскользь упомянул: «Не моя вина, что ему подбородок к пупку привязали. Я и сам в предвариловке год клопов кормил». А мне сразу обозначил задачу: «Найди лом у Фёклы и держи его на примете, а и топор тоже. И готовься удирать. Пропуск у тебя есть. Это отлично. А дальше решим, когда и куда». Вот и всё.

Под утро я уже был в доме, кормил кур, варил месиво собаке, и всё это как во сне. Но по-настоящему заснуть не получилось. Сходил в Жирятино, из своего схрона достал осколочную гранату. Ни с кем из ребят не встретился и даже к

бабушке не зашёл. Зачем мне эта граната, я бы и под пыткой не ответил, потому что сам этого не знал.

День прошёл, словно в тумане. Под вечер появилась тётка Фёкла, встревоженная и уставшая. В Красниково утром случилась стрельба. Убили двух патрульных полицейских и партизана.

— Совсем мальчик. Он-то руки вверх держал, а эти паразиты по злости всего его издырявили, — рассказывала тётка Фёкла. — Подводу-то со съестным у партизан не отбили. Испужались за ними погнаться. Жди вот теперь, что наши припасы перевозить будут в Красниково. Видать, партизаны-то вусмерть изголодались за зиму, что так осмелели.

Слушая тётку Фёклу, я вроде спал, а она всю ночь шастала то в амбар, то в погреб: приносила, уносила, прятала. Но когда я утром по-настоящему проснулся, её уже не было. И к вечеру она не появилась: похоже, заночевала в Красниково. А уже на другой день, ближе к полудню, приехали три подводы с полицейскими.

Кроме Грека, я их никого не знал.

— Ты ещё жив? — усмехнулся он, позвякивая ключами. И пошёл к амбару, потом в погреб спустился.

— Заначка наша на петлю для кого-то тянет, — радостно орал он, — в три подводы не уложимся.

Грузили долго. В основном мешки с зерном и крупами. А дождь всё лил и лил, и приходилось всё укрывать брезентом. Две нагруженные подводы тяжело тронулись по дороге в Красниково, а третья — для Кром — стояла как бы в раздумье. Грек и ещё двое полицейских никак не могли договориться, ехать им втроём или поедет кто-то один.

Но сошлись на том, чтобы притащить деревенскую бабу или старика и заставить привезти в Кромы подводу. Не привезёт — её и семью в расход. Искать возчика пошли в деревню втроём, пощёлкав затворами винтовок, но погреб и амбар не забыли закрыть: в них ещё оставалось много чего. Вернулись быстро с тёткой Липухой. Она не казалась испуганной, из сумки достала бутылку самогонки и кое-какую закуску. Похоже, и сама была не прочь «пригубить первачок», но Грек поощрительно хлопнул её по заднице и сказал, что с этим они сами справятся, а ей — дорога. И сам прощупал её, как курицу, усадил на передок телеги, вручил вожжи и хлестанул лошадей. Подвода тронулась и за дождём скоро скрылась. Только иногда слышно было, как понукивает Липуха лошадьми.

Всё свершилось. Полицейским делать было нечего. Грек засветил лампу-переноску и потопал к подвалу.

— Капусткой закусим! — крикнул он. И втроём спустились в погреб. Дверь не закрывали, замок с ключами соблазнительно позвякивал под дождём. Видно, Липухин «первачок» был «высшего пьянящего качества», потому что говор полицейских стал громким, матерно насыщенный и героическим. Хвалились, кто какую бабу достал, где самый лучший самогон и как воевать с партизанами.

Я всё думал о ключах и о замке, и когда услышал, что они собираются подняться в дом, чтобы храпануть, то рывком привычно толкнул дверь, навесил на запор замок и отскочил в сторону. О чём были вопли и ругань, я не вслушивался. Выстрелы в дверь были совсем глухими. Два карабина в доме, а третий в погребе. Полицаи пьяно орали, что разорвут меня на части, изрешетят, как вчерашнего партизана. А потом я увидел, как через духовую трубу выталкивается винтовка. Это они слышимой стрельбой решили привлечь внимание. Когда ствол винтовки выдвинулся так, что и рука стала видна, я саданул по ней вилами, а в ответ — звериное рычание Грека. А выстрел всё-таки состоялся. И, наверное, его услышали. И это смерть моя, если меня застанут здесь. А судя по тому, как здоровые мужики стали долбать изнутри дверь, то они это смогут сделать. И как ответ на это и продолжение содеянного — граната осколочная, поражающая всё, и потом взрыв — глухой и вряд ли кем-то услышанный, кроме меня. И абсолютная тишина, только лёгкий дымок и резкий запах самогона.

А я со снедью в руке потопал в сторону большака, чтобы как-то, минуя Кромы, добраться до Орла и там затеряться в многолюдье.

Удивительно, что у дома Липухи стояла та гружёная подвода, и я зашёл. Липуха сидела за столом, на столе — бутылёк и закусь. Она не удивилась мне, как будто ждала меня и ещё кого-то. Ладонью стукнула по скамейке рядом с собой. А когда я сел, обняла меня и с каким-то пьяненьким всхлипом пробормотала:

— Был бы ты моим сынком... — и заплакала. — А то ж мне пожалиться некому и пожалеть некого. Да и судьбина у нас одинаковая, обездоленная...

И мне до боли стало жаль её, и хотелось погладить её по голове, как маленькую. Но в хату прямо-таки ввалилось трое мужиков во главе с Фёдором.

— И ты здесь? — как-то устало отметил он, усаживаясь рядом со мной. — Опять своевольничал, не дождался — и в бега, — произнёс.

Помолчал, затем спросил, что там в доме у тётки Фёклы. И я, как считал нужным, сказал, что в погребе взорвалась гра-

---

ната и я испугался. Фёдор пристально всматривался в меня, пока двое мужиков обменивались любезностями с Липухой, и она, уже запьяневшая, затащила свою любимую частушку: «Я баба крупная, для всех доступная...» И в весёлой похабщине объясняла, что для неё что полицаи, что партизаны — всё мужики. Сначала подол ей задрать, а уж потом и по делу что сказать. А Фёдор всё молчал и рассматривал меня, как вшу на рубахе. Потом резко спросил: «Ты?..» И мне было понятно, что речь о гранате, и я так же твёрдо сказал: «Нет».

В хату вошли ещё двое партизан с автоматами. И один из них сообщил, что есть две подводы и двое верховых и по ним даны расписки, что будут возвращены после сделанного. Фёдор кивнул.

— Где топор и где лом, не забыл? — спросил меня. Я так же односложно сообщил, что они лежат под лавкой на веранде. И добавил потом, что в подвале полицаи стреляли и их, наверное, свои услышали.

Фёдор хмыкнул:

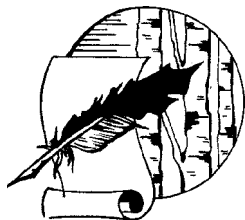
— Блокада кончилась. Теперь мы их блокируем, а не они нас. И ночью сюда не сунутся. А сунутся — так встретим. А вот куда тебя девать — это проблема. — И своим: — Пошли.

Все вышли. Фёдор обернулся — и мне:

— Ждѣшь у Липухи. — И вышел. А я остался сидеть у Липухи, которая начала подрѣмывать сидя, потом, икая, молча полезла на печку. Ждать у Липухи? Чего и кого? Осточертело мне подстраиваться, хитрить в потливой дрожи от страха. Я доел остатки холодной мятой картошки со стола, даже лизнул языком самогонку, вроде для храбрости, и вышел в ночь. Дождь уже прекратился. Было сыро, но не холодно. Тишина и свобода. Впереди долгая дорога, и где-то, чѣрт знает где, город Орѣл — многолюдный и потому для меня безопасный. Где никто меня не знает и я никому не нужен.

Продолжение следует

Александр ПОТАПОВ

ЕСЕНИНСКОЕ ЭХО

*К 130-летию со дня рождения
и к 100-летию со дня убийства Сергея Есенина*

* * *

Ах, Есенин!
Сколько света
От стихов твоих струится!
Мне ночами часто снится
Константиновский простор.
Ты стоишь на косогоре,
А внизу Ока искрится,
И согласно славят птицы
Это небо, эту землю,
Этот выцветший угор.

У тебя в груди играют
Свежих чувств живые соки.
Ты нащупываешь робко
Контур главного пути.
И никто ещё не знает,
Кто ты, отрок одинокий, —
То ль певец любви высокой,
То ль сама душа народа —
Вся до капли! — во плоти.

В СТУДИИ ЯКУЛОВА

Он пришёл с друзьями на пирушку,
Но вино его не веселит.
Неужель пустою погремушкой
Жизнь его отчаянно звенит?

Нет в глазах весеннего задора,
В жилах нет небесного огня.
Но, как вихрь, мелькнула Айседора,
Красотой божественной дразня.

И в глубинах глаз её туманных
Всполохи затеплились, тихи.
И, окутан сладостным дурманом,
Он читает грустные стихи.

А потом в колени Айседоры
Голову склонённую кладёт...
Он ещё не ведаёт, что скоро
Их любовь далёко заведёт.

И Дункан восторженная шепчет:
— Ангел,
Золотая голова... —
И от этих слов Сергею легче.
Впрочем, что там нежные слова!

Ты права, плясунья Айседора:
Был поэт — как ангел во плоти...
И сквозь тьму вселенского раздора
К нам, как свет, душа его летит.

НА СТАНЦИИ ДИВОВО

На станции Дивово, в маленькой чайной,
Где пар самоварный густел,
Сидел посетитель, далёкий, случайный,
И в пыльные окна глядел.

Курчавились волосы жёлтым туманом,
Цвели васильками глаза...
— Да, всё это грустно,
И всё это странно, —
Приезжий негромко сказал.

Прошёлся по чайной походкою лёгкой,
Не выпустив шляпу из рук.
Мальцу-беспризорнику в рваной поддёвке
Он подал увесистый рубль.

Уселся за стол, выпил чашечку чая,
Баранку сжевав заодно,
И, то ли досадуя, то ли скучая,
Уставился снова в окно.

Хозяину чайной казался он странным —
Красивый, со вкусом одет.
Откуда он взялся на станции старой?
Куда ему нужен билет?

Но вот подкатили рессорные дрожки,
И гость поспешил за порог.
Возница навстречу:
— Ну здравствуй, Серёжка!
— Что ж, здравствуй, дедуля-дедок! —

Хозяин поспешливо выглянул в сени,
Отъехавших перекрестил:
— Ах, Боже!
Ведь это Серёжа Есенин!
Что ж я его не угостил?..

НЕДОЛГИЙ ПРИЮТ

По вечному грешному миру,
Где беды — с нуждой пополам,
Есенин всю жизнь без квартиры
Скитался по разным углам.

С мятежной душой пилигрима,
С характером, хрупче стекла,
У женщин,
Друзей
И любимых
Приюта искал и тепла.

Окутывал сердце скитальца
Любви опьяняющий зной,
И внучка великого старца
Есенину стала женой.

Пахнуло в просторной квартире
Забытым домашним теплом.

Но, словно бы на карантине,
Старинный нахмурился дом.

Ни смеха,
Ни громкого слова,
Ни песен,
Ни шумных друзей...
Повсюду — портреты Толстого.
И впрямь не жильё, а музей!

Но разве поётся поэту
В обители грёз и тепла?
И снова по белому свету
Дорога его повела...

Но есть воздаяние в мире:
Есенина помнит народ.
Он в каждой российской квартире
По вечной прописке живёт.

* * *

В книгах поэта, как в сказочном доме,
Радуюсь свету в окне,
Жили коровы, собаки и кони,
Жили с людьми наравне.

Ну а когда в лютой жизненной драке
Сгинул он, полный любви,
Плакали кони, коровы, собаки,
Плакали вместе с людьми.

* * *

В года глухие
На стихи поэта
Запрет жестокий наложила власть.
Но песнь его, теплом души согрета,
В сердцах людей, как боль, отозвалась.

Ночная тьма — рассвету не помеха,
И льются в душу звонкие лучи.
Высокое есенинское эхо
День ото дня всё явственней звучит.

СЕРГЕЙ ЕСЕНИН

Кто называл его гулякой,
Кто — хулиганом,
Кто — божком.
А он сквозь жизненную слякоть
Шёл, словно путник с посошком.

Порой куражился, буянил...
Но это всё — рисовка, блажь.
Его любили без боязни:
Есенин — он, мол, свойский, наш.

Божественной увенчан метой,
Он жил, как все, не без греха,
Но он великим был поэтом.
Всё остальное — шелуха.

ДОРОГА К ПОЭТУ

1
Военный госпиталь в Рязани.
Суровый сорок первый год.
Метели за окном плясали.
Медсёстры отдыха не знали,
Трудились сутки напролёт.
В палатах стоны, кровь и пот.
А лейтенант один безусый,
Забыв,
Что перед ним — не зал,
Вставал,
С пронзительною грустью
Стихи Есенина читал —
О жеребёнке красногривом,
О том,
Как леденеет клён...
Солдаты слушали ревниво,
Вздыхали, сдерживая стон:
— Ну, братцы, вот поэт что надо!
Читай — вовек не надоест.
— Послушай, лейтенант, а правда,
Что родом он из этих мест? —
И лейтенант,
Смущён немного,

Бойцам рассказывал, что знал,
Про жизнь поэта
И дорогу,
И вновь и вновь стихи читал...

2

А как-то раз, уже под вечер,
Сказал безногий старшина:
— Эх, лейтенант,
Тебе вот легче.
А впрочем,
Разве смерть страшна?
Тебя выписывают скоро.
И знаешь, не сочти за труд —
Ты в константиновскую сторону
Наведайся,
Хоть там не ждут.
Ты говорил, что мать Есенина
Там до сих пор живёт одна.
Теперь ей разве до веселья?
Тем более — когда война.
Коль сможешь —
Прикупи ей ситец,
Пайки разделим пополам.
Мол, это от бойцов гостинец,
Татьяна Фёдоровна, вам.
С любовью самой настоящей
Ей поклонись от нас, браток... —
И харч солдатский
Немудрящий
Сложили в «сидор» — кто что мог.

3

Полсотни вёрст зимой — не шутка.
Пурга дорогу замела.
Он добирался на попутках
До Константинова-села.
Вошёл в село уже под вечер.
— Во-он, — указали, — ихний дом... —
Ступил на тихое крылечко.
Ну вот войду.
А что потом?
Что я скажу?
Что я вот молод?
Что слава сына не умрёт?

Что ей с того,
Когда здесь голод
И на столицу немец прёт?..
Он низко дому поклонился
(За дверь — с гостинцами пакет),
И долго вслед ему струился
Вечерний несказанный свет.
И он, забыв про злые боли,
Шёл беспощадно мстить врагу
За Русь,
Малиновое поле
И синь, упавшую в реку,
За горе матери поэта,
За отчий край
И этот дом...
Но он не сразу понял это,
А лишь в конце войны.
Потом.

РОДИЧИ ЕСЕНИНА

Памяти Юрия Паркаева

В золотые дни первоосенние,
Подходящий подгадав момент,
Из Москвы на родину Есенина
Ехал впечатлительный студент.

Трудно шли года послевоенные,
А его мучительно влекло
Русское, загадочное, древнее
Над Окой-голубкою село.

Почва ли была там необычная?
Воздух ли особенный какой?
Но поэта с детства край тот вынянчил,
Пеленая полем и рекой.

...Поезд на Рязань неспешно тянется —
Тут хоть впору отсыпайся всласть!
В Дивове сошёл студент на станции.
Как же в Константиново попасть?

«Доберусь, — решил студент, — с попутками...»
Повезло,
И это был не сон:
В кузове потрёпанной полуторки
С женщинами вместе тряся он.

Ничего!
Тут можно и помучиться,
Если путь к тому же не далёк...
Вдруг интересуются попугчицы:
— Ты к кому же едешь-то, сынок?

— Я?.. — студент смутился. —
Я к Есенину..
— А конкретно, если не секрет?
— Да к Сергею...
(Вот ведь наваждение!)
— Да его давно в живых уж нет!..

Вот ведь жизнь!
Она ль не сказка дивная,
Хоть порой её характер крут?
Разве знал студент, что в Константинове
До сих пор Есенины живут?

Что поэт, по крови, по Отечеству, —
Лишь один из жителей села,
Но судьба его дорогой вечности
Далеко отсюда увела...

— Ты нас расспроси, — смеялись женщины. —
Мы тебе раскроем тайны все.
Мы ведь хоть с Есениным не венчаны,
А навеки в крепком с ним родстве!

Мы ведь, константиновцы, — не гордые,
Как и встарь, живём одной семьёй.
Да и ты, сынок, коль любишь родину,
Станешь тут Есенину роднёй!.. —

Целый день приезжий в Константинове
Воздухом есенинским дышал,
И как будто силою былинною
Полнилась доверчиво душа.

Выполнив заветное желание,
Он в селе остался ночевать.
А погожим утром в час прощания
Непонятных слёз не смог сдержать.

...Всё бывшее, как мука, просеяно
Через сито фактов, дат и лет.
Все мы, все мы — родичи Есенина,
Но таких, как он, доныне нет!

НА РОДИНЕ ПОЭТА

На родине поэта — тишина.
Тепло с полей восходит к небу паром.
А там, внизу, под жёлтым крутояром,
Бесшумно плещет окская волна.

Здесь всё напоминает о былом:
И улица, и сад, и дом поэта.
В кистях рябины загостилось лето —
Одаривает светом и теплом.

Поддерживает низкий небосвод
Крутая крыша дома с мезонином.
И кажется, что в белом платье длинном
Вот-вот хозяйка выйдет из ворот.

Прохожего окликнет:
— Ах, Сергей!
Неужто вы?
Надолго ль?
— Да, надолго... —
И заструится синий воздух волглый
Над шапкой житно-солнечных кудрей.

Но нет, не воскресить былого сна.
Тех голосов давно уже не слышно.
А звуки посторонние — излишни.
На родине поэта — тишина.

* * *

Посмертная маска поэта
Скорбит под музейным стеклом...

Но нет и поныне ответа:
Вина в этой смерти на ком?

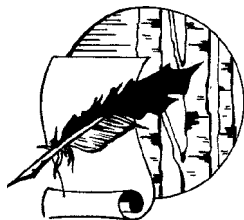
Кричащая мука живая
На маске застыла навек,
Как будто бы боль ножевая
Сочится из сомкнутых век.

И песня его недопета,
Хоть был он не в силах молчать...
Посмертная маска поэта —
Трагедии русской печать.

УЛИЦА ЕСЕНИНА

Улица Есенина —
Вдоль бульвара глянь! —
Украшает зеленью матушку-Рязань.
Липы беспокойные поселились тут.
Нынче эту улицу холят и метут.
Горделиво высятся новые дома.
Улица Есенина, как струна, пряма.
О таких ли почестях мог мечтать поэт?..
Улицы Есенина мне роднее нет.
В сумерках сиреневых кажется:
Вот-вот
По знакомой улице сам поэт пройдёт..
Было время горькое, тяжкое, как стон.
От народа русского был он отлучён.
Но любовь народную ни спалить, ни сжечь.
Стих живой есенинский мы смогли сберечь.
И бежит уверенно в зиму и весну
Улица Есенина через всю страну.
Через сердце каждого, в ком любовь жила,
Улица Есенина в вечность пролегла.
Сквозь ухмылки недругов, равнодушья лёд
Улица Есенина к совести ведёт!

г. Рязань

Андрей ПОПОВ

ПРИЖИМАЕТСЯ ПАМЯТЬ К ЗЕМЛЕ

* * *

Треснет рама от пули шальной —
Непривычно для нервного слуха.
Это Бог тебя будит войной,
Пробуждает для веры и духа.

Ангел смерти парит над страной,
Не какая-то там невезуха,
Не какой-то мороз или зной,
А знаменье для веры и духа.

И в своей беспробудной глуши
Не о треснутой раме реши —
С этим справится как-нибудь плотник —

А заснувшую жизнь тормоши,
Что нацелился в окна души
Начинённый войной беспилотник.

* * *

И коснется небесная влага чела,
И подумаешь, в небо вникая,
Что летит через поле шальная пчела,
Или, может быть, пуля шальная.

Будет дождь. Прижимается память к земле,
Птицы, словно обиды, уснули.
Только дождь не мешает упрямой пчеле,
А тем более маленькой пуле.

До каких я не смог прикоснуться высот
До сих пор в середине июля?
И подумаешь: целится прямо в висок,
Хорошо бы пчела, а не пуля.

* * *

У каждого свои пороки,
И свой талант любому дан.
А я играл бездарно в покер —
И проиграл свой чемодан.

С досады я хлебнул кефиру,
Азарт немного поутих,
А мог бы проиграть квартиру
И всех знакомых и родных.

Хлебнул всего лишь полстакана,
Но мой талант сказал: — Не ной!
Ты проживешь без чемодана
С дорожной сумкою одной.

Ты проживёшь с одной квартирой,
Без покера, в котором ложь,
С одной женой, с одною лирой,
С одним талантом проживёшь.

ПОД СМЕРТНОЙ СЕНЬЮ

Не смотри, что он глаза сомкнул,
Что уже не с нами, что усоп —
Не сдвигает угловатых скул,
И не морщит желтоватый лоб.

Не смотри, что ныне не дыша
Он лежит, покойник и мертвец,
Но его бессмертная душа
Понимает — это не конец.

Даже понимает благодать
В доме у Небесного Отца
То, что ты пытаешь понять,
Но понять не можешь до конца.

---

* * *

Дурная погода ... Промозглая слякоть.
Снег валит и тает. Сугробы и лужи.
И будто я снова родился, заплакав,
Что всё непонятно. И будет лишь хуже.

Как чаша, наполнится хлябью низина,
А то еще мраком и каменным градом.
И будто впервые тревога пронзила,
Что смерть, как погода, всегда с нами рядом.

* * *

Господи, избави меня от сумы, тюрьмы и больницы,
И от всего того, что в вечной жизни не пригодится.

От воя избави ночного, творимого втихомолку,
Себе самому измены и слову, и делу, и долгу,

От клеветы человеческой, что сердце приводит в трепет.
Избави меня от всего, что погибнет, как прах и пепел.

И знаю я, что суда достоин, что оправдаться нечем,
Но только оставь мне надежду с сыном убитым на встречу.

Там у Тебя в небесных садах он, верно, душою вырос.
Господи, Ты оставь мне только то, что ему пригодилось.

И не отнимай мой голос, чтоб мог я, как прежде, молиться
О сыне моём, не узнавшем сумы, тюрьмы и больницы.

* * *

Как будто ты не знаешь здешних мест —
Ворона над дорожным знаком кружит,
И никакого ангела окрест,
Окурки только и большие лужи.

Пойдем отсюда! А не то тоска
На сердце ляжет, как тяжелый камень.
Пойдем скорей!.. Но ангелов искать
Мы продолжаем темными глазами.

---

* * *

Не вступали ни в какие споры,
Ни в какой особый пересуд,
Жители Содома и Гоморры
Думали, что правильно живут.

Так в иных краях живут и ныне,
Не грустят о выборе таком,
И по той же видимой причине
Кончится всё огненным дождём.

Что нам эти сытые просторы?!
На раздолье вольном голубом
Жители Содома и Гоморры
Думали: «Как правильно живём!»

* * *

Дорога одна. И как будто прямая.
С неё не бывает возврата. И всё ж —
Воскликнешь однажды: «Не вижу, куда я
Иду!» И на землю от горя падёшь.

А думал, что видишь всё тайное явно,
И ясными путь полагал и исход.
И Бог лишь поднимет тебя, словно Савла,
Из пыли дорожной...
И зренье вернёт.

* * *

Как ударит последний гром,
Разогнутся тайные книги,
То предстанут перед Судом
Люди всех идей и религий.

Каждый что-то сделать хотел,
Сдвинуть горы, украсить долины...
И предстану без добрых дел,
Без одежды как будто, голый.

И течет река из огня,
И любовь, что была, тревожит.
И не знаю, за что меня
Ты помиловать можешь, Боже.

---

* * *

Порой темно — и рядом никого,
И каюсь мало — и опять грешу я.
И начинаю верить в алкоголь —
Как на дорогу выйти с ним большую!

Развеять все сомнения внутри,
Что я живу неискренне и гладко.
Хлебнуть вина — и парочку витрин
Поразбивать для сущего порядка.

И став себя привычного щедрей,
Допив, шутя, еще одну бутылку.
Кому-нибудь породистых кровей
В холёный бок воткнуть тупую вилку.

Тоска без дел туманна и мертва,
А с делом и дерзка, и хамовата,
И говорит высокие слова
Непроизвольно трехэтажным матом.

Ей все равно — ты ловок, неуклюж,
Какого фига и какого фака,
И нет заботы о спасенье душ,
Свобода — это с полицейским драка...

Так быть могло. Но Бог остановил.
Простил, пока еще не стало поздно.
Решил, что я тоскую по любви,
А не с ума схожу. К тому же возраст.

Не то сидеть мне с острою виной
На нарах, забывать об алкоголе,
Но написать стихи про край родной,
Чтоб их потом учили дети в школе.

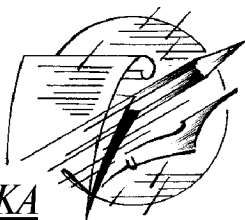
г. Сыктывкар

СУДЬБА XX ВЕКА

Какую роль сыграл XX век в развитии цивилизации, наверно, можно было бы и не говорить. Очевиден технический прогресс, бурное развитие народонаселения, создание уникальных государственных образований, лишенных суверенитета и самостоятельности.

На сегодня можно с уверенностью сказать, что религиозная история Европы завершилась. Уже король-католик Испании подписывает закон о гомосексуальных браках, оправдывая этот шаг желанием народа, о протестантских странах, и говорить не приходится. Это стало нормой общественной жизни. Но в этой общественной жизни стал явно преобладать индивидуализм.

Когда индивидуализм стал краеугольным камнем европейской цивилизации? Видимо, в эпоху так называемой Реформации. В Средние века, несмотря на церковные искажения, католический мир все-таки жил одной страстной идеей — вернуть Гроб Господень. Страсть ни к чему хорошему не приведет, но был объединяющий идеал. Реформация заглянула в этническое лицо христианских народов, и они за-

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

хотели быть отличными друг от друга. Империя желалась, но не как универсум, а как национальное образование. И вот зарождается в елизаветинские времена Британская империя. Отлученная от католической церкви, королева показывает всему миру, что она может обойтись и без единой римской идеи.

Начиналось же всё с гуманизма, с его потрясающей любви к человеку, к его страданию. Это Эразм из Роттердама писал в «Жалобе мира»: «Пусть все люди объединяются против войны! Пусть все люди поднимут против нее свои голоса! Поймите, — призывает Мир, — какая огромная сила таится в согласии множества, противостоящего тирании знати!..»

Кто не согласится с автором этих благородных строк? Не горит ли душа благородным гневом против поджигателей войны, обагривших руки в крови христиан (что само по себе является страшным преступлением против Бога и человека)? И разве, читая «Похвалу Глупости», не признаем очевидной тупости правящей элиты, не соглашаемся ли с тем фактом, что католическая церковь, как мистическая организация, должна уступить место просвещенному божеству, лишенному всяких суеверий и идолопоклонства?

Итак, во главу угла ставился Разум, Просвещенный Разум. Этот Разум не может принять уничтожение иудейских книг, в которых извращалось великое Таинство Боговоплощения. И вот Иоганн Рейхлин — герой, спасающий культурное наследие еврейского народа. Но дело было не в этом наследии (никто не уничтожал культуру как таковую), вопрос стоял в праве на сомнение в Боговоплощении. Благое намерение спасти талмудическую литературу как явление культуры на самом деле использовалось для уничтожения христианской веры. Чтобы победить Христа, нужна была иудейская традиция, более тысячи лет сражавшаяся с Сыном Божьим.

Обратим внимание, что наступление на Церковь Христову шло повсеместно: на Востоке исламский мир уничтожал последний осколок великой Римской империи — Константинополь; на Западе — справедливый протест против искажений католического вероисповедания.

Казалось, что мир жаждет обрести Истину Православия: деятельность Яна Гуса тому неоспоримое свидетельство. Мартин Лютер скажет, что «праведник верою жив будет», а не добрыми делами и исполнением обрядов. Отныне спасение зависит от самого человека, даже не от Бога. Личные переживания становились важнейшими в религиозной жизни протестантов. Деятельность Лютера уничтожала последние

остатки соборного духа. Его выступления против церковной иерархии не просто протест против прелатов как таковых, это борьба против иерархии в природе человеческого отношения, сражение против очевидного и объективного. Показательно, что гуманисты и реформаторы ополчились против сословий в обществе, прекрасно понимая, что любая революция должна начинаться с ниспровержения авторитетов. И те князья, которые поддержали Лютера, фактически копали себе яму, в которую должны были упасть. Выходить из нее они будут, вооруженные прусским духом короля-атеиста Фридриха Великого. Т.е. протестантизм заложил основы пангерманизма, вылившегося в нацистский рейх.

Вместе с Реформацией христианский мир отворил врата для возвращения античных ценностей. Античная философия становится предметом, научная ценность которого становилась выше Богословия и Святого Предания. Против Святоотеческого предания особо выступили деятели Реформации. Божественное откровение для них существовало только в Св. Писании, Предание отвергалось как ложное. При этом, не правда ли, странно, но личные переживания ставились выше церковных таинств. Это неизбежно вело к тому, что Христос для индивидуума уже был не Бог, но простой человек, добрый проповедник и пророк. К этому заключению пришел Томас Мюнцер, один из вождей Крестьянской войны в Германии. Дальше — больше! Торжество индивидуального разума неизбежно вело к восстанию против существующей действительности, не вписывающейся в рамки собственных представлений.

Террор, который устроили анабаптисты во время Крестьянской войны, поражает звериной жестокостью. Ревнители «чистой» веры призывали к физическому уничтожению не согласных с ними. «Пока злодеи живы, вы не будете свободны от человеческого страха, это не ваша война, а Божья», — писал Томас Мюнцер в своем воззвании. Еще более своим безудержным безумством поразил мир Иоганн Лейденский, утвердивший в Мюнстере «Новый Иерусалим», обобществив не только имущество, но и жен. Эпоха гуманизма сопровождалась массовыми убийствами и казнями несогласных; были сожжены драгоценные рукописи, собранные Рудольфом фон Лангеном; картины знаменитой вестфальской школы были уничтожены так основательно, что сегодня можно только предполагать их ценность. Анабаптисты устроили ветхозаветное царство, в котором была отменена частная собственность и деньги. Только вот равенства не наблюдалось. Город и его жители были поделены на 12 частей, во главе которых стояли герцоги, назначенные царем Иоганном Лейденским.

Любая провинность каралась этим царем смертью. Причем казни приняли патологический характер: казнили за плохую одежду, жен за неверность, за то, что не хотели быть очередной женой царя. На жестокость ответили еще более изощренной животной жестокостью (взятый в плен Иоганн был подвергнут страшным пыткам, после чего его сердце пронзили раскаленным кинжалом).

Мир вступал в эпоху Гуманизма под грохот пушек и резни, длившейся вплоть до 1685 года, когда было покончено с протестантизмом во Франции. Но семена этого течения вытравить было невозможно. Они настолько въелись в почву, что при благоприятных погодных условиях обязательно начинали прорастать.

Именно в эпоху Реформации рождается такое произведение, как «Утопия» Томаса Мора. Знаем, что он остался верен католическому вероучению, но в его сознании уже утвердился дух гуманизма и утилитаризма. Многосложный и разнородный мир хотелось опростить, низвести до растительного состояния, когда человек, наконец-то, получит маленькие радости физиологического существования.

В «Утопии», созданной Томасом Мором, отменили деньги и частную собственность, в которых видели главное зло человечества. Однако и среди утопийцев не наблюдалось равенства. Более того, как и в Платоновом «Государстве», процветало рабство, в которое мог быть продан любой утопиец, если он не был сифогрантом (т.е. чиновником высокого ранга): «...они обращают в рабство своего гражданина за позорное деяние или тех, кто у чужих народов был обречен на казнь за совершенное им преступление».

«Рабы того и другого рода не только постоянно заняты работой, но и закованы в цепи; обхождение с рабами, происходящими из среды самих утопийцев, более сурово...»

«Труд этих лиц приносит больше пользы, чем их казнь, а с другой стороны, пример их отпугивает на более продолжительное время от совершения подобного позорного деяния. Если же и после такого отношения к ним они станут бунтовать и противиться, то их закалывают, как диких зверей, которых не может обуздать ни тюрьма, ни цепь».

Можно сказать, что концлагери Троцкого и Гитлера начинали свое движение в Утопии. Удивительно, но столь одаренный человек как Томас Мор соглашался на единообразие, на фактический отказ от личной жизни, причем, что самое страшное, в быту.

Надо признать, что в Утопии признавался моногамный брак, но заключение брака сравнивали с продажей лошади.

Поразительно, но гуманистам это не казалось унижением человеческой личности. Увлечение коммунизмом представлялось столь естественным, что всякий, отрицающий бесполковое коммунистическое общество, которое никто никогда не видел, подвергался остракизму. Коммунизм представлялся обществом, в котором будут мало работать физически (всего 4-6 часов в сутки), но всё свободное время отдано изящным и точным наукам. Томас Мор строго регламентировал свое общество, и создавалось впечатление, что не люди живут в этой цивилизации, но пчелы, исполняющие волю общества автоматически. Причем, регламентация касалась мельчайших деталей. Даже питание поощрялось общественное, что и читаем в «Утопии»: «Хотя никому не запрещено обедать дома, но никто не делает этого охотно, потому что считается непристойным и глупым тратить труд на приготовление худшей еды, когда во дворце, отстоящем так близко, готова роскошная и обильная». Правда, автор забывает, что лучшая пища обещана более достойным.

Обратим внимание, что «Утопия» не на пустом месте родилась. Идея обобществления коренилась еще в сознании древнего человека. Весь вред виделся в частной собственности, в желании обладать предметами как самыми необходимыми, так и роскоши. Часто последователи коммунистического идеала ссылаются на деятельность Христа, беря Его в свои союзники, подчеркивая, что Сын Божий не имел собственности, более того, изгнал из Храма торговцев и менял, т.е., можно сказать, изначально подверг осуждению буржуазные отношения. Именно на «Деяниях Апостолов» строили свои иллюзии многочисленные сектантские движения. Однако, усвоив общность собственности, — не желали замечать, что Церковь Христова строилась исключительно на любви и свободном выборе, чего еретические движения не допускали. Их общества основаны на принуждении и насилии. Несогласных либо убивали, либо подвергали таким наказаниям, что они становились покорными вплоть до физического рабства (достаточно вспомнить движение Дольчино в Италии в XIV веке).

Именно еретические движения будут двигателями революционного процесса, который особенно начал проявлять себя в XVI веке, в век Реформации и первой буржуазной перестройки общества в Нидерландах. Деятели этой революции в первую очередь обрушились против Церкви. Иконы и статуи уничтожались и сжигались, как и во времена знаменитых гуситских войн. Была поднята рука против авторитета и догмата, и сегодня стоит ли удивляться, что именно в Нидер-

---

ландах свободно торгуют своими телами, процветает содомия и обкуриваются наркотическим дурманом. Свобода понимается как право беспрепятственно совершать грех.

Конечно, не только протестантское движение ковало современное общество. Католический мир не мог не ответить. Он ответил репрессиями, всякое недоумение и сомнение объявлялось ересью. Коперник и Галилей становятся врагами Истины. Но этот удар по науке был не столько удар по чужим, сколько по своим, ибо и Коперник, и Галилей в отличие, например, от Дж. Бруно не отвергали Бытие Бога. В результате именно в католической среде рождается «Утопия» и такое пантеистическое произведение как «Город Солнца» Томмазо Кампанеллы. Кампанелла — монах, восставший не против Церкви как таковой, но против испанского владычества в Южной Италии. Заговор был раскрыт, и он был подвергнут страшным пыткам инквизиции, в застенках которой и родилось произведение утопического коммунизма.

Построенное им в мечтах общество очень походило на теократию: *«Верховный правитель у них — священник, именующийся на их языке «Солнце», на нашем же мы назвали бы его Метафизиком»*. Это самый мудрый человек в городе. При нем три соправителя: Мощь, Мудрость и Любовь. Каждый курирует определенную область человеческой деятельности. Есть Совет, в который входят граждане старше 20 лет. На должности утверждаются по воле народа. Но как эта воля проявляется, никто не знает, потому что на самом деле утверждают четыре верховных правителя. Вся жизнь и имущество контролируется администрацией: *«...у них всё общее. Распределение всего находится в руках должностных лиц; но так как знания, почести и наслаждения являются общим достоянием, то никто не может ничего себе присвоить. Они утверждают, что собственность образуется у нас и поддерживается тем, что мы имеем каждый свое отдельное жилище и собственных жен, и детей. Отсюда возникает себялюбие»*.

Кстати, Кампанелла не забывает упомянуть о монашеских общинах как прообразах коммунистического общества. Однако монахов отвлекает от святой любви привязанность к родным местам, к своим родителям и родственникам. Чтобы ничто не привязывало, необходимо ввести общность жен и детей. Отношения полов находятся в полном ведении государства: *«...производство потомства имеет в виду интересы государства, а интересы частных лиц — лишь постольку, поскольку они являются частями государства; и так как частные лица по большей части дурно производят потомство и дурно его воспитывают, на гибель государства, то священ-*

ная обязанность наблюдения за этим как за первой основой государственного благосостояния вверяется заботам должностных лиц, и ручаться за надежность этого может только община, а не частные лица». Как и у Мора, рождение детей сравнивается с выведением скота. Чиновники решают, с кем быть мужчине или женщине.

Таким образом, можно с уверенностью сказать, что данная конструкция общества не к свободе призывало людей, а к справедливости. Но в этой справедливости совершенно отсутствовал свободный выбор, отсутствовала личность как таковая. Было в «Городе Солнца» и рабство. Рабы использовались на самых тяжелых работах.

Трудовая повинность была обязательной. Трудились все, даже калеки, которые исполняли роль доносчиков и стукачей. Была и смертная казнь, причем казнил сам народ при помощи камней. Можно сказать, круговая порука в действии.

Религия в этом городе присутствовала в виде поклонения Солнцу, которое воспринималось как Вселенная, как идеально разработанный часовой механизм. Религия, таким образом, представляла собой не столько мистическое явление, сколько рационалистическое. В этом постулате Кампанелла близок к гуманистам, признававшим верховенство науки и разума.

«Город Солнца» представлялся автору не просто мечтой, но реальностью, которую уже наблюдали в жизни Европы. Томмазо упоминает анабаптистов, живущих общиной.

Конечно, если поселить всех гуманистов в такое общество, то можно с уверенностью сказать, что большая их половина будет истреблена, либо превращена в рабов, другая же, меньшая, будет проводить чудовищные репрессии во имя справедливости.

Эта интеллигенция всегда стремилась к некоему конечному идеалу, не желая замечать, что человеческая цивилизация никогда не придет к окончательному финалу, ибо окончательный финал даже абсурду противоречит. То, что в конце веков произойдет Страшный Суд — несомненная истина, но этот Суд означает не конец цивилизации, а ее преобразование, начало Новой истории, в которой Бог и человек обретут иную, чем сегодня, реальность.

Гуманизм неизбежно своим гимном человеку вел к уничтожению этого человека. Вначале человек был объявлен царем вселенной. Дж. Манетти писал: *«Если же очевидно, что прочие живые существа были созданы исключительно ради человека, то можно заключить, что единственно ради человека*

был создан и устроен Богом мир, поскольку он создан ради одушевленных существ, а те — ради человека. И об этом достоверно свидетельствует то, что всё созданное предназначается для человека и служит ему удивительным образом, что видим мы, как говорится, яснее полуденного солнца».

Но и в то же время стало очевидно, что царь не совсем соответствует своему царскому положению, даже более того, он и не царь вовсе. «Пусть он (человек), — пишет Мишель Монтень, — покажет мне с помощью своего разума, на чем покоятся те огромные преимущества над остальными созданиями, которые он приписывает себе. Кто уверил человека, что это изумительное движение небосвода, этот вечный свет, льющийся из величественно вращающихся над его головой светил, этот грозный ропот безбрежного моря, — что всё это сотворено и существует столько веков только для него, для его удобства и к его услугам? Не смешно ли, что это ничтожное и жалкое создание, которое не в силах даже управлять собой и предоставлено ударам всех случайностей, объявляет себя властелином и владыкой Вселенной, малейшей частицы которой оно даже не в силах познать, не то что повелевать ею! На чем основано то превосходство, которое он себе приписывает, полагая, что в этом великом мироздании только он один может воздать хвалу его Творцу и отдавать себе отчет в возникновении и распорядке Вселенной? Кто дал ему эту привилегию? Пусть он покажет нам грамоты, которыми на него возложены эти сложные и великие обязанности».

Если человек не царь, то кто он? Мучительный вопрос. Ибо ответ на него означает дальнейшую историческую перспективу цивилизации. Если не образ и подобие Божие, но животное? Тогда просто необходимо это животное держать в узде. Это же так логично.

Мишель Монтень еще любит человека, потому ему странно, что тот ставит себя вровень с Богом, с Его Бытием, существующим помимо человеческой воли. Философ будет всматриваться в жизнь, которая выше всех доктрин и направлений, он будет сомневаться, чтобы узнать Истину, но при этом — его поиск не имеет ясной философской цели, а значит, не может отличить правду от лжи, а это уже чревато релятивизмом.

Непонимание Истины неизбежно приводит к духовной слабости, что чаще всего выражается в бунте против всех и вся. Это бунт разума, не видящего своего бесплодия. Но это бесплодие становится постоянной величиной западноевропейской цивилизации.

Казалось бы, в течение нескольких веков мы видим расцвет искусства и литературы, взлет философской мысли,

---

смену формаций, более того, страшные общественные потрясения сопровождались игрой разума и безудержной фантазией. Чего стоит «Закон Свободы» Джерарда Уинстенли, явившийся в среде, яростно требовавшей казни короля Карла I.

Эпоха Гуманизма должна была завершиться политическими переворотами. Началось в Нидерландах, продолжилось Англией, установившей республику. В свободной республике творился такой беспредел, какого не было ни при одном монархе (англичане об этом помнят и традиционно сохраняют хотя бы видимость монархической власти). Но лозунги так очаровывают, что на время им поддается большое количество людей. Уинстенли завораживающе писал: «Существует только рабство и свобода: частный интерес и общий интерес; и тот, кто будет ратовать за то, чтобы внести частный интерес в свободную республику, тот будет тотчас же обнаружен и изгнан как человек, стремящийся снова вернуть королевское рабство».

Но уже не изгоняли, но подвергали репрессиям, творя чудовищные беззакония. Эти беззакония оправдывались благородными побуждениями: стремлением перевоспитать заблудших. Ради этого в царстве свободы утверждалось рабство. Вчитаемся: «Если они будут выполнять свои нормы, то он (смотритель. — С.Р.) позволит выдавать им достаточное количество пищи и одежды, чтобы сохранить здоровье. Но если они будут проявлять отчаяние, легкомыслие или леность и не будут спокойно подчиняться закону, смотритель назначит им скудное питание и будет бить их кнутом, «ибо лоза уготована для спины глупцов», до тех пор, пока их гордые сердца не склонятся перед законом... Если же какой-нибудь нарушитель убежит, об этом будет возведено через глашатая, и он будет приговорен судьей к смертной казни, когда будет снова задержан».

Этакое весёлое Дахау кампучийского разлива в духе культурной революции дорогого товарища Мао. Корни этой мировой революции в далеком прошлом. И, кстати, объединяет все революции ненависть к религии. Уинстенли прямо пишет: «Это божественное учение, которое вы называете духовными и небесными вещами, есть грабеж и разбой». «Следовательно, это священное духовное учение есть обман, ибо в то время, как люди взирают на небо и мечтают о блаженстве или опасаются ада после своей смерти, им выкальвают глаза, чтобы они не видели, в чем состоит их прирожденное право и что они должны делать здесь, на земле, при жизни».

Весь пафос якобинцев и марксистов — в посланиях Дже-

рарда Уинстенли. Как было сказано выше, эпоха Гуманизма завершалась революционными переворотами. Сознание европейца всё более и более носило антирелигиозный характер. Гуманизм нервно перетекал в «Просвещение», где ненависть к религии становится краеугольным камнем мышления. В «Завещании» Жана Мелье читаем: «Короче говоря, всё, что ваши богословы и священники с таким пылом и красноречием проповедают вам... всё это, в сущности, не что иное как иллюзия, заблуждение, обман, измышление и надувательство: их выдумали вначале хитрые и тонкие политики, повторяли за ними обманщики и шарлатаны, потом этому поверили невежественные и темные люди из народа и, наконец, это поддержано властью государей и сильных мира, которые потворствовали обману и заблуждениям, суевериям и шарлатанству и закрепили их своими законами для того, чтобы таким путем держать в узде массы и заставлять их плясать под свою дудку».

Отрицая религию, Мелье естественно призывает свергнуть власть имущих, причем самым жестоким способом. *«По этому поводу мне вспоминается пожелание одного человека... Он высказал пожелание, чтобы «все сильные мира и знатные господа были перевешаны и удушены петлями из кишок священников». Это суждение не может не произвести несколько грубого и резкого впечатления, но ему нельзя отказать в наивной прямоте. Оно коротко, но красноречиво, так как в нескольких словах высказывает всё, чего заслуживают подобные люди.»*

Ненависть к религии неизбежно приводила к патологической неприязни Личности Христа: *«А наши богохристопоклонники? Кому приписывают они божественность? Ничтожному человеку, который не имел ни таланта, ни ума, ни знаний, ни ловкости и был совершенно презираем в мире. Кому приписывают они ее? Сказать ли? Да, я скажу это: они приписывают ее сумасшедшему, безумцу, жалкому фанатику и злополучному висельнику.»*

Интересно, что борец за права бедняков, упрекает Христа в том, что Он был только сыном плотника. Вся книга Жана Мелье пронизана ненавистью. Ненависть становится фундаментом «Просвещения», которое в пору было бы называть «Затемнением». Вольтер, которого принято считать гениальным философом, писал о «Завещании», что «это произведение, крайне необходимое демонам, превосходный катехизис Вельзевула. Знайте, что это очень редкая книга, это совершенство».

Таким образом, можно констатировать, что отцом новой европейской демократии был — дьявол. Это Вольтер писал:

«По-христиански желаю, чтобы «Завещание» священника (в этом сане жил и покончил самоубийством Жан Мелье. — С.Р.) размножилось, подобно пяти хлебам, и накормило 4-5 тысяч душ».

Деятели Великой Французской революции будут приветствовать Жана Мелье как первого священника, порвавшего с религиозными заблуждениями. Не секрет, что нынешняя европейская цивилизация считает себя наследницей той «великой революции».

Эту революцию подготавливали братья-масоны, руководимые Вольтером и знаменитыми энциклопедистами. Прикрываясь христианской фразеологией, масоны внедряли в сознание европейцев откровенный сатанизм, призывая, подобно падшему ангелу, к восстанию против всех и вся. Это Дешан будет писать, что Бог создан разумом человечества и является продуктом социальных отношений, основанных на частной собственности. Если будет устранена частная собственность, то и отпадет потребность в Боге. Бог Дешана — некое нравственное существо, но это существо не личность, но НИЧТО: «В чем причина существования? Ответ. Причина в том, что НИЧТО есть нечто, в том, что оно — существование, в том, что оно — ВСЁ».

Итак, европейский мир лишился личности, становясь обезбоженным и обезличенным. В этом обезбоженном мире «Бог есть НИЧТО, само несуществование». В то же время Дешан не принимает атеизма философов, называя его «атеизмом скотов», то есть существ, не преодолевших религию. Их философские представления представляются ему беспочвенными фантазиями. «Пусть наши философы-разрушители убедятся, насколько бесплодны и ничтожны были их усилия, направленные против Бога и религии. Философы были бессильны выполнить свою задачу до тех пор, пока они не касались существования гражданского состояния, которое одно является причиной возникновения идеи морального и универсального существа и всех религий».

«Состояние всеобщего равенства не вытекает последовательно из учения атеизма. Для наших атеистов, как и для большинства людей, оно всегда казалось порождением фантазии».

Но эти фантазии подготавливают революцию. В «Голосе Разума» Дешан писал: «Эта революция, конечно, будет иметь своим источником современные философские построения, хотя этого большинство не подозревает. Она будет иметь гораздо более печальные последствия и причинит гораздо большие разрушения, чем революция, вызванная какой-либо ере-

---

сю. Но разве эта революция не начинается? Разве не пало уже разрушение на устои религии, разве не готовы они пасть, да и всё остальное?»

И Дешан предлагает свой выход: «Система, предлагаемая мною, подобно атеизму, лишает нас радости рая и ужасов ада; но, в противоположность атеизму, она не оставляет никакого сомнения в правомерности уничтожения и ада, и рая. Наконец, она дает нам в высшей степени важное убеждение, которого не давал и никогда не сможет дать атеизм; именно — убеждение в том, что для нас рай может существовать только в одном месте, а именно — в этом мире».

Ради этого рая надо было выкорчевать из сознания людей моё и твоё. Естественно, что для этого необходимо всё обобщить: и женщин, и мужчин, и детей. Чтобы достичь райского состояния, Дешан предлагал уничтожить многое из того, что являлось ценным для человека, например, «все то, что мы именуем прекрасными произведениями искусства. Жертва эта была бы, несомненно, велика, но принести ее необходимо». Не нужна и наука. «И зачем понадобилась бы им ученость Коперников, Ньютонов и Кассини?»

Естественно, что язык перестанет быть многообразным и прекрасным, исчезнет письменность, не будет надобности и в рассуждении. «В состоянии дикости, — писал Дешан, — не размышляли и не рассуждали, потому что в этом не нуждались; при состоянии законов размышляют и рассуждают, потому что нуждаются в этом; при состоянии нравов не будут размышлять и рассуждать, потому что в этом не будут больше нуждаться».

Но самое важное: в обществе равных все люди стали бы на одно лицо: «При состоянии нравов не плакали бы и не смеялись бы. На всех лицах написан был бы ясный вид довольства, и, как я уже говорил, почти все лица имели бы почти один и тот же вид. В глазах мужчины любая женщина походила бы на других женщин, а любой мужчина — на другого мужчину в глазах женщин».

В этом раю будет и новое мировоззрение. «И они не сомневались бы в том (нисколько этого не страшась), что и люди существуют лишь в результате подобного же рода превратности, и что в некий день им суждено вследствие таких же превратностей погибнуть, с тем, быть может, чтобы в последовательности времен вновь быть воспроизведенными путем превращения из одного вида в другой».

«Подобно тому, как они, так же, как и мы, не считались бы с тем, что они раньше были мертвы, что составляющие их части не существовали в прошлом в виде человека, они, бу-

---

дучи последовательнее нас, не придавали бы никакого значения и прекращению существования в этом виде в будущем». «Похороны их не отличались бы от погребения скота», так как «их мертвые собратья не должны для них значить больше мёртвой скотины». «...Они не были бы привязаны к данному человеку, в частности, в такой мере, чтобы ощущать его смерть как личную потерю и оплакивать ее». «Они умирали бы смертью тихой, смертью, похожей на их жизнь...»

Вот такой рай, в котором не будет лица, не будет угрызений совести, предлагал французский монах Дешан. Такие, как Дешан, способны были не только теоретизировать, они практически готовы были воплощать в жизнь свои, как им казалось, продуманные до мельчайших подробностей системы. В системе их философии не было места философам, размышлявшим о сути бытия. Как не вспомнить Сократа, сказавшего афинскому судилищу: «Говорю вам, сограждане, что, меня убивая, на себя ниспосылаете месть, что уже идет сразу же после моей смерти, куда более тяжкая, чем та, что вы посылаете мне. Убивая меня сегодня, вы это делаете в надежде освободиться от необходимости давать отчет в собственной жизни, но всё произойдет наоборот: я вам предсказываю. Не я один, а многие потом спросят вас об этом и предъявят счет: все те, кого я до сих пор опекал, кого не замечаете вы. И столько же строптивцев объявятся, сколько сейчас видите молодых, коими вы пренебрегаете. А ежели, полагаете вы, убивая меня, помешаете кому бы то ни было разглядеть весь срам вашей несправедливой жизни, то подумайте лучше. Да не избавиться вам от неё таким путем. Невозможно это, да и нехорошо это; другой путь есть наипростей и наилучший, не затыкайте рты чужакам, а внимайте им, дабы совершенствоваться вечно в добродетели».

Действительно, чтобы жить в построенном Дешаном раю, необходимо уничтожить культуру и личность, как составляющие цивилизацию. Творцы нового мира полагали, что счастье человека заключено в отсутствии у человека права на свободный выбор, на нравственное чувство. Конечно, возрадят, что мир не пошел по пути Дешана. Скорее в его (мира) основании общественное согласие великого Жан-Жака Руссо, который говорил, что наступает век революций, но революций благословенных, несущих счастье, залог же сему аналитический метод и достижения науки. «Однако позволительно спросить (известно, что метод родился в мастерской и лаборатории): а за их пределами годится он на что-нибудь? С его помощью легко обнаружить логическую непоследовательность или поставить под сомнение доводы какого-ни-

---

будь спорщика. Но ведь давно известно: сомнение способно порождать духов, а вот справиться с ними ему не дано. И вот логические доводы растут, множатся, образуя своего рода «мощный логический вихрь», который втягивает в себя сначала слово, потом вещи, и они в нем бесследно исчезают. Обратите внимание на то, что все эти нескончаемые теоретические разглагольствования о человеке и его душе, о философии государства, о прогрессе человечества и т.д. и т.п., составляющие неотъемлемую часть сознания каждого, не смогут служить опорой для благих ожиданий, потому что они обыкновенные предвестники состояния безысходности и отчаяния» (Томас Карлейль).

Вот где начало безысходности и отчаяния. В таком состоянии неизбежно приходишь к ханжеству и лицемерию, и всякое благое побуждение подвергается остракизму и осмеянию. «И не является ли, — пишет Карлейль, — лицемерие той дьявольской первоматерией, которая породила все виды лжи, мерзости и глупости и которая абсолютно враждебна всякой правде? Ибо лицемерие по самой своей природе есть дистиллированная ложь, т.е. ложь в квадрате».

Эта ложь начнет Великую Французскую революцию, которая будет сметать всё с лица земли во имя философской идеи равенства, братства и свободы. Начнут с знаменитой декларации человека и гражданина. 230 лет назад мир начал свой декларативный путь, и он продолжает этот путь и сегодня. Свобода и равенство вместе с братством только на бумаге.

Известно, что любая революция в Европе начиналась с благих побуждений. Но завершалась банальным отсечением головы помазанника Божьего и разнузданным беспределом, который творили победители. Во имя гуманизма был казнен Карл I, ради братства будет гильотинирован Людовик XVI и его жена Мария-Антуанетта. Т.е. во имя великой лжи творилось беспримерное насилие, ради общественного согласия уничтожался собственный народ. Искали равенство, но находили его только в смерти, попирая Божественную иерархичность природы. Убивая королей, надевали на себя тогу правосудия, но, в принципе, убивали потому, что были охвачены животным страхом перед монархическим принципом. Этот принцип сохранял в человеке личность, которая новой философии претила патологически, хотя на каждом перекрестке расписывались в безудержной любви к ней. Говоря об общем деле, деятели революции на самом деле проповедовали страшный индивидуализм и пошлый эгоизм. На смену феодальному благородству сословий приходил буржуазный

божок по имени Мамона. Конечно, таких, как Сен-Жюст и Робеспьер, не мог устроить мещанский стиль бытия, и они всё чаще и чаще будут совершать кровопускания. К этому призывал еще Вольтер. Это он будет требовать раздавить гадину — католическую церковь. Но церковь состоит из людей, поэтому давить будут людей. И где хваленое обещание умереть за право иметь убеждения, даже если они не нравятся? Пустая декларация, не более того! Вся философия «Просвещения» представляет собой декларацию, обещание не просто лучшей жизни, но замены религиозного отношения к бытию новой философией, в которой все будут равны.

Правда, реальное равенство было только в смерти. Кстати, об этом недвусмысленно писал Филипп Буонарроти: «Мы хотим действительно равенства или смерти — вот чего мы хотим». И эта смерть приходила. Новое общество рождалось на гильотине, а кто не выдерживал, уходил в небытие, кончая жизнь самоубийством, подобно министру Ролану, не желавшему «долее оставаться на земле, оскверненной преступлениями». Но уходили и те, кто начинал эту вакханалию убийств. Как же, наверно, был удивлен Барнав, увидев перед собой эшафот, на который через мгновение скатилась его голова. Он еще успел сказать, обращаясь к уходящему небу: «Так это моя награда?» Наверное, это могли бы сказать Дантон и Демуллен, пытавшиеся установить комитет милосердия. Их обманула философия «просветителей», в которую они так верили.

Всё заканчивалось гобсеками. Ради гобсеков и человеческой комедии «гильотина работала исправно». Ради пошлой и мещанской республики были убиты Бюзо и Петион, брошенные на съедение псам недалеко от Сент-Эмилиана. Они умирали без христианского погребения, ибо Христос не вписывался в систему координат новой философии. Он был не просто Бог, но Личность. А это раздражало, начиная от Вольтера и Дидро и завершая Маратом и Робеспьером. Наверное, поэтому с патологической жестокостью будут убивать священников. На острове Экс задушили 400 священников, по 70 в каждой каюте. В Вандее резали беременных женщин ради всеобщего счастья. Говоря о мире, французская революция будет воевать со всей Европой. Неся триединые принципы Европе, она в то же время на своих трехцветных знаменах отражала самый обыкновенный галльский национализм. Не свободу несли знамена Франции, но порабощение и смерть.

Это рабство и смерть были в сути революции. Маленький дофин Людовик будет поселён у сапожника Симона, который научит малыша пить вино, ругаться да петь «Карманьо-

---

лу». Этот ребенок, устав от философского воспитания, умрет в куче зловонного белья и грязи. Вот оно «царство разума в действии».

Философия «просветителей», уничтожая христианскую церковь, должна была найти идеологическую замену. Ее нашли! Было придумано Верховное Существо, которому требовалось языческое поклонение. И вот уже кадят госпоже Кандейль, изображавшей богиню разума. Казалось, что возрождаются древние вакхические традиции Эллады и языческие процессии Юлиана Отступника. Однако мифологические мистерии Эллады и Рима проводились искренними приверженцами языческих культов, культы же новой философии устанавливались под страхом смерти. Общество жило под дамокловым мечом, поэтому действия совершались из чувства животного страха. Нужно было найти такую идеологию, которая вместила бы человека в свою систему не за страх, а за совесть. Или, лучше сказать, исходя из инстинктивной необходимости.

Поэтому будут убиты Кутон, Сен-Жюст и Робеспьер. Убиты из животного страха. Здесь не было бунта личности против системы. Все эти тальены и баррасы спасали свои ничтожные шкурёнки. Их цель: выжить любой ценой. Вся философия «просветителей» замкнулась на французской директории, в недрах которой процветал невиданный доселе разврат и воровство. Казалось, термидор должен был неизбежно вернуть людей к мистическому единству. Потому что состояние животного страха не может быть животворно долговременно. Однако все эти тальены и баррасы были настолько погружены в радости животного существования, что, упиваясь любовными утехами, продолжали грозить кулаком Небу, поигрывая треххвостыми идеалами. Пройдет всего пять лет, и придет человек, который не будет прикрываться идеалами, но утвердит открыто личную власть, сотворив из себя бога. Вся философия добродетели замкнулась на Наполеоне, кодекс которого и сегодня составляет фундамент европейского здания.

Итак, личная власть, частная собственность, национализм, ряженный в интернациональный колпак, обыкновенный эгоизм — вот что составляет сущность Европы. Весь этот демократизм и парламентаризм — не более чем декларация, за которой и прячутся истинные вершители судеб. Эти вершители уничтожили легитимный принцип, чтобы обречь европейскую цивилизацию на длительную игру, в которой будут умело расставляться фигуры, чтобы потом их безжалостно устранили. Удивительный цинизм!

Этот цинизм и скептицизм — основа новой европейской философии. И кто же эти вершители? Как это не покажется фантастическим, но ответ может быть только мистическим. Веками отшлифованная сатанинская мысль, пробиваясь сквозь бреши положительного сознания, выстраивала противоположную свету концепцию бытия. Эта мысль каждый раз находила себе сильных носителей, способных выступить против высших ценностей, во имя которых проходит свою эволюцию человеческая цивилизация.

Таковы будут масонские ложи, таинственно прикивавшие во все сферы жизнедеятельности западноевропейского мира. Да и кто только не был масоном в знаменитом галантном XVIII веке? Отрезвление наступит значительно позже. Да и наступит ли? Философия сатанизма коварна. Не получилось с якобинцами и жирондистами, переключились на «золотую молодежь», забивающую в гроб санкюлотизма ржавый гвоздь, засыпая землёй эту, по слову Т. Карлейля, анархию по евангелию Жан-Жака. Но анархия не истребится, она чрез пару десятков лет кристаллизуется в знаменитую парижскую коммуну, в политическую икоту Прудона; не истребится и давнее желание устроить общество на коммунистических началах. Уже в 1796 году Бабеф попытается даже осуществить на деле коммунистический переворот.

Этот «заговор равных» имел вполне достаточное количество сторонников. Естественно, что революционеры, устраивая новое общество, вновь выступали против религии и Христа. Бабеф писал: «Я беспощадно нападаю на главного идола, которого до сих пор чтили и боялись наши философы, осмелившиеся нападать лишь на его свиту и на его окружение... Христос не был ни санкюлотом, ни честным якобинцем, ни мудрецом, ни моралистом, ни философом, ни законодателем».

Собственно, эта ненависть к Христу и объединяет революционную буржуазию с коммунистами, меняющимися с удивительной периодичностью в европейском театре абсурда. Бабеф был неудачником. И вот подпольная мысль посылает обществу новые импульсы, замешанные на старых дрожжах. Чтобы создать новое общество, необходима теория, и не просто теория утопического коммунизма, но философия коммунизма. Благо для ее становления вполне подходит Гегель, колпаку которого кланяются вначале своей деятельности почти все социалисты-коммунисты-анархисты. От Гегеля два шага до Людвиг Фейербаха. Но теперь включена наука в борьбу против религии, с которой спорить очень трудно. Ее опыты трудно проверить, а значит, невозможно опровергнуть. Де-

---

вятнадцатый век в Европе — это торжество атеизма и дарвинизма, с настойчивостью пропагандируемого масонским сообществом, возглавляемым Гексли, дедушкой Олдоса Хаксли, писавшего антиутопию о дивном и чудном мире, после прочтения которого хотелось пойти и застрелиться от узнанной безысходности.

Деятнадцатый век наступил вместе с буржуазной пошлостью и жадной от нее избавиться. Романтики мечтают о революции, способной уничтожить жалкий эгоизм. Не для этого же, в самом деле, уничтожался феодализм, чтобы опуститься до животного уровня бытия? Постепенно сознание среднего европейца заражалось болезнью коммунизма. Впереди планеты всей шла Франция. Но в бюргерской Германии появятся Карл Маркс и Фридрих Энгельс. Впрочем, в стране филистерства и пошлости, бури и натиска, видимо, и должно было зародиться такое явление, как научный коммунизм. Не забудем, что именно в Германии создавали свое царство «справедливости» анабаптисты. История совершала свой очередной круг, только волны этого круга приобрели всё большую напыщенность.

Но вот что интересно, выступая за счастье трудящихся масс, и Маркс, и Энгельс, а после и Ленин проповедуют жуткий средневековый террор по отношению к собственному народу. При этом (вот где верх лицемерия!) цинично набрасываются на деятелей якобинского террора. Ф. Энгельс в письме К. Марксу писал: «Террор — это большей частью бесполезные жестокости, совершаемые ради собственного успокоения людьми, которые сами испытывают страх. Я убежден, что вина за господство террора в 1793 г. падает почти исключительно на перепуганных, выставлявших себя патриотами буржуа, на мелких мешан, напускавших в штаны от страха, и на шайку прохвостов, обдeldывавших свои делишки при терроре». Не думаю, что пролетарии не имели в своих рядах прохвостов, творивших безобразия во имя революции, этой варварской, по словам Жана Жореса, формы прогресса. Варварство предполагает уничтожение культуры. Но творцы нового мироустройства готовы были на ликвидацию цивилизации и культуры, солидаризуясь с с Дешаном.

Но почему идеи коммунизма приобретают такое огромное количество сторонников? Уже выше говорилось о стремлении уничтожить мелкий эгоизм и мешанство. Но как его уничтожить? Ничего нового! Необходимо ликвидировать частную собственность, потом семью, религию, установив *общество равных*. И вот эти идеи приобрели громадную популярность. Прав К. Ясперс, когда говорит, что марксизм не

наука, но мифотворчество, основанное на магических представлениях. В мифах приходят герои, творящие новую реальность. На героев и надеялись, с ними связывали новое мироустройство. Именно коммунисты и социалисты, нивелируя личность в обществе, до ужасающих размеров раздули культ личности вождя.

Слово вождь, взятое из первобытного строя, уже в принципе предполагает общественное расслоение. Но это был вождь, всецело исполняющий волю идеи, а потому-то и сам бывший не столько лицом, сколько маской, даже лучше сказать, винтиком общереволюционного дела. Это дело должна была осуществлять партия, способная переделать мир. Г. Пятаков писал: «Мы — партия, состоящая из людей, делающих невозможное возможным; проникаясь мыслью о насилии, мы направляем его на самих себя, а если партия этого требует, если для нее это нужно и важно, актом воли сумеем в 24 часа выкинуть из головы идеи, с которыми носились годами». Т.е. во имя будущего общества необходимо отречься от собственной личности. Однако тяжело понять тогда стремление человека к социализму. Возможно, ответ найдем у К. Ясперса, писавшего: «Социализмом сегодня считается устремление или тенденция, или план, имеющий целью всеобщее сотрудничество и сосуществование в духе справедливости и отмены привилегий. В этом смысле сейчас — каждый социалист. Социализм — основная тенденция нашего времени». Ясперс не одинок, еще ранее Вл. Соловьев отмечал: «Таким образом, стремление социализма к равноправности материального благосостояния, стремление перенести это материальное благосостояние из рук меньшинства в руки народного большинства является совершенно естественным и законным с точки зрения тех принципов, которые были провозглашены французской революцией и легли в основание всей современной цивилизации. Социализм является как сила, исторически оправданная и которой бесспорно принадлежит на западе ближайшее будущее».

Впрочем, это неудивительно, ибо западный мир уже давно жаждал камни превратить в хлеб. Так что духовное ядро социализма заключено в сатанинском искушении, еще в древности, предлагаемом Иисусу Христу.

Таким образом, можно констатировать, что увлечение социалистическим идеалом, при всей его кажущейся привлекательности, представляет собой подчинение своей свободы воли древнему искусителю. Это, в принципе, начинали понимать даже представители пролетариата. Весьма интересно замечание Михаила Бакунина, высказанное в письме Ога-

---

реву 9 апреля 1871 года: «Сами французы, даже рабочие, не прониклись им — учение казалось слишком страшным. Оно же было на самом деле слишком слабым. Они должны были перенести большие бедствия и потрясения. Обстоятельства складываются так, что в этом не будет недостатка, — а тогда, может быть, Дьявол и проснется».

Итак, для установления социалистического строя нужны бедствия и потрясения. Европу XIX века и сотрясали. Незыблемо стояли Британия и Россия. Их внутренние нестроения, не шли ни в какое сравнение с тем, что творилось в той же Испании, Германии, Австрии и, конечно же, Франции. Именно Франция попытается впервые осуществить реальный коммунистический переворот. В 1871 году, в дни тяжелых испытаний и национальной катастрофы, вызванной бездарно проигранной войной, была совершена попытка утвердить анархо-коммунизм в столице, в Париже. Коммуна продержалась всего 72 дня и показала свою абсолютную беспомощность и бестолковость. Идеи коммунизма хороши были на бумажке, но реальная жизнь разбила их вдребезги. Кроме того, французам хватило мудрости вернуться к традиции. И, если бы не упрямство Анри де Шамбора, отказавшего признать трехцветный флаг, то кто знает, может быть и сегодня Франция была бы под сенью бурбонской монархии.

К сожалению, властью стали распоряжаться масонские ордена, сделав из Франции плацдарм для продвижения идей «великой революции» в Европе. Началось осмысленное формирование нового сознания. Это был закат старой Европы. Отныне триединые принципы становятся орудием дипломатии, ловким политическим трюком. Но этот трюк был возведен в религиозный принцип, который и сегодня положен в основу нового европейского здания.

Однако для левых движений необходимо было выбрать страну, которую не жалко, как говорил Бисмарк, чтобы в ней строить общество равных. Франция 80 лет сотрясалась революциями: народ явно устал и был разочарован. К тому же коммуна в Париже показала себя настолько бездарной, что мечты о социализме на французской земле пришлось забыть до 1945 года, т.е. до очередных революционных потрясений. Взоры коммунизма были обращены на Восток. В России хотели утвердить новый строй. И это несмотря на то, что Маркс утверждал невозможность построения социализма в неразвитой промышленно стране. Русь с ее монархической традицией было не жалко. Эта страна всегда шла мимо европейского пути. Когда-то она спасла, по словам Николая Карамзина, Европу от монголов, теперь на нее возлагалась задача

по внедрению эксперимента по переделыванию человека и общества.

Россию объявили отсталой в научном отношении. Вывод: вперед за научными знаниями в Западную Европу! И здесь русского интеллигента ждала теория Дарвина, низводящая человека до животного уровня, говорящая о разных уровнях развития человеческой цивилизации. Человек подразделялся на разряды, о которых уже писал Достоевский. Кто-то развит, а кто-то папуас еще, и его нужно, бестолкового, учить уму-разуму. Эта расистская теория странным образом становится знаменем социалистического учения. И вот уже Петр Кропоткин, патриарх анархо-коммунизма, объявляет о своей приверженности социал-дарвинизму. Естественно, в новой теории нет места религии. Место Бога занимает человек, произошедший от обезьяны. Обезьяны же живут в стаде, которым управляет вождь.

Вглядимся и увидим, как процветал вождизм во всех социалистических партиях, признавших дарвинизм в качестве нового отношения к Бытию. Муссолини, Гитлер, Ленин и Сталин дарвинизм объявили фактически государственной религией. Правда, в Италии и Германии фашисты и нацисты попытались связать с национальной традицией, но главный принцип дарвинизма — естественный отбор — стал фундаментом государственной политики. Человека стали загонять в улей, где он должен был стать пчелой, исполняющей волю всего улья под руководством матки-вождя. Неудобные уничтожались, удобные — до поры до времени поощрялись, но и они не были застрахованы от уничтожения.

К началу XX века масонские ложи усилили агитацию не только атеизма и социал-дарвинизма. Религией становится национализм. Если раньше христианство объединяло людей, и войны носили характер внутрисемейного разбора, то готовящаяся Великая война своим принципом объявляет приоритет национального. В начале XIX века не удалось, более того, Россия настояла на Священном союзе, продлив Европе относительно спокойное состояние. За что была объявлена жандармом Европы.

Первой страной, ставшей на путь открытого национализма, была Франция. Но ее национализм был окрашен в трехцветные идеалы. Идеология — великая философия, поэтому зависимость не так ощущалась народами. Хотя именно эта зависимость и возмутила немцев и особенно испанцев.

Францию к легитимности можно было вернуть в 70-е годы XIX века, когда был шанс восстановить бурбонскую монархию. Однако кукловодами было сделано всё, чтобы Фран-

---

ция осталась республикой. Республикой легче управлять. Несколько ловких махинаций, и власть оказывается в нужных руках. Кроме того, Франция была сильным раздражителем для Германии, которая стала второй европейской страной, ставшей на путь открытого национализма. Конфликт становился неизбежным. Народы начинали воевать не за идею, но за территорию и откровенное господство.

Война началась в 1914 году. Выстрел юного масона Гаврилы Принципа в человека, не желавшего войны, примечателен. Убийство эрцгерцога открывало широкие перспективы для Германии и Франции, но не для Австро-Венгрии, этой многонациональной империи, по сути своей, не могущей выступать только под национальным флагом. Как и Россия, Австро-Венгрия была обречена на распад. Центробежные устремления отдельных народов, поддержанные извне, привели к распаду империй. В этом, кстати, была заинтересована Британская империя, которая, как и германская, изначально строилась на национальных принципах. Надо сказать, что ее островное положение помогло ей избежать тех проблем, с которыми столкнулись европейские державы. Правда, не всё прошло безболезненно.

Под самым боком пришлось признать независимое ирландское государство. Можно сказать, что распад Великобритании был лишь отсрочен. Но, видимо, это входило в планы масонских лож. Мастера прекрасно понимали, что, разбудив зверя национализма, они вынуждены будут передавать власть национальным элитам. Однако эти элиты будут воспитываться в рамках партий, финансируемых кукловодами закулисы. Став лидерами наций, партийные вожди продолжали тесно сотрудничать с прежними колонизаторами.

Однако национализм недолговечен. Человечество издревле тянется к универсализму, поэтому в противовес национализму был создан знаменитый интернационал. Великая война уничтожила второй интернационал, чтобы возродить третий, коммунистический. Не просто так помогал Арманд Хамер молодому советскому государству. Идея интернационала вошла в массы. Сделать это можно было тогда, когда массы тесно соприкасаются друг с другом, да еще и обладая оружием. Всё это мы наблюдаем в годы Первой мировой войны. С одной стороны, идея интернационального государства, знаменитые Соединенные Штаты Европы, с другой — национал-социализм.

Кто более истории ценен? И те, и другие суть порождения одной силы — сатанинской. Человека лишили его права выбора. Ему оставили только два пути, заслонив в сознании

третий — религиозный. И началась вакханалия по всей Европе. В Италии фашизм, в Венгрии Хорти, в Германии Гитлер, а в России — Ленин и Троцкий.

Нацизм страшной хваткой вцепился в интернационализм. Началось взаимное уничтожение народов, от которого выигрывало банкирское сообщество Соединенных Штатов Америки. СССР победил, но господа с Уолл-Стрита снимали сливки. Пройдет несколько десятков лет, и империя Советов рухнет, погребая под собой многие народы. Интернационализм, отрицающий христианскую идею сущностно, неизбежно уходил в историческое прошлое, чтобы воплотиться окончательно в буржуазно-мещанские Соединенные Штаты Европы (Евросоюз) и США. Откровенный «трансцендентный» эгоизм и «выгодная выгода» дедушки Чернышевского стали краеугольным камнем существования. Великие идеи уступили место пошлости и филистерству. Эти идеи проникают и в Россию, совершая в ней безнравственный переворот.

Мы вступили в XXI век на изломе общественного и личного сознания. Что ожидает европейскую цивилизацию в будущем? Очевидно, что вне религиозной идеи мы окажемся в русле реки под страшным названием «мракобесие». Если не произойдет христианского Ренессанса, то Европа как духовная сущность прекратит свое существование. Все остальные предлагаемые пути от лукавого. Божественная Истина велика, и тот, кто ее примет, совершит правильный выбор пути.

Надеемся, что Россия преодолет морок буржуазно-мещанского мышления, выстоит в тяжелой борьбе против Содомы и Гоморры. Потому что истоки нашего бытия зиждутся не в идеалах европейских революций, но в православной духовной традиции, в священной истории христианского эллинизма, которую передали нам Отцы византийского Ренессанса. Сто лет назад мы уклонились с пути, поддались соблазну, поверили так называемым «просветителям». Но время прошло не без пользы. Произойдет обязательное преображение Руси, и мы вернемся к истинным истокам Первобытия.

ВОДОЗАБОР

ПОВЕСТЬ

Глава 1

Печальные события чаще всего происходят буднично. Крепкий моряк, полчаса смешивший очередь байками, уверенно толкнул дверь в кабинет, а вышел из него с таким видом, будто ему на плечи завалили якорь средних габаритов.

— Что, зарубон? — только и спросил кто-то с сочувствием.

Игнат крутнул головой, скомкал в кулаке медкнижку и пульнул ее в урну.

Всё. Отплавался второй штурман. Подчистую. Как это сказала председатель комиссии: «С таким остеохондрозом вам не только в море, на инвалидность впору».

Что дело шло к этому, Игнат знал. В его годы иллюзий не строят, да и какие иллюзии, когда в последний раз у Курил так прихватило, что неделю шевельнуться не мог. Судовой док по десять уколов зараз вкалывал, всю аптечку, наверное, перевел... Процедурами замучил, а толку? Так до конца путины кэп за него вахту и стоял. Кому это понравится? Ребята адресов надавали. Кореец в Партизанске таких больных в два счета на ноги ставит. Док советовал на Талую — грязи попро-

ПРОЗА

бовать. Только они не знали, что и у знахаря этого в последний отпуск Игнат побывал — зря деньги выкинул. И на курорт ездил — не помогло.

Тепло, покой требуются... Словом, менять работу. Точнее — жизнь, потому что ничего иного, кроме как корабли водить, Игнат не умел и ничем иным не занимался.

Его родной траулер «Публицист» готовился к отходу, и пришлось спешно сдавать дела. В спешке и проводили. Портнадзор, снабжение, пограничники — не до него было, и Игнат не обижался. В другой раз сам бы вертелся, как винт на холостом ходу, недобрый словом поминая всех этих береговых крыс, чинуш и бюрократов, превративших моряков в писарей и «доставал».

Капитан всё же выкроил минуту, позвал к себе. Достал из холодильника, разлил. Себе — наперсток, Игнату — фужер. Буфетчица, юркая, как мышь, поднос принесла. Сыр, сервелат, крабы баночные — ешь, на берегу не увидишь.

Выпить выпил, а закусывать — в горло не лезет. Как ни крепился, тоска накатывала, черным своим гребнем цепляла сердце.

— Куда теперь?

— Наверное, на Марчекан, Федосеич. Куда больше.

— Ты это брось, и на берегу люди живут. Вот тебе адрес: знакомый мой, на первое время поможет. А там подлечись и чтобы к следующему рейсу как штык — ясно?

Ни тот, ни другой в «как штык» не верили. Адресок Игнат взял.

Рюкзак да чемодан — все пожитки — ребята уже на катер забросили. В последний раз прикоснулся Игнат к холодному стальному борту своего дома, и всё...

Не стал дожидаться на причале отхода, даже не обернулся ни разу, пока шагал до стоянки такси. А когда уже ехали и прорезали тишину порта прощальные гудки уходящих на путину судов, попросил шофера включить погромче радио. Тогда еще ни он, ни провожавшие, ни уходящие в море не знали, что в страну свою они уже не вернуться никогда. Просто страны той уже не будет.

Вечерело, и грустная зеленая звезда Бельтевейзе взошла на небе.

Давным-давно и сегодня для моряка самое важное — определиться. Не утонуть, это понятно, об этом и речи нет. Но в море выходят не для того — грузы, пассажиров везут, рыбу ловят. И в любой момент судоводитель должен знать, где он находится.

Тут Игнат вспомнил о записке капитана, прочитал адрес:

ул. Карла Маркса, 34 и направился по курсу. Однако попасть в подъезд оказалось не так просто, это был тот самый «белый дом» магаданской элиты — партийной советской номенклатуры и разных видных деятелей. Милиционер долго рассматривал документы Игната, затем созванивался с хозяином квартиры, и только потом, когда, очевидно, получил добро, пропустил гостя.

Встретила Игната невысокая, совсем еще юная девушка с прической под тюльпан, причем ее светло-русые волосы лились такой пышной волной, что сами по себе представляли шедевр. Он представился. А меня зовут Наташа, и голос ее показался естественным продолжением ее красоты. Только таким мягким и певучим голосом могла говорить обладательница такой роскошной прически. — Я проведу вас в кабинет.

Сергей Николаевич оказался высокого роста, брюнетом, ранняя полнота скрадывала его размеры. Впрочем, он был под стать своему просторному кабинету, столу и креслам и, главное, высоченным книжным стеллажам, закрывавшим стены. Они обменялись коротким рукопожатием, затем он указал ему на свободное кресло и стал расспрашивать о последнем рейсе, здоровье капитана и о других мелочах, о которых говорят обычно малознакомые люди.

Опять появилась Наташа, неся на подносе две чашки кофе, сахарницу и бутерброды.

— Ох, простите, — спохватился Игнат, доставая из пакета бутылку ямайского рома и коробку конфет. Презент произвел впечатление, особенно если вспомнить, что отголоски сухого закона висели над Россией.

Сергей Николаевич оживился, быстро поднялся, подошел к книжному стеллажу, нажал какую-то кнопку и глазам открылся минибар, искусно встроенный в мебель. Толстые литые стаканы появились почти мгновенно, чувствовалась длительная практика и сноровка. Сергей Николаевич плеснул почти по половине стакана и, не дожидаясь тоста, выпил. Затем, к чему-то прислушавшись, повторил, причем Игнат к своему стакану даже не притронулся, но кофе хлебнул с удовольствием. С утра он еще почти ничего не ел.

— Проблему я понял, у меня есть несколько интересных должностей, например, по снабжению. Но не думаю, что она тебе подойдет. Он уже по-свойски перешел на ты. — Но вот кадры — то, что надо. Приходи завтра в управление, заполнишь бумаги и с «богом». Служебное жильё подыщем.

Когда Наташа снова появилась, на столе не было уже ни бутылки, ни стаканов.

— Ругается, — заговорщически сообщил ему Сергей Николаевич. — После смерти ее матери я крепко выпивал, едва в запой не ушел, теперь держусь.

— Да уже и всё, — стал прощаться Игнат. — Спасибо вам, мне пора.

Подала свою руку и Наташа, и, будто случайно, задержала ладонь Игната, внимательно рассматривая его серыми широко расставленными, как у отца, глазами. Чем-то, видно, Игнат ей не понравился, и она, хмыкнув, отвернулась.

— Семейка, — шагая в общежитие, удивился второй штурман. — И эта... Или я уже так отвык от берега, что дикарем выгляжу.

Вспомнилось, как лет пятнадцать тому назад вернулся он из своего первого длительного рейса. Почти год в железном китобойном пенале, сугубо мужской экипаж и ничего, кроме воды и облаков в небе. Да еще айсберги, сами похожие на облака, упавшие в волны. А в родной порт пришли как раз на майские праздники. Тепло, зелень, и в автобусе, как ему показалось, одни молодые и красивые женщины. Толпа прижала его грудь в грудь к одной — он взглянул, вдохнул мощный аромат духов и упругого разгоряченного тепла и... лишился чувств. Хорошо, что не упал, невозможно было упасть, но соседка состояние его заметила и, дурным голосом завопив, что человеку плохо, отвесила Игнату пару пощечин. Матрос Мельковский, дылда метра под два, всё видел и с криком «наших бьют» ринулся на помощь, как шатунами, работая локтями...

Потешались над ним потом долго. И с тех пор первые дни на берегу Игнат от общественного транспорта шархался — либо на такси, либо пешком ходил.

— Хватит, — приказал он себе, — назад оглядываться — шею свернешь.

Но, с другой стороны, по каким-то ориентирам пеленг брать надо, и не его вина, что все они остались на корме.

Говоря честно, предложение Сергея Николаевича его не то чтобы не прельстило, он ему не поверил. Слишком уж просто решались главные проблемы.

На другой день, оставшись в комнате один, Игнат заполнил бланк «личного дела». Национальность... русский. Образование — средне-специальное. Партийность — член КПСС. Семейное положение — холост.

Тут он было засомневался, но внизу страницы нашел мелким шрифтом набранную сноску «... если разведен, назовите ф.и.о. первой жены, место ее работы и т.д.».

Фамилию, имя и отчество он написал, а всё остальное было для него «темный лес». Говоря словами поэта «где ты и с кем, давно не знаю, наверняка и я забыт, и страшно, сколько между нами и километров, и обид».

Обижаться ему, впрочем, не на что. Сам выбрал... Две путины вытерпела Сашенька, а потом... Потом радиограмма: «Я не могу одна — я живой человек. Либо списывайся, либо...» Маркони переусердствовал и тчк этих поставил штук шесть, как бы призывая Игната серьезно задуматься над тем, что за ними стояло. Тогда он уже был на «Публицисте» третьим, штормило безбожно, рыба не шла, обработчики, набранные из портовых бичей, бежали при каждом перегрузе. Бросить экипаж в такую минуту для него было бы последним делом. И бросили его. Элементарно, как использованную вещь.

«Где ты и с кем...» Да плевать, вот так — жирный прочерк. Кому надо — пусть выясняют.

Дальше пошло легче: «Не имею, не знаю, не судим, не избирался». В назначенный час он уже был в конторе Сергея Николаевича — в старом, еще довоенной, видимо, постройке, здании с толстыми стенами, подобием колонн у входа и нелепыми обколотыми вазонами.

Сергей Николаевич был занят и к долгому разговору не расположен.

— Всё заполнил, — спросил он.

— Да нет, — сказал Игнат. — Не смогу я, не по мне, передумал я. Сергей Николаевич только хмыкнул удивленно: ну как знаешь. И тут его отвлекли, и они распрощались.

Из общежития выселили, прописки нет. Прописки нет — не берут на работу. Никем — ни грузчиком, ни учеником слесаря. Игнат поселился у приятеля (раскладушка на кухне), но тот в однокомнатной квартире жил сам пят. Как говорится, и рад он, да...

Инспектор бюро по трудоустройству заметила Игната, и, когда он появился там в очередной раз, предложила:

— А, может, вам в ВОХРе поработать временно. Им люди нужны.

— Да вы что, сговорились?! — вскинулся Игнат. И... согласился.

А что? За один день прошел комиссию, принес справки, что он не псих и не алкаш, имеет право на ношение оружия, и уже вечером переселился в милицееское общежитие. Начальник отряда — грузный, на усатого моржа похожий, Геев, подействовал, он же и красочную перспективу обрисовал бывшему штурману.

— Что ты! У нас одни бабуси, да дряхлые деды-пердуны, сами себя еле носят, а такой человек мне вот как нужен... Походишь в рядовых, освоишься, поставлю начкара, ну, начальником караула. А потом и команды. Учиться захочешь — пожалуйста. Сутки отдежурил — трое твои. Рыбачь, отдыхай, по кино, танцам ходи. Ну где еще ты такую лафу найдешь?

О заработке Геев предусмотрительно умолчал. Был он, прямо говоря, у стрелков военизированной охраны нищенский — как у уборщицы без совмещения.

Зачислили Игната Поликанина в первую команду, городскую ТЭЦ охранять. Начальницу караула Ниной Трофимовой зовут. За пятьдесят уже, а лицо молодое, кожа светлая, как у девушки, и глаза большие любопытные.

— Ой, как интересно, — всплеснула она руками, узнав, что Игнат Михайлович — она его сразу по имени отчеству звать стала — бывший моряк. — Будете у нас политинформации проводить, рассказывать, как там, за границей, мучаются простые люди.

— Ага, — усмехнулся ее наивности Игнат. — Знаете, сколько в среднем норвежский моряк зарабатывает?

— Сколько?

— Две с половиной тысячи долларов. А нам — пятьсот-семьсот, если с надбавками.

— Правда? — погрузнела она, — а я-то думала...

— Но это норвежцы, — великодушно утешил ее Игнат. — Китайцы — всего двести-триста.

— Ну вот, о китайцах и расскажите.

Для начала поставили Игната на четверку. Все спокойные посты были прочно оккупированы ветеранами, а на четверку ставили новичков и проштрафившихся. Там надо крутиться — и проходная, и машины шли одна за другой. Шлагбаум поднимать-опускать, за сутки руки отсохнут, а когда в пересменку в вертушку ломился людской поток и надо еще и пропуска проверять, вообще рубаха не просыхала.

Обучение Игната состояло в том, что Нина Трофимовна показала ему пожелтевшую инструкцию: тут, мол, все сказано.

Свежеиспеченный охранник внимательно перечитал о правах и обязанностях постового и приступил...

Первой тревогу забила весовщица угольного склада — за час к ней прорвалась только одна машина. На вопрос: «Что случилось?» водитель посоветовал «сходить посмотреть самой, что этот оболдуй на воротах вытворяет». Весовщицу разобрано любопытство и она пошла.

Целая колонна грузовиков, изогнувшись, как рассерженная змея, стояла перед закрытыми воротами. А у передней машины незнакомый ей вахтер спрашивал у шофера:

— А теперь пропуск. Так, фотография на месте. Сверим подписи. Образец не соответствует. Извините.

— Да ты что! — захлебывался в гнев шофер. — Нарошно, да?!

— Не имею права, — твердо стоял на своем Игнат. — Езжайте в бюро пропусков, к центральной проходной.

Весовщица подсказала:

— Пропуска у них правильные, только в цехе начальник сменился, а в образцах подпись старого.

Через минуту прилетел на «КраЗе» молодежавый грузин, глазами сверкнул на Игната: «Бюрократ!» Поставил свою подпись, как зигзаг молнии прочертил.

— Теперь порядок, — повеселел Игнат. — Поехали.

А затем и вовсе ЧП — двадцать человек второй смены опоздали на работу. Шли иные вовсе без пропусков, другие с просроченными, испорченными. И очень удивлялись, напрасно толкая вертушку.

— Освободите проход! — командовал Игнат.

Какие пропуска у рабочих третьей смены Игнат уже не увидел. Нина Трофимовна срочно перебросила его на девятку, а сюда — бабушку Мотю.

— Ей же трудно будет, — удивился-посочувствовал Игнат.

Нина Трофимовна только усмехнулась.

Бабушка Мотя распахнула ворота, освободила вертушку от стопора и уселась к батарее с вязанием, изредка благодушно поглядывая на дорогу.

Трудно ей не было.

С соседом по комнате Игнату повезло. Это он понял в первый же вечер, когда с вещами перешагнул порог.

— Наконец-то, — как давно знакомому, обрадовался ему широкоплечий парень с коротким белобрысым чубчиком. — А то, понимаешь, сижу, как в одиночке. — С надеждой спросил: — В шахматы играешь? Ну вот, видишь, вдвойне радость, Дима меня зовут. По профессии — сыщик. А ты — Игнат. Садись. Порубаем малость, чайку попьем.

Снял со стула китель с погонами старшего лейтенанта, аккуратно расправил на вешалке.

— Ничего себе, малость, — усмехнулся Игнат. На столе в эмалированной миске дымилась картошка в мундире в окружении тарелок с капустой, огурцами, крупно нарезанным салом.

— Ничего, одолеем. Я только с трассы, трое суток по столовкам — оголодал, как волк. Я здесь недавно, — рассказывал Дмитрий. — Перевели с трассы в управление. На повышении, значит. А квартиры пока нет — жди, сказали. Семья в поселке — жена и дочка. А ты женат?

— Был. — Говорить на эту тему Игнату не хотелось, и Дмитрий его понял.

— Ничего, пройдет. Какие твои годы. Кем ты у нас?

— Я не у вас, а в ВОХРе. Стрелком, сторожем, значит.

Выслушав историю бывшего штурмана, Дима посоветовал:

— Переучиваться тебе надо. И всё будет в норме. Я вот только в прошлом году высшую школу милиции кончил и тебе не поздно.

«Всё у него легко и просто», — укладываясь спать, думал Игнат. — И жениться, и учиться. А если мне тошно на берегу только потому, что на берегу, тогда что? Поглядывай, похаживай, смотри, чтобы пацаны не забрались, а то фары побьют, приборы покурочат. Тем более что и помощник есть — Жук. Большой черный пёс — помесь овчарки с дворнягой. Днем Жук вертелся по гаражу, выпрашивал объедки, зато ночью признавал только охрану...»

Однажды дизелиста, торопившегося на смену и вздумавшего сократить путь, этот пёс прижал так, что тот, спасаясь от его клыков, птицей взлетел на кабину «ЗИЛа» и матюкался оттуда все полчаса, пока не прибежал стрелок и не завел пса в караулку.

Гараж был небольшой: машин на тридцать, да еще четыре пожарки ржавели на бетонном пяточке у берега Магаданки, отгороженном от нее стальной сеткой. Порядка, это бросалось в глаза сразу, здесь не было. Половина автомобилей стояла на приколе, в боксах — грязно, холодно, а наверху, в конторке завгара, под вечер частенько пошумливали теплые компании.

И еще — процветало воровство. И тут не помогали даже хитроумные запоры на дверцах кабин.

Водитель «КрАЗа», сутулый пятидесятилетний хохол Степан Мудранинец даже висячий замок приспособил и все равно однажды остался без инструмента.

И, конечно, за всякую пропажу доставалось в первую очередь стрелкам. Воруют, мол, ночью, а охрана дрыхнет без задних ног.

— Коли так, — предложил завгару Игнат после очередного ЧП и связанного с ним шумного разговора, — давайте боксы печатывать, а все автомобили на улице сдавать по описи.

Завгар, не подумав, согласился. И не прошло недели, как стало ясно, что воруют свои и среди бела дня.

Тогда-то Игнат стал свидетелем необычной сцены. Заступив на пост, смена начиналась утром, он застал гаражный люд в возбужденном состоянии. Степан тряс за грудки своего соседа по парковке и орал: «Ворюга, это же мои ключи, вон даже пометка краской сделана!» Тот пытался оправдаться, но по его сконфуженному виду и так было всё понятно. Произошла массовая взаимная ревизия и не без мордобоя.

А Игната как явного зачинщика перевели на другой пост. От греха подальше. Но делать там был нечего. Днем за всё отвечала завскладом, а ночью ворота наглухо закрывались, и попасть на территорию мог разве что злоумышленник. Но расхитителей соцсобственности не интересовали многотонные котлы, распределителы и электромоторы, что здесь хранились. Сутками стрелок не видел ни одного человека, даже проверяющие не заглядывали, и в первые дни Игнат просто не знал, как убить время. Читал до одурения, дремал, облакачиваясь на стол, или, накиннув тулуп, часами бродил по территории.

Сопровождал его Шарик, пушистая дворняга — единственный четвероногий страж, официально поставленный на довольствие ВОХРа. Шарик тоже маялся бездельем, потому с большой охотой трусил вслед за Игнатом, обнюхивал ящики с оборудованием, повсюду оставляя свои метки.

— Это что же ты, паршивец, делаешь? — упрекнул его Игнат, — на импорт ведь писаешь.

Верх ящика был содран и, заглянув внутрь, Игнат увидел полузанесенный снегом какой-то сложный агрегат. Рукавицей смахнул снег и прочел надписи на английском.

— Вишь ты, насос с автоматическим приводом, болгары для нас старались... Ого, еще в семьдесят пятом. И, видно, с тех пор еще ржавеет...

Он заинтересовался и стал обследовать ящики один за другим. Торопиться было некуда, и потому осмотр отличался особой тщательностью и занял ровно пять вахт.

Выводы его самочинной ревизии были ужасны. Почти половина оборудования, в основном «маде ин не наше», находилась в плачевном состоянии. Время, дожди, снега и мороз сделали свое дело. Провода погнили, контакты и никелированные когда-то плоскости узлов проржавели. Резиновая изоляция кабелей, не выдержав магаданских морозов, крошилась от одного прикосновения. Итогом его деятельности стала десятистраничная записка директору ТЭЦ и в заводской партком, на которую он вскоре получил ответы. Секре-

---

тарь партийной организации писал, что с обстановкой на складе коммунисты знакомы, но ввиду объективных причин ситуация остается такой, какая она есть. Директор завода прямо сказал, что нечего лезть не в свои дела, а лучше заниматься своими прямыми обязанностями, тогда и имущество будет целее. А в итоге он попал на самый дальний пост на водозабор в верховье Каменушки.

Глава 2

Можно смириться с тем, что в магазинах перебои с мясом и маслом, нет водки и что самогонщики скупили весь сахар и томатную пасту, что трудно купить сапоги и поздно приносят газеты, — со многим можно смириться, но не с этим. Зачастую горожанин и не подозревает, каким сложным и разветвленным хозяйством является водоснабжение города, да ему и плевать на это.

Как и во многих городах, водой в Магадане ведал трест «Горводоканал». Возглавлял его Анатолий Михайлович Шрам. Пришел он сюда три года назад, по северным меркам — недавно. А предшественник его прямо из кабинета попал в реанимацию... Второй инфаркт. А вообще на этом посту более трех-пяти лет не выдерживали. Если не снимали, то уходили сами или увозили, как вот предшественника. И было отчего. Городские сети строились еще сорок лет назад. И строились в расчете на сотысячное население. А теперь в Магадане людей вдвое больше, и с каждым годом приходилось наращивать, менять, ремонтировать трубы и всякого рода запорную арматуру. «Лепить туфту», как обозначил это Шрам, потому что спасти положение могло только строительство новой очереди водосетей — современных, галерейного типа, чтобы при необходимости, не вскрывая асфальт и бетон, работать с ними: осматривать, проводить профилактику, врезать новые участки.

Сейчас в хозяйстве Шрама было сто тридцать километров труб и ни за один из них он не мог поручиться. Напор в сетях слабел с каждым годом и уже в Верхнем городе, на который в отличие от Нижнего, вода подавалась не самотеком, а насосами, по вечерам ощущались ее перебои. Население жаловалось в советские и партийные органы, те реагировали и последние дни Шрам был занят отписками и оправданиями.

Как и сегодня. День начался с того, что его и главного инженера Сергея Константиновича вызвали на совещание в горком. И там первый секретарь горкома Лосина прямо спросила, не надоело ли им ходить с партийными билетами, и потрясла пачкой писем, на иных из которых чернели штампы

обкома, ЦК КПСС и Президиума Верховного Совета СССР. Народ в Магадане проживал грамотный, и адреса своей власти знал.

— Не надоело, — ответил Анатолий Михайлович, несмотря на то, что Серега усердно дергал его за полу пиджака, — только воды от этого, — он нажал на последнее слово, — не прибавится.

— А от чего прибавится?

Разговор пошел по- существу, и Шарм перевел дух.

— Надо помочь строителям закончить новый водозабор. Дать им еще хотя бы пару экскаваторов и с десяток самосвалов. Зеркало нового озера на двадцать метров выше старого — получим давление. Увеличим пропускную способность.

— Вы считаете это решением проблемы?

— Частично, — честно ответил Шрам, — с вводом нового микрорайона станет так же, если не хуже.

Совещание загудело разочаровано. Микрорайон заселялся через месяц-два.

— Надо строить вторую очередь, — продолжал Анатолий Михайлович. — Проектировщик, красноярский институт, уже часть документации выдал, и можно, нет, нужно, приступить к работам немедленно, сейчас.

— Так что же вы не приступаете? Не ищете подрядчика?

— Этого объекта нет в планах пятилетки, — подсказал Лосиной зампред горисполкома Квасов.

— А где же вы были такой принципиальный, когда формировались планы на пятилетку.

— В Анадыре, — бухнул Шрам. — Работал.

— Садитесь, — помолчав, разрешила Лосина. — Будем разбираться, как вы дошли до жизни такой.

А после совещания выехали на место очередной аварии, к кожзаводу. Искать разрыв не пришлось — еще с дороги заметили дымящийся ручей в снеговых берегах. Остановились, вылезли из машины, осмотрелись.

— Видать, здоровая дырка — целый фонтан, — заметил главный инженер.

— Если учесть, что до трубы метра полтора грунта, — да.

— С дороги не достать к «руке».

— Подгонишь бульдозер, пусть подсыплет площадку, и уж с нее экскаватор будет брать. За ночь справитесь?

— Куда денемся...

— Значит, нижнюю половину перекроем с нуля до восьми.

— Опять будут жалобы, — поморщился Шрам.

Нельзя сказать, чтобы Анатолий Михайлович считался трусливым человеком. Даже то, что в молодости своей, не

побоявшись пересудов и ехидных реплик ровесников, он, студент консерватории, пошел работать еще и дворником в своем же районе, доказывает обратное. Рано и вопреки воле матери, властной женщины, командовавшей крупнейшим магазином в городе, женился. Молодые сняли комнату и пока жили вдвоем, обходились. Соня только что закончила институт, устроилась в школе, а Анатолий время от времени подрабатывал, где предложат. Тем более что его уже знали как хорошего пианиста.

Готовились они и к рождению первенца. Хозяйка уступила им еще одну комнату. Но на свет появилась двойня — Лена и Марина — и всё сразу осложнилось.

Понадобились время, деньги и квартира. Если с первыми проблемами Анатолий еще мог справиться, то с жильем ничего не выходило.

Тогда-то он и стал дворником и обладателем трехкомнатной ведомственной квартиры. Правда, в полуподвале, но это не так важно, — главное, в комнатах было тепло и сухо.

Шрам старался, не пил, что по тем временам встречалось не часто, и его повысили до техника-смотрителя.

До окончания консерватории оставался всего год, двойняшки расцветали на глазах и вместе с Соней они уже мечтали о том городе, куда его должны были по слухам распределить.

И опять жизнь внесла свою поправку, если можно назвать поправкой удар гаечным ключом по кисти левой руки. Полупьяный напарник не рассчитал силы, резьба не выдержала... Только после трех мучительных операций — перелом оказался сложным — Анатолий смог пошевелить пальцами.

На карьере музыканта пришлось поставить крест.

Планы и профессию менял на ходу. Тем более что в техникум коммунального хозяйства его приняли с распростертыми объятиями. А вскоре после получения диплома Шрам командовал крупным ЖЭУ.

С этой должности его и пригласили на Север.

Они подумали и согласились.

В Магадан, правда, попали не сразу. Тянул ЖКХ в горняцком поселке Усть-Омчуг (до сих пор его там вспоминают: был Шрам, было тепло. Уехал — заморозили поселок). Работал в Анадыре — пятьдесят мелких котельных, с ума сойти. Зимой снег в городе от сажи черный. Но как раз в его годы все эти печки с большими трубами снесли, заработала центральная ТЭЦ.

И вот — Магадан.

— Хоть бы раз, — жаловался он иногда жене, — доставалось мне более-менее налаженное хозяйство. Ну и везет —

всё время почти с нуля. Всё время из дерьма конфетку лепить, а потом опять куда-нибудь забросят.

— Кто тебе виноват? — резонно возражала Соня. Полная черноглазая украинка, похоже, с годами она становилась только краше. — Можно было спокойно на Колыме работать, сколько ты сил оставил в Анадыре! Это ты там язву заработил, там.

Надо сказать, в Магадане Шрам освоился быстро. Нашлись друзья, земляки, да и сама добродушная неунывающая его натура привлекала. Правда, с годами, сам того не замечая, он старался крепить дружбу с людьми нужными — начальниками строительных организаций, проектировщиками, снабженцами, журналистами. Хотя иным бы в другое время руки не подал.

— Не для себя, — оправдывался он перед Соней, — для дела. Разве б я эти фонды на новый дом без них выбил? Сто лет бы ждали люди.

— Ну а этот писака Гусев, пьянь, видеть его не могу, — онто зачем нужен?

— Недооцениваешь ты, мать, прессу, — вздыхал Анатолий. — Пользы от него, может, и никакой, зато хоть вреда не принесёт. С прессой надо дружить.

Новый водозабор Шрам начал строить не от хорошей жизни. Воды в старом озере давно не хватало, а случись малоснежная зима — пиши пропало. Тем более что озеро это с момента его появления никто никогда не чистил, и уже метров с трех от поверхности начинались мертвые, загазованные воды, использовать которые было попросту нельзя.

Лосина помогла-таки с техникой. Нашлись у города и экскаваторы, и самосвалы. Одновременно с отсыпкой плотины строители вели семикилометровую нитку водовода с хлораторной. Врезку нового водовода в схему Шрам хотел провести без лишнего шума, но узнал каким-то образом Квасов, напросился. Приехали из облисполкома, не обошлось и без Гусева, тот, надо отдать должное, нюхом чувствовал такие моменты. Собралась, словом, целая делегация.

День выдался морозным — под сорок с утра. Да еще тут, в долине, тянул ветерок. Но у монтажников всё было готово, разожгли рядом с колодцем громадный костер, подошли краны и вскоре сварщик, неуклюжий в своем замасленном полушубке и валенках, первым швом прихватил трубу.

И пока варили и ставили задвижки, Шрам находился рядом, рассказывал, проверял, шутил с рабочими. Гости долго не выдерживали на морозе, бегали греться в хлораторную, а к вечеру один за другим укатили...

А Шрам попал домой к утру, и перед тем как спать, открыл кран. Толстая сильная струя новой воды ударила в дно ванной.

Была суббота.

Разбудила его Соня.

— Бессовестный, — отглаживая парадный костюм, выговаривала она. — Разве можно в такой день спать?

— Да... — рассеянно ответил он, — все-таки мы его пустили.

— Ты о чем? — не поверила Соня. — Забыл?

И тут только до Анатолия дошло, что сегодня его родная дочь Ленка выходит замуж, что сегодня свадьба.

— И ничего я не забыл, — не растерялся он. — Специально к свадьбе этот водозабор пустил. Подарок молодым!

— Старый брехун, — вырвалась из его объятий Соня. — И за что только я тебя люблю.

Начальника караула на Каменушке звали Николай Семенович. Пенсионер, участник войны, он, несмотря на годы и брюшко, выглядел бодро, двигался быстро и не потерял детского любопытства к миру и людям.

— Ты кто? — спросил он Игната. — Выкладывай как на духу. Только не ври.

— Стрелок Игнат Поликанин.

— Кем работал?

— Вторым штурманом.

— Во, моряка только нам не хватало. Философ есть, бывший летчик есть, а я — директор книготорга, тоже бывший. Надолго к нам?

— Не знаю.

— Здесь хорошо, не журишь. И служба важная. Воду охраняем! — И посмеялся: — Ты ведь сколько на своем пароходе воды этой попортил, теперь давай, искупай грехи.

Потом он повел Игната по объекту. Вышли наверх — и в глаза ударила огромная белая гладь озера. С трех сторон подступали к нему лес и сопки, а с четвертой полукругом подпирала плотина.

— Что это шумит?

— Водосброс. Лишнюю воду спускают. За ним тоже глаз нужен. И за плотиной: сорвет — всю эту ТЭЦ затопит, не говоря уже о том, что без воды город оставим. Посторонних здесь никого не должно быть — охранный зона.

— А как же я услежу?

— Бинокль есть. Мегафон. Вообще-то объект был огорожен колючей проволокой, да строители порушили. Сигнализация не работает. Прожектора не светят, никак электрики не наладят. Стрелять умеешь?

— В армии служил.

— Нам положен наган, но пока имеем только ракетницы, да оно и лучше. От греха подальше.

— То есть?

— Охотятся, слышь, за оружием. Вон года три назад на аммоналке нашего охранника убили из-за пистолета. А здесь посты друг от друга далеко, и не услышит никто.

— Так нужно сюда еще пару постов на каждом берегу.

— Штатное расписание, говорят, не позволяет.

— Как же так, — рассердился Игнат. — На ТЭЦ поста три можно смело снять, совсем не нужны, сами себя охраняют. А тут — всё наоборот, и постов нет!

— Э-э, — махнул рукой Николай Семенович. — Ты на берегу недавно, а я уже привык. Давно всё наперекосяк идет. Только что на перестройку надежда. Ты как, веришь в нее? Будет толк? Как думаешь?

— Не знаю, — честно ответил Игнат. — Шуму пока много, а сдвигов незаметно. Но хорошо — хоть говорить смелее стали.

— Во-во, говорить. Всё ругают, хулят — и то плохо, и это. Неужели же мы за семьдесят лет ничего хорошего не сделали? Последние слова он произнес, открывая дверь поста — маленькой, похожей на скворечник будки. Навстречу им поднялся чернобородый парень, отложил книгу на тумбочку.

— Вот это есть наш философ — Дмитрий. Вместе будете службу справлять.

Игнат покосился на книгу. Данэм. «Герои и еретики».

— Читать на посту запрещено, — нестрого заметил Николай Семенович. — Тем более что опять автор ненашенский.

— Тут не читать — с тоски сдохнешь, — прогудел Дмитрий. — А врасплох меня не застанешь, я ваш разговор еще за сто шагов слышал.

— И о чем же я говорил?

— Да всё о том же, строй защищал, а значит — смысл своей жизни.

— Ну а как же не защищать? Сталин принял Россию лапотную, а потом — Магнитка, Днепрогэс. Какую войну выиграли благодаря ему!

— Скорее вопреки.

— Что вопреки?

— Вопреки ему. Отдать пол-России, положить двадцать миллионов... Еще одна такая победа и... Да вы знаете, что Сталин сказал в победном тосте...

— Не припомню...

— Что любой другой народ попросил бы такое правительство вон. То есть он сам понимал, сколько дров наломал, иначе

с его-то самолюбием, чувством своей непогрешимости к такому признанию не пришел! И вообще, вы же грамотный человек, читаете, что сейчас пишут о культе личности? Волосы дыбом становятся!

— Ну были и ошибки, но ведь есть и заслуги.

— В таких случаях ошибки валят на других, а заслуги приписывают себе. Как думаете? — подмигнул Дмитрий Игнату.

— Не знаю, — замылся Игнат. — У нас капитан один был, так он, если всё хорошо, докладывал «я поймал», а когда авария — «мы порвались».

— Во-во. Хотите анекдот? В двухтысячном году сын у отца спрашивает: «Папа, а кто такой Гитлер?» Тот говорит: «Посмотрим в энциклопедию». И читает: «Гитлер — мелкий тиран в эпоху культа личности». То есть страшны не сами тираны, а время, что их рождает. А культ личности, на мой взгляд, есть феномен общественного сознания. Рабы привыкли кому-то молиться, а если у них отнять бога на небесах, они его найдут на земле, а это куда страшнее. Земные-то боги, они крови жаждут, жизни твоей.

— Ладно, — отступил Николай Семенович. — Тебя не переговоришь. Но и меня не убедить: запомни, когда мы шли в атаку с криком «За Родину! За Сталина!», мы Сталину не как богу верили, а как вождю, он надеждой нашей был, знаменем. И пусть личность и знамя не совпадали, не это главное. Вот представим себе, что умер Сталин, ну, скажем, в 43-м году. Нашелся бы в стране человек, который заменил бы его для народа по своему авторитету, популярности, любви...

— По авторитету вряд ли, — признался Дмитрий.

— И подумай тогда, к чему бы это смогло привести. Сдавай пост, раб, пойдём в хлораторную.

Они ушли, продолжая спорить.

Игнат взял бинокль и долго рассматривал противоположный берег. Лиственницы, укрытые снегом, столбы ограждения, синяя будочка гидрологической службы. Тишина. Покой.

Тут он заметил книгу, забытую Дмитрием. Открыл без особого интереса. Философия никогда не привлекала его, он считал эту науку искусственной и далекой от жизни. И зачитался. Да так, что едва не прозевал проверку.

Старшина батальона Дымов славился своей придиричливостью. От поста к посту он летал, что называется, с «горячим пером», оставляя за собой фейерверк критических замечаний. «Стрелок одет не по форме, не знает своих обязанностей», «на посту грязь»... И тому подобное. А когда уж не к

чему было прицепиться, ничтоже сумняшеся, записывал: «У стрелка сонный вид» (попробуй потом докажи, что в четыре утра ты был свеж, как огурчик).

Заслышав шум автомобиля, Игнат поспешно накинул тулуп, схватил мегафон и выбежал на дорогу. И тут только сообразил, что книга Дмитрия осталась лежать на виду, и проверяющий точно ее конфискует.

— Поиграю я в солдафона, — решил он и, едва машина выскочила на плотину, гаркнул в мегафон.

— Прекратите движение!

Остановленный громовым голосом «газик» тормознул так, что еще метра три полз юзом. Затем дверца распахнулась, Дымов вылез из кабины и, несколько удивленный (так его еще не встречали), направился к стрелку.

— Стой, кто идет!

— Старшина батальона Дымов.

— Осветите лицо!

Дымов осветил, полагая, что на этом с формальностями покончено, и шагнул вперед.

— Стоять! Я вас не знаю и без начальника караула допустить на пост не имею права.

— Да ты что, офонарел? — выругался старшина и сделал было еще движение.

— Стрелять буду!

Игнат отпахнул полу тулупа и положил руку на кобуру ракетницы.

«Черт, — засомневался Дымов. — Идиот какой-то, из новеньких, видно. Еще и правда саданет в упор». Предпочитая не искушать больше судьбу, он молча развернулся и зло приказал шоферу ехать в караулку.

Игнат спрятал книгу, махнул пару раз шваброй, огляделся — вроде бы всё в порядке. Но игру надо было довести до конца. И когда «газик» вместе с начальником караула вернулся, он и Николай Семеновича встретил строго по уставу: «Начальник караула ко мне, остальные на месте». И старшине Дымову доложил зычно:

— Товарищ сержант! На вверенном мне объекте без происшествий. Стрелок двенадцатого поста Поликанин.

И четко повернулся, освобождая тому дорогу в будку.

Дымов к тому времени от гнева отошел и, найдя пост в порядке, спросил у Игната почти добродушно.

— Где служил, стрелок?

— Три с половиной года в роте охраны, товарищ сержант.

— Что ж, чувствуется, чувствуется закалочка. Вот бы всё у тебя так! А, начальник караула?

Николай Семенович вздохнул. С бабок солдатской службы не спросишь.

Наверное, впервые в журнал проверок Дымов записал: «Замечаний нет. Стрелок Поликанин службу несет отлично».

Удивлялся Николай Семенович, удивлялась розовошекая начальница команды, но больше всех — сам Игнат.

Надо же, Данэм помог. Вот и говори, что философия далека от жизни.

Дмитрий, когда Игнат отдал ему книгу и шутливо рассказал о происшествии, с ней связанном, заметил:

— Бог помог.

Глава 3

Позиция на доске дышала грозой. Белые (Игнат) пожертвовали ладью, зато получили мощную атаку на раскрытого и отколотого от своих короля. Две их пешки уже ворвались на шестую горизонталь, и в поисках спасительного хода Петр надолго задумался. Что, впрочем, не мешало ему ворчать:

— Я бы на твоём месте без ладьи давно бы сдался. Несерьёзно как-то. Ну ладно, давай ничью.

— Держи карман, не в ладьи играем.

— Ты, наверное, и работаешь так — не по правилам. Выгонят, сейчас везде сокращают.

— К тебе пойду. Возьмешь доносчиком?

— Доносчикам мы не платим. Они у нас общественные. И не доносчики называются, а помощники и друзья милиции.

— Сегодня милиции, завтра — полиции. Суть у них такая.

— Не знаешь, не трепись. Шах!

— Шах и в Африке шах. Ушел.

Петр подумал еще и сдался. Расставляя фигуры, пожаловался:

— После сусуманского дела доносов этих на меня — вагон! И по каждой бумажке объясняйся — работать некогда.

Сусуманскую историю Игнат знал. Среди глубокой зимы город постигла беда. Свыше полусотни жилых домов, школы и больницы оказались размороженными. Стоял вопрос об эвакуации населения.

Делом этим занимался Петр, и он квалифицировал вину ответственных руководителей как «преступную халатность с тяжелыми последствиями». Несмотря на сопротивление местных городских властей, расследование он довел до конца... Был суд. За решетку угодили главный инженер горкоммунхоза и зампреда горисполкома. Пожалуй, это был первый случай в области, когда за подобное дали реальные сроки. Парадокс, но здесь, на Крайнем Севере, где тепло озна-

---

чает саму жизнь, во многих городах и поселках температура в домах была куда ниже, чем на материке. Вдруг, среди зимы выходили из строя котельные, лопались коммуникации, не хватало угля, — и всё сходило с рук. Всегда подворачивались объективные причины — стихия и недостатки в снабжении. К этому так привыкли, что «скамья подсудимых» многим из власть имущих показалась перегибом.

И занялись, как это часто бывает, Борщёвым.

Комиссия за комиссией. Стали перетряхивать его прежние дела. Искали целеустремленно и нашли.

— Вроде бы я на допросе «золотишника» одного ударил. Ибрагимова. Конечно, когда я его на семь лет с конфискацией вывел, он на меня и не то покажет.

— Но ты же его не трогал.

— Ты что, хотя, честно говоря, руки чесались. До того он обнаглел. Деньги предлагал, любовницу свою, потом грозился... У нас, мол, руки длинные.

— А помнишь, как ты рассказывал, как они начальнику милиции в Теньке отомстили, жену его украли.

— Да, Ермакову. Поехала на юг и пропала. Отошла во время экскурсии от автобуса и всё. Сколько он ее искал!

Игра расклеилась. Стали укладываться и тут Петр вспомнил:

— Кстати, начальником водоканала мой земляк по Теньке — Шрам. Надо бы с ним встретиться, посоветоваться — что-то там последняя комиссия по Сусуману накрутила, а он в коммунхозовских делах дока, может, что умное подскажет.

И, засыпая уже, еще раз повторил:

— Да, обязательно надо.

Борщёв не успел встретиться с земляком. Его арестовали на другой день, прямо в рабочем кабинете.

Для Игната это было ударом. За месяц с небольшим он успел подружиться с Петром, и в вину его не мог поверить.

Он попытался попасть на прием к следователю прокуратуры, который вел дело Борщева, но тот и разговаривать с ним не стал.

— Вы ему кто? Сват, брат... А, друг. Ну, друзьям мы никаких сведений не даем.

Тогда Игнат пришел к секретарю партийной организации горотдела милиции Голубикину.

— Вы знаете, Игнат Михайлович, — выслушав его, сказал Голубикин, — даже если бы я захотел, мне никакой информации о Борщеве не дадут, он ведь из управления... А вообще у нас считается неэтичным даже влезать в работу другого отдела. Да не переживайте вы так, если он не виноват — оправдают.

Большой уверенности в его словах не было. Идет чистка милиции, — прикидывал Голубикин, — и прокуратура так просто назад не пойдет. Тем более что решилась на такую меру как арест.

...Шрам торопился и стрелка, возникшего на пути машины, воспринял как помеху.

— Что-то случилось?

— Вам фамилия Борщев знакома?

— Петр... Да, он обещал позвонить мне и пропал.

— Его арестовали.

— Что? Когда?!

— Надо поговорить.

— Конечно. Но... садитесь-ка вы рядом.

— Я на посту. До утра.

— Так. Тогда утром я пришлю машину. Добро.

Шарм сдержал слово и утром они встретились в его большом отделанном полированным деревом кабинете.

— Так о чем он со мной хотел посоветоваться?

— Не знаю. Какая-то последняя комиссия всё по тому, сусуманскому делу.

— Чёрт знает что! Честнейший ведь человек. Да он в Теньке один из немногих, кто грамма себе чужого не взял. И не боялся никого — редактора с бочкой икры поймал. Как на него ни давили, не замял дело. Директора лес-промхоза — орденосца, жулика и взяточника, он раскрутил. В один год шестьдесят килограммов золота взял, какую банду раскрыл. И все-таки сплели лапти... Зря он согласился тогда на Сусуман. В Теньке-то к нему привыкли, знали.

— А может, еще не сплели.

— Да... Что это я раньше времени... Комиссия, комиссии... Надо узнать, что он имел в виду.

— Я вам позвоню потом.

— Какой разговор. Да и заходите просто. И, простите, к слову, что это вы в стрелках?

Игнат коротко рассказал.

— Ну, если всё дело в жилье, то оно у нас есть. А нам нужен начальник нового водозабора. Старый был — между нами — пьянь и бездельник. Еле-еле его по окончании срока договора спихнули. Но коллектив он там разложил. Бесплатно пальцем не шевельнет никто, прогулы замучили.

— Ничего себе, экипаж, — засмеялся Игнат. — Я с ними сразу на мель сяду.

— Потому и сватаю... Хороший штурман мелей не боится.

— А подумать можно?

— Можно. Сутки. А о Петре я сегодня разужнаю всё, что возможно. В конце-концов, депутат я или нет. Итак, договорились — завтра в это же время. Кстати, а как в море оказался? Я так понимаю, что в вашем селе и пруда-то приличного не было.

— Это точно, — улыбунулся воспоминанию Игнат, — в селе не было...

Однажды отец в дальнюю поездку взял с собой пятилетне-го сына. По пути он хотел заехать к своей любимой сестре Маруси. Она давно просила показать племянника. Поехали на ночь, чтобы не плестись по жаре. Ехали по проселочным и степным дорогам, сквозь стрекот кузнечиков и песни перепелов. Игнат разомлел и проснулся только ранним утром. Как раз первые лучи восходящего солнца ударили ему в лицо. Он открыл глаза и изумился: прямо перед ним до самого горизонта плескалось настоящее море, из его зеркальной глади величаво выплывала громадная золотая рыба — Солнце. Ласковые волны плескались о прибрежный песок. Дул легкий ветерок, и далекие белые облачка казались парусами далеких кораблей. Это была настоящая волшебная сказка. Такой она и осталась в его детской памяти. Потом ему часто снились сны, в которых были солнце, встающее на краю моря, бричка и мальчишка с протянутыми на встречу солнцу руками. Так и родилась его мечта. Так он и стал моряком.

«Опять поворачиваю на пятнадцать румбов, — думал Игнат. — И начинается штормить».

К уходу его в ВОХРе отнесли спокойно. Миграция у стрелков была сто на сто, и кроме пенсионеров редко кто задерживался надолго. Геев, правда, посетовал:

— Жаль, я в перспективе видел тебя начальником команды...

— Будем сотрудничать, — утешил Игнат. Охрана водозабора отныне подчинялась и ему как начальнику объекта. С другой стороны — деньги на оплату стрелков перечислял ВОХРу Горводоканал.

Хуже было с Петром. Как узнал не на депутатском, а на приятельском уровне Анатолий Михайлович, находился подследственный Борщев в камере предварительного заключения, «шили» ему серьезные статьи, где были и злоупотребление, и сведение личных счетов (в отношении главного инженера Сусуманского горкоммунхоза). Свидание с ним не разрешалось.

Единственное, что утешало — копия заключения последней и главной комиссии по Сусуману, легшего, видимо, в основу всего дела, была на столе у Шрама. Бегло пробежав ее, он сразу же увидел уязвимые места, ту ниточку, за кото-

---

рую можно было дернуть. Да так, чтобы разрушилось всё строение.

Аварию котельной комиссия объяснила только проектными недоработками. Этим самым — эксплуатационники за проект не отвечают — сусуманские коммунхозники признавались безвинно осужденными. То есть по вине, в первую очередь, Борщева.

Шрам знал эти котельные еще по материку и поверить заключению не мог. Он стал раздумывать о действительных причинах, но их может быть столько, что, сидя за столом, и представить трудно. Необходимо выезжать на место. И тут он опять подумал, что права на такую проверку не имеет, что вставать грудью против «верхних» людей в его положении глупо. Мелькнула мысль, что, может, Борщев и сам выкрутится — не дураки же в прокуратуре.

А новому своему подчиненному Игнату сказал, что всё не так просто, как ему казалось вначале. Нужно время, а его сейчас катастрофически не хватает.

От всего этого у Анатолия Михайловича осталось смутное недовольство собой. Он разнервничался, нагрубил (что за ним не водилось) начальнику облкоммунхоза — тот торопился с подключением нового водозабора — и, что совсем уже было плохо, под ложечкой проснулась знакомая боль, будто голдовая и трусливая мышь стала покусывать желудок.

— Рак, что ли, — тоскливо думал он глядя в темнеющее за окном небо. — Может, и осталось всего ничего, а я всё суечусь. Проглотил таблетку и, когда чуть полегчало, вызвал главного инженера.

— Сергей Михайлович, у нас какие вопросы в Сусумане есть?

Вопрос нашелся. В Сусумане была единственная в области станция технического обслуживания «Жигулей», и служебная «Нива» горводканала стояла там третий месяц.

На другой день Шрам вылетел в Сусуман.

Глава 4

Мало кто сегодня знает, что водовоз на Руси был делом государственным. Человек, который назначался на эту должность, получал специальную верительную грамоту, лошадь и повозку с бочкой и получал жалование. Ну и спрашивали с него строго. Если по его вине мещане оставались без воды или она признавалась плохого качества, мог и головы лишиться. А если он по недосмотру терял лошадь или пропивал ее, то обязан был разносить воду пешком и назывался он тогда водонос.

...Новый «экипаж» Игната оказался невелик. Четыре хлопаторщика, два слесаря, водитель и электрик. К слову, электрик уже неделю не появлялся на работе, и рассчитывать на него было нельзя. Кроме того, на водозабор, когда он работает, придут стрелки. Но они к Игнату имели отношение постольку-поскольку.

Почти все подчиненные, кроме водителя Кульчицкого, жили здесь. Недалеко от плотины стоял двухэтажный восьмиквартирный дом, а подальше к сопке прижался коттедж на две семьи. Игнату Шамр предложил на выбор, и он, не колеблясь, выбрал коттедж.

— Там же без удобств! — удивился Анатолий Михайлович.

— Зато печка, — парировал Игнат. — Мне сейчас тепло важнее.

Перебрался на новое место, как только получил ключи. Квартира оказалась небольшой: комната, кухонька и прихожая, но Игнату она сразу понравилась — ведь это была первая в его жизни квартира!

Вымел, по-флотски выдраил все уголки, а потом, благо наступила суббота, поехал в мебельный, оставил там большую часть своего рыбацкого фонда. Зато в мебельном фургоне привез гэдээровский кухонный гарнитур, письменный стол, два кресла, диван-кровать, ковер и палас. За червонец водитель фургона согласился съездить в город еще раз, и Игнат купил цветной телевизор. Все выходные провозился, расставляя мебель и вколачивая гвозди, зато потом сам удивлялся, как уютно и красиво стало дома.

— Ого, — воскликнул Шрам, он заглянул к нему рассказать о поездке в Сусуман. — Да в тебе дизайнер пропадает.

Рухнул всем своим семипудовым телом в кресло, еще раз огляделся.

— Знаешь, чего здесь не хватает... Накрытого стола. А по славянскому обычаю новоселье без этого — ну никак...

Игнат сокрушенно махнул рукой — был у него НЗ — к Новому году берег. Но и тут событие!

— Заграничное пьешь, — оценил Анатолий Михайлович, разглядывая бутылку виски на свет. — Уайт...

— Белая лошадь, — перевел Игнат. — Шотландия.

— По-английски шпаришь?

— Надо было. Да и надбавка за это шла — десять процентов.

— Слушай! Да ты же находка — к нам в лабораторию импортный прибор один пришел, никак инструкции не переведем. Поможешь?

— Какой разговор.

Шрам пожелал счастья в этом доме и красивую добрую хозяйку. Выпил и тут же отодвинул рюмку.

— Извини. Больше не могу — котел стал прихватывать. И эту бы, по-хорошему, не надо, да...

Слова Шрама о красивой хозяйке всколыхнули Игната. Вчера, входя в мебельный, он нос к носу столкнулся с Наташей.

— О, мареман, — узнала она его. — Почему пропали?

— Некогда было.

— Что, работа ответственная? — От отца она знала, что Игнат устроился в ВОХР. Удивилась: странный тип.

— Очень, — улыбнулся он плохо замаскированной колкости. — Воду сторожу.

— В одной шеренге с пенсионерами?

— Зато жена ревновать не будет. Но пока у меня ее нет, прошу, помоги мне выбрать кое-что: я же в этом деле ни бум-бум.

Признание обезоружило Наташу, и она милостиво согласилась помочь, а потом так разошлась, как-будто себе выбирала. Гоняла продавцов: то ей цвет ковра не нравится, то стол поцарапан. А кухонный гарнитур Игнат получил вообще благодаря ей — он и не посмел бы сунуться в длинную очередь. А Наташа мигом огляделась — увидела подругу возле кассы, и все дела.

Когда мебель была закуплена, Игнат бухнул:

— Наташ, а, может, поедем со мной — уж доведем дело до конца.

И прямо посмотрел на нее.

В ясных глазах девушки можно было читать, как по книге: и сомнения, и грусть. Она отрицательно покачала головой.

— Сегодня не могу, штурман. В следующий раз, хорошо?

— А позвонить можно?..

— Как хотите.

И исчезла, как легкое облачко улетело.

— Так вот, о Петре, — вернул его к действительности Шрам. — Съездил я не зря. В понедельник можно прямо к прокурору идти. Но я там кое-что дополнительно раскопал и хочу встретиться с тем типом, кто на воду больше всех дует... Очень он, получается, замаран, надо укоротить.

— Шантаж?

— А хотя бы? — с вызовом посмотрел на него Шрам. — Они с нами по-волчьи, а с ними, значит, китайские церемонии разводить? Впрочем, ты там отстал от жизни, не поймешь.

Встал и пошел к вешалке.

— Планерка в восемь, — буркнул. — Не опаздывать.

Зря он выпил эту чертову рюмку, будь она хоть сверхшотландская, а мышку голодную и трусливую разбудила. И та, похоже, становилась всё наглее.

Что входит в обязанности начальника водозабора? В двух словах — давать воду городу. Служебную инструкцию на трех страницах Игнат вы зубрил назубок, но в первый же день столкнулся с непредусмотренным — не явился на дежурство хлораторщик.

— Запил, небось, — без эмоций, как о чем-то привычном, сказала ожидавшая смены Валентина Петренко, женщина лет сорока, наглухо повязанная шерстяным платком — в цехе было прохладно. Разговаривая, она не переставала вязать носок, и в другой момент Игната это бы возмутило, но он уже обошел всю хлораторную и убедился, что повсюду полный порядок. Пусть вяжет.

— Я могу до обеда подежурить, — так же ровно продолжала Петренко, — а потом дочка из школы приходит.

Игнат пошел на квартиру Хлызова. На звонок долго никто не отвечал. Тогда он постучал в дверь кулаком.

— Ну чё ломишься, — дверь неожиданно распахнулась. Игнат ожидал увидеть небритого забулдыгу в каком-нибудь драном тренировочном костюме и шлепанцах, но перед ним стоял мужчина, одетый как с иголочки и... абсолютно пьяный.

— Не замай меня нонче, начальник, годовщина у меня... как дружок погиб. Тридцать пять лет ровно... Здесь, на Колыме... А я ему жизнью обязан.

Выговорив всё это, он так же неожиданно развернулся и ушел вглубь квартиры.

Игнат прикрыл дверь. Пьяниц на флоте Игнат повидал достаточно. Запомнился третий штурман сухогруза «Бердск» Ильин — кадровый морской офицер, строгий к матросам, подтянутый и четкий в службе. Едва ли не точнее спутниковой системы мог он в считанные минуты «определиться», быстрее компьютера рассчитать остойчивость. На вахтах Ильина капитан «Бердска», угрюмый и недоверчивый увалень, спал сном ребенка, понимая, что как судоводитель Ильин сильнее его, если... если трезв. Пил штурман втихую, но шила в мешке не утаишь. Однажды при подходе к Сангарскому проливу, не явился на вахту. Обеспокоенный Игнат заглянул в его каюту и нашел соседа мертвецки пьяным. Загул был такой мощи, что до ближайшего порта Ильин так и не пришел в себя. Спиртного на борту не могло быть, и капитан всё удивлялся, чем же он «накачивается».

Секрет раскрылся, когда дрожащий, в седой шетине Ильин по-стариковски сошел с трапа. В его каюте под иконкой, в рундучке, в самых укромных местах остались десятки пустых флаконов из-под одеколона и туалетной воды.

Или Бычков, рыхлый белобрый матрос с явными признаками деградации. Боцман захватил его, когда он оправлялся в душевой, и буквально озверел — едва матросы оттащили. Каково же было удивление Игната, когда замполит сказал ему, что Бычков в свое время окончил институт, работал инженером-механиком...

Иные пили буйно, загулами, только в портах, а потом в море трезвыми честно пахали до берега. Другим надо было немного, но постоянно — эти и в рейс шли с запасом, и цена бутылки у них на третьем-четвертом месяце плавания доходила до баснословной суммы.

Смешанное чувство жалости и презрения вызывали они. Жалость, потому что это были больные, наркоманы. А всё лечение их в обществе ограничивалось наказанием. А с другой стороны, видел он их безволие, распушенность, эгоизм и считал, что у них всё началось с этого.

Мог бы и Игнат покатиться по этой дороге. Ничего особенного, флот, считалось, на питейных традициях держится. Были у него уже и на берегу загульки — дня по два-три, и тяга к веселой компании, и привычка встречать-проводить «со звоном» появилась... Но когда стала пропадать и долго после «перебора» не возвращалась ясность мысли, испугался. Что же он себя калечит? Жизнь гробит? Одно дело, когда стоишь на мостике, и в голове, и на душе твоей чисто и светло, как в росное утро, и совсем другое — с мутным и поганым настроением начинать день.

Слишком дорогая плата за это — решил Игнат и потихоньку, не сразу, бывало, и срывался, но завязал. Не то, чтобы стал полным трезвенником, но выпивал так редко, что и не замечалось.

Иногда он даже недоумевал, почему другие не могут понять эту ни с чем не сравнимую радость трезвого и ясного мира. Почему меняют ее на болезнь? А, может, тут нет каких-то общих законов и у каждого свое... Ему, к примеру, пылинка на рукаве покоя не даст, а другой грязными руками в тарелку лезет и оба — для себя — ведут нормально.

... Через сутки Хлызов явился на смену трезвый, аккуратно одетый — не похоже, чтобы он слишком «гужевал». Когда Игнат заглянул в дежурку, Хлызов поднялся ему навстречу и, как ни в чем не бывало, доложил, что в хлораторной всё в порядке.

— Не всё, — покачал головой Игнат.
— А что? — Хлызов дернул носом, принюхиваясь. — Утечки нет. На приборах норма.

— Пишите объяснительную по вчерашнему прогулу. Я буду настаивать на увольнении.

— Как это... прогулу. За меня отдежурили. И так — сразу?

Он растерянно потоптался на месте. Но Игнат, чтобы не разжалобиться, вышел.

Николай Семенович, когда ему Игнат рассказал про это, неожиданно возразил:

— Хлызова ты зря. Совсем он не пьяница, рабочий человек. Бывает, находит на него. А с кем не бывает? Да ты посмотри, штурман, шестьдесят лет народ спаивали, каково сразу всё преломить. Ну выгонишь ты его, ему же и квартиру придется освобождать — двое детей, жена. Куда они — под забор?

— Да... Я об этом как-то не подумал, — признался Игнат.

Вечером, когда Хлызов принес ему объяснительную, Игнат буркнул:

— Николай Иванович, ладно, на первый раз обойдемся. В наказание завтра поедете на базу, картошку перебирать.

Хлызов облегченно вздохнул, заторопился словами...

— А я что, когда против? А это уже редко со мной... Не повторится.

С картошкой, правда, пришлось повременить. Той же ночью морозом прихватило большой участок водовода сразу за первым мостом. Подняли, как по тревоге, всех. Провозились до утра, отогревали, обматывали трубу утеплителем. Потом Игнат прошелся вдоль всей нитки.

— Как же так, — спросил он у Шрама, — фактически труба не утеплена?

— Для самого — сюрприз, — вздохнул Анатолий Михайлович. — Никогда таких морозов не было. Вот и считалось, что и так сойдет. Что предпринимать будем?

— Нужны изолировщики, стекловата...

— До Нового года ничего не обещаю. У треста нет ни копейки денег на такие расходы.

— А если авария?

— На аварию найдутся. Город без воды не оставят... Да ты не паникуй — потепление обещали. А сейчас пока держи напор, глядишь, всё и обойдется.

И, поколебавшись, признался:

— Меня, честно говоря, новая потеря больше тревожит. Мне кажется, она садится.

— А что в этом страшного?

— Сама по себе осадка не страшна. Но тут другое — строители в нарушение проекта трубу в ней могли замуровать. Тогда, оседая, сооружение потянет ее за собой и порвет в два счета. Час от часу, как говорится, не легче.

«Что-то тут не так, — размышлял потом Игнат. — Выходит Шрам догадывается или знает о строительном браке и, тем не менее, все бумаги подписал, объект принял».

Глава 5

В этот раз билеты в «Горняк», где Игнат с Наташей обычно проводили вечера, негодились.

— Мы пойдем в гости. Очень интересные люди.

— Ты же знаешь, — промычал Игнат, — мне с тобой... интереснее.

— Не льсти, штурман, а то водяным звать буду, а они у-у какие противные.

Пришлось покориться. Наташа чмокнула его в щеку и серьезно предупредила:

— Ты только не удивляйся ничему, хорошо?

Предупреждение оказалось нелишним. В затемненной квартире было уже многолюдно. В основном молодежь, лишь только хозяин, впустивших их, выглядел лет под пятьдесят. Все сидели на полу в причудливых позах: кто, скрестив ноги, кто, поджав их под себя, а тощая девица в черном трико, как акробатка, завела ногу за шею.

— Собрание йогов, что ли? — едва не прыснул Игнат, но Наташа вовремя сжала ему пальцы.

На них не обратили внимания. Все взгляды были прикованы к бородатому, обнаженному до пояса худощавому парню. То негромко, то едва ли не до крика возвышая голос, тот говорил:

— В темноте потеряли путь спасения... путь освобождения духа своего. О, великий Кришна, только твоя прана, прама-терь всего сущего, даст силу ослабшим членам и зоркость потухшему глазу. Встань и иди!

— Встань и иди! — согласно прошелестело в комнате.

— И ты сможешь всё!

— И ты сможешь всё! Ибо, когда есть учение, найдется и учитель, и тысячи дьяволов не устоят перед тысячею ангелов, потому что ты сможешь всё!

— Ты сможешь всё!

— Ты сможешь всё!

— Ты сможешь всё!

Голос бородача показался знакомым и, приглядевшись, Игнат узнал Дмитрия. Вот так философ!

— Мир утопает в грязи и крови, сын ненавидит отца и жена — мужа, клевета и неправда попрали истину и ни в чём не найти утешения сердцу. О, лживый, преступный, обреченный мир, — брось его!

— Брось его!

— Брось его!

— Брось его!

Дмитрия сменил другой проповедник. Неразборчиво пробормотав молитву, он на коленях пополз от одного к другому, предлагая каждому угощение из глиняного горшка.

— Это ритуальная пища, — шепнула Наташа, — возьми немного.

Ритуальная пища оказалась рисом, но съесть хотя бы зернышко Игнат побрезговал.

Вспыхнула люстра. Все поднялись с мест и оказались обычными парнями и девушками. Дмитрий очутился возле Игната. Тот еще не остыл, сказал возбужденно:

— Вижу, вижу — уже осуждаете нас!

— Кого — вас?

— Здесь почитатели Кришну.

Знакомство с восточной мифологией Игнат имел самое шапочное. Знал, что там есть Будда, Вишну, да вот этот — Кришну. А чем они друг от друга отличаются, кто в кого ревоплощается и чему учат — темный лес.

— А в «Комсомолке» в прошлом году не о вас случайно писали? — внезапно припомнил Игнат.

— Не о нас, — ответил Дмитрий и, повернувшись к Наташе, стал выговаривать ей за то, что пропустила уже два собрания, да и сейчас опоздала.

Наташа оправдывалась, Игнат глядел на нее, на Дмитрия и раздражение поднималось в нем. Он сильно сдвинул локоть проповедника.

— Слушай сюда, брат во Христе или кришнаит, для меня разницы нет. Я привык договаривать. А писала газета о том, как судили главарей кришнаитов, в Ростове это было. И что они вытворяли.

— Мы не такие, — дернулся Дмитрий. К ним прислушались.

— Когда такими станете, поздно будет. Они тоже думали, что всё можно. Пойдем, Наташа.

— Обожди, — переходя на серьезный тон, спросил Дмитрий, — сколько книг ты прочитал за свою жизнь.

— Да, наверное, около тысячи, — ответил Игнат.

— Да, это впечатляет. Обычно человек прочитывает около сотни, а то и того меньше, а книг издано миллиарды, и боль-

---

шинство — не прочитаны! И вот смотри, вокруг нас существует жизнь, и сами мы живем. Вероятность этой разумной жизни, по мнению ученых, равна одной в миллиардной степени, то есть ничтожна, ее можно не принимать во внимание. Нас вроде как нет, но мы есть, и убедиться в этом достаточно легко, стоит только ущипнуть себя. Значит, есть кто-то, назовем его вселенский разум или создатель, кто должным образом всё организовал и, наверное, нами управляет. Я читаю книги о мировых религиях и прихожу к выводу, что у них должен быть один источник, который мы еще не в силах понять. А вдруг в тех книгах, которые мы еще не прочитали, разгадка и кроется?

— И что же тогда религия? — сбитый его напором, спросил Игнат.

— Проекция бога на нашу жизнь, — громко и торжествуяще ответил Дмитрий. — Бог один, а жизнь разная, и поэтому все проекции разные.

На этом разговор закончился, но в памяти Игната он засел крепко.

А Наташа потом еще и оправдывалась:

— Да я просто от скуки. Неужели ты думаешь, я серьезно отношусь ко всем этим идиотским штучкам — горшку с рисом, завываниям... Но и кино каждый день — надоело.

Их догоняло такси с зеленым огоньком.

— Наташенька, — Игнат обнял ее, — поедем ко мне.

Она промолчала. Игнат поднял руку...

Лунные столбы ходили по комнате. В их свете лицо и тело девушки казались Игнату неземными.

— Какая ты... — задохнулся он, и пальцами коснулся шелковистой прохладной кожи...

— Я тебя совсем не стесняюсь... — сказала она. — И что-то еще и еще...

— Я хочу, чтобы ты всегда была со мной...

— Это что — предложение? — она насмешливо улыбнулась, но голос ее выдал. — Так сказать, долг чести после...

— Замолчи, — он поцеловал ее так, что она задохнулась. — Я люблю тебя, и ты это знаешь.

Пожалуй, больше всех был удивлен этими событиями Сергей Николаевич, отец Наташи.

На свадьбе, подвыпив, он всё недоумевающее спрашивал гостей и себя:

— Работать со мной не захотел, а в зятя влез. Как это?

По случаю свадьбы Игнату дали недельный отпуск, но отгулять его не пришлось. На третий день Николай Семенович сообщил Игнату:

— Возле новой потерны — наледь.

Игнат предположил, что дренирует плотина, но оказалось хуже. Вода шла из самой потерны*.

Примчавшись, как по тревоге, Шрам помрачнел.

— Как я и думал. Потерну повело, и труба лопнула. Надо разбирать. А как перекрыть воду? Входное отверстие на глубине десяти метров. Опустить металлический щит?

Посмотрели чертеж и еще больше приуныли — ввод был фигурным и никакой жесткий щит закрыть его не мог.

На место аварии прибыли и Пивин.

— Что думаете делать?

— Придется сбрасывать.

— Оставить без воды город, заводы?

Шрам хмуро посмотрел на него. Может, напомнить, как он сам кричал, требовал принять новый водозабор. Напрасно ему доказывали, что зимой в морозы делать это рискованно. И вот — расплата, мало того, что сети лопаются, как соломенные, теперь потерна.

Но что сейчас об этом говорить — поздно. Его подпись на акте есть? Есть. И все дела, как говорит их водитель Леша.

Игнат маялся в стороне, как-то и свою вину ощущал, хотя понимал прекрасно, что быть ее не может. И тут что-то сцепилось в его голове, будто торопливо летящие мысли обрели стройность и страшную важность.

— Пластырь, — громко произнес он.

— Какой пластырь? — холодно посмотрел на него Шрам. Ему показалось, что Игнат оцарапал руку и теперь спрашивает пластырь. Нашел время.

— Обычный пластырь — пробоины закрывать. Стал объяснять.

— А подойдет? — засомневался Пивин. — По размерам.

— Это не пробоина. Можно из двух склеить.

В порт добывать пластырь Пивин поехал с ними. Кажется, забрезжила удача, а в таких случаях он не любил отходить далеко.

Всего несколько месяцев не был в порту Игнат, а кажется — полжизни прошло. А в море — всё наоборот. Месяцами распахиваешь волны, а оглянешься — будто вчера от берега отошел. Ведь время, как учат философы, — это цепь событий, а много ли их в рейсе?

---

* На гидроэлектростанциях потерна — технологическое помещение, находящееся на нижней отметке здания ГЭС и обеспечивающее сбор и отвод протечек.

Машина вылетела на сопку, и акватория порта открылась, как на ладони. Рейд был почти пуст, только жались у причала буксиры, да вдалеке дымилась красная громадина ледокола «Владивосток», который расчищал подходы к причалам.

Начальник порта все их надежды убил одной фразой:

— Да вы что, дефицит страшный! Мы суда на пугину отправляем без пластырей. А там, сами понимаете, случись что, испугом не отделаешься.

Игнат потихоньку вышел из его кабинета, поднялся в диспетчерскую. Дежурил молодой незнакомый ему парень.

— Будь другом, вызови ледокол, — попросил его Игнат.

— А вы кто будете?

— Из горисполкома, — соврал Игнат. Не полезет же документы проверять.

— Ледокол «Владивосток», ледокол «Владивосток», — запел диспетчер, — отзовитесь третьему. Слушаю вас на шестом канале.

Игнат напряженно глядел. Лишь бы «чиф», Саня Климов, оказался на месте. Он выручит.

— Я ледокол «Владивосток», — хрипло прозвучало в динамике. — Что надо, третий?

Игнат перехватил микрофон.

— Прошу на связь старпома. Я Поликанин.

— Откуда ты, — изумился Климов. — Я тут ни одной коробки локатором и то не вижу.

— Я на берегу, Александр Степанович. Приглашаю в гости — там расскажу. Запиши адрес...

— Готово.

— А теперь просьба, точнее СОС.

Он обрисовал Климову ситуацию. Слышно было, как там, на ледоколе, «чиф» крикнул: «Боцмана на мостик» и как протопали чьи-то шаги.

— Десять на четыре вас устроит?

— Вполне.

— Подъезжайте к причалу.

Все переговоры не заняли и пяти минут. Когда Игнат вернулся, начальник порта продолжал объясняться. Видно, ему влетело от Пивина — тот был красен, как рак, и курил, раздраженно стряхивая пепел прямо на дорожку.

Шрам вопросительно взглянул на Игната, догадывался, что тот не случайно пропал.

— «Владивосток» дает пластырь, надо вызывать грузовик, — вполголоса сказал Игнат.

— Прекрасно, — вскинулся Пивин. — А что, в багажник не влезет? Игнат вежливо улыбаясь: не влезет.

К самому причалу ледокол подходить не стал: спустил тяжеленный, килограммов на триста, в рулон скатанный пластырь прямо в кузов машины, подъехавшей к борту по льду. Санька Климов в полушубке, наброшенном на плечи, стоял на баке.

— Слушай, я так понял, что там КИП* понадобится или водолаза с вами послать?

В этом был он весь. Наверняка распорядился корабельным имуществом без ведома капитана, будет ему нахлобучка, а он еще беспокоится о чем-то...

Глава 6

Решение областного суда было однозначным — полностью оправдать Петра за отсутствием состава преступления. А обвинение следователей областного управления МВД было квалифицировано как заведомо ложное. Ему были возвращены награды, звания и даже была назначена частичная компенсация морального ущерба. Руководство управления предложило ему на выбор две должности: начальника РОВД поселка Ола, в трех шагах от Магадана, или зам. начальника одного из управлений.

— И что ты решил? — спросил его Шрам. Он встретил его прямо у ворот СИЗО. Больше встречающих не было. Может, не знали или не захотели.

— У меня есть выслуга, — ответил Петр. — Ухожу.

— Обиделся?

— Нет, я просто понял, что работать в этой системе больше не смогу. Я никогда не буду ей доверять.

— И что?

— Наверное, пойду адвокатом по уголовке.

...Дмитрий пришел в хлоратурную вечером после смены и визиту его Игнат был удивлен. Заводить очередной философский диспут ему сейчас совсем не хотелось, и он всем своим видом показывал, что он устал и занят.

— Да я по делу, — сказал Дмитрий. — У нас по охране водозабора еще и каменный век не начинался. А у нас давно уже на дворе автоматизация, электроника, кибернетика. Ведь я еще в университете на факультете автоматизации до четвертого курса дошел, чуть-чуть в этих вещах понимаю. Возьми на работу, пригожусь.

Игнат заинтересовался. Предлагал Дмитрий не только сигнализацию, но и внедрение новых приборов, а значит методов контроля и управления почти всем хозяйством.

---

* Кислородный прибор.

— Джостиком будешь все затворы поднимать, не поднимаясь с кресла, фантазировал Дмитрий. Устоять было невозможно.

Глава 7

Очередной циклон пришел в Магадан поздним августовским вечером, как раз вместе с бортом Владивосток—Хабаровск—Магадан, который едва успел приземлиться перед потопом. Пассажиры сходили с трапа уже по щиколодку в воде. Они же рассказывали, что всю дорогу от Хабаровска до Владивостока самолет не столько летел сам, сколько его нес мощный тучевой заряд. Впечатление было такое, будто они на корабле или подводной лодке пробивались сквозь толщу воды.

После этого аэропорт закрыли, и город приготовился к отражению грозного удара стихии. Синоптики предупредили, что всё это растянется не меньше, чем на неделю, а количество осадков невозможно и предсказать. Наводнение обещало быть неизбежным.

Центральная часть города, как известно, находится на высоте 64 метра над уровнем моря, и никакое цунами и наводнение прямо ему не грозили, но в долине реки Каменушки при впадении ее в Магаданку находились частный сектор, в простонародье «Шанхай», с одной стороны, и громадный комплекс ТЭЦ с другой. А по берегам Магаданки в черте города, по ее левому берегу, расположен микрорайон 31 квартал, а по правому — вся густо населенная улица Набережная, вплоть до бухты.

Циклонами Магадан не удивить. Одного Магаданца спросили: а было ли лето в этом году. «Было, — ответил он, — но я в этот день работал».

А ученые утверждают, что лета как такового в Магадане нет вообще. Согласно научному определению, летом может считаться такой период, когда температура в течение одного календарного месяца не опускается ниже 22 градусов. В Магадане такого не наблюдается. И потому во всех толстых справочниках это время года здесь именуется летосень.

Этот циклон опрокинул все прогнозы и параметры как по количеству осадков, так и по продолжительности. Уже на второй день мэр города Виктор Пантелеевич Жарков, среднего роста, добродушный интеллигентный мужичок, приказал срочно организовать штаб по предотвращению и устранению последствий наводнения. Во всех нижних районах города воды было столько, что хоть на лодке катайся. А на Кольцевой мальчишки занялись даже серфингом, что

и неудивительно. Когда-то эта улица располагалась на месте древней протоки, соединявший две бухты: Нагаево и Гертнера.

Какое главное оружие против стихийных бедствий и всякого рода ЧП? Постороннему человеку ни за что не додуматься, а скажешь ему, не поверит: организация штаба по ликвидации последствий. Если это происходит в районе — районного, если в регионе — регионального и т.д. Входят в него, как правило, 10-20 человек руководителей различных ведомств, спасатели, силовики, медики. Дееспособность его можно определить только по тому, сколько специалистов способны действительно повлиять на обстановку. В тех случаях, когда успех реален, руководителем штаба становится сам глава региона, когда сомнителен и нужен стрелочник — обычно назначают зама или руководителя соответствующего ведомства.

Начальником этого штаба Жарков назначил себя. Наводнение — дело привычное, и когда-нибудь оно заканчивается в любом случае.

После того, как состав штаба уже был утвержден, к Жаркову обратился один из депутатов областной думы Иван Михайлович Середин с просьбой включить и его. Виталий Петрович поморщился. Он не очень-то жаловал этого пронырливого скользкого общественника и понимал, что просьба его связана с приближающимися выборами в местную думу. Но и отказать ему было сложно. Иван Михайлович был владельцем многотиражной газеты, которую в народе прямо называли «желтобрюхой»...

Первый удар стихии Магадан выдержал легко. Он был к нему готов. Вся история существования города — непрерывная борьба с бурями, наводнениями, землетрясениями, морозами и туманами. Большую часть года на побережье Охотского моря хозяйничали циклоны, зарождааясь в южной части Тихого или Индийского океанов. Потрепав Индию, Китай, Японию и Корею, они неумолимо надвигались на Дальний восток, Курилы, Камчатку и Охотского море. Давно уже не сносило крыши, не заливало подвалы, сам рельеф города способствовал водостоку — вода с сопот стремительно скатывалась в долины рек Каменушки, Магаданки, безымянных ручьев и в распадки.

Но этот циклон был особенным. Он не ограничился одними, двумя суткам, и уже на второй день цокольные этажи жилых и административных зданий, прилегающих к Магаданке, пришлось спешно укреплять мешками с песком, цементом и щебнем.

По улице Кольцевой лился бурный поток, и вместо автомобилей по ней впору было пускать морские шлюпки. Предчувствуя беду, мыши, крысы и прочая живность бросились спасаться в город.

На третий день Магаданка вышла из берегов, и возникла угроза мостам на Калымском и объездном шоссе. Опоры мачт высоковольтной линии так же оказались в опасности. Весь частный сектор по берегам Магаданки оказался затопленным. И именно в этот критический момент Шрам, что называется, плеснул бензина в огонь. Он решил, что необходимо аварийно сбросить воду из старого и нового водохранилища. Если дамбу сорвет — катастрофы на ТЭЦ не миновать. «Но это означает ударить по всему нижнему городу» — возразил кто-то из членов штаба. Пострадают люди, наши избиратели. Шрам пожал плечами. Масштабы последствия катастрофы ТЭЦ и затопление города явно несопоставимы. Лучше нам сделать это самим, чем дожидаться беды. Начальник штаба и все остальные с ним согласились. И тут же начальник штаба укатил к мосту на Колымском шоссе. Ситуация там явно складывалась критическая. Под угрозой был не только сам мост, но и прилегающие к нему здания банка, ростелекома и часть жилого массива.

А Середин решил, что лучше срочно поехать на водозабор, чтобы лично проконтролировать управляемый аварийный водосброс. Шрам не возражал, он и сам решил, что ему нужно следовать туда же.

Дорога оказалась затопленной, и им пришлось добираться окружным путем через полигон пограничников. Так что на место они прибыли только часа через два. В хлораторной, кроме Игната, Дмитрия и Николая Семеновича, не было никого. Остальным работникам Игнат приказал эвакуироваться в безопасное место. К тому времени Игнат уже совершил сброс и опустил затворы, о чем и доложил Шраму.

— Ну и правильно. Подождем сообщений с мест, как у них обстановка.

И вот тут Середин почувствовал себя на «коне».

— Да вы что?! — завопил он, даже не понимая, о чем идет речь. — А если рванет, ТЭЦ загубим. Как вы управляете затворами?

— Да вот, — Игнат кивнул на пульт, лежавший в центре стола. Пульт напоминал обычный жестик из детской игры. — Красная кнопка опустить затвор, белая поднять.

Середин тут же схватил пульт и даванул на белую кнопку. Даже отсюда, из хлораторной, все услышали как возобновился рёв потока.

— Это что за самоуправство?! — закричал Шрам. Он попытался перехватить руку с пультом, но Середин, сопротивляясь, дернул руку вверх, пульт выскочил и с треском ударился о каменный пол. Его электронные внутренности разлетелись по сторонам. Несколько секунд все ошалело смотрели друг на друга. Затем Дмитрий резко вскочил и сказал:

— Я выключу вручную.

Игнат выскочил вслед за ним.

— Обожди! — крикнул он. — Надо подстраховаться, по гребню там один не пройдешь.

Вода уже действительно перекачивала через гребни. Но Дмитрий не слышал его. Чувство вины за то, что именно он сделал этот пульт, гнало его вперед. Игнат не успел дотянуться до него, как Дмитрий, поскользнувшись и потеряв равновесие упал в бурлящий поток. Единственное, что мог сделать Игнат — сорвать со щита спасательный круг и бросить его в поток.

В затворном отсеке было темно, под ногами хлюпала вода. Игнат нашел две кнопки и нажал нижнюю. Так и держал ее, пока не услышал, как внизу встали на свои места многотонные стальные затворы. И сразу стало тихо.

Тело Дмитрия нашли в нескольких километрах внизу по течению Каменушки. Река пожалела его, лицо оставалось таким же, как при жизни. В этом городе у него не было родных, но на похоронах собралось пол-Магадана. Его знакомый священник сказал после проповеди:

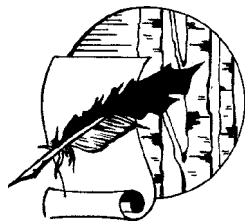
— Дмитрий был необычным человеком. Он всё время искал гармонию в нашем мире, и эту гармонию он нашел в любви к нам, смертным, обычным людям, ради которых он пожертвовал своей жизнью.

— Не казни ты себя, — в который раз говорила Наташа. — Что ты мог сделать? Прыгнуть вслед за ним? А кто бы тогда спас город?

Но этот вопрос остался без ответа.

...И опять Игнату приснилось утро над красивым озером и солнце, как огромная золотая рыба. И вновь его охватило чувство радости и легкости. И, к удивлению, эта легкость во всём теле осталась и после его пробуждения.

г. Магадан

Ольга КОРЗОВА

Я КОСИЛА ОСИНОВЫЙ ЛЕС

ПЛАЧ ПО ЖУРАВЛЮ

Сколько лет проживу
в ожидании зим,
в ожидании новых утрат?..
Почему не сказал мне:
«Давай улетим!»
Отчего не позвал меня,
брат?

Травяная рубашка твоя
коротка.

Не сумела её доплести.
А у берега плещет
крылами река.
Или небо
в Господней горсти?

Ранний снег застилает
дорогу в поля,
и пора возвращаться домой.
Только чудится мне
дальний крик журавля
между тающим светом
и тьмой...

* * *

Ночник материнский и лампу отцову
в субботу зажгу я опять.

Их свет, точно отблеск далёкого слова,
которого не разобрать,
пока не послышался звук из заречья,
пока на другом берегу
хромой перевозчик с котомкой заплечной
устало стоит на снегу.

Пока он сигарку свою не потушит,
пока не откроет замка
и ржавой тоской громыхнёт в мою душу
старинная цепь челнока,
пока я люблю, вспоминаю и плачу,
пока ожидаю восход,
помедли, весло, потому что иначе
кто лампы в субботу зажжёт?

* * *

Они — моя родня,
им хлеб крошу-ломаю
и новые стихи
                        тихонько говорю.

И слушают они
                        от октября до мая,
и слушать мне велят
                        от мая к октябрю.

А скроются они —
и странное сиротство...
И человеческий мир
                        беспамятен и чужд.

А сердце из груди,
того гляди, сорвётся,
и сядет воробьём
на облетевший куст.

* * *

Три дня остаётся до снега.
А раньше б сказали: «три дни»,
И охнула б в поле телега,
И дрогнули в доме огни.

«Три дни» — и протяжно, и горько,
И словно окончена жизнь...

Столетний скрипучие створки
На палец уже разошлись.
Как мы. Если песенка спета,
Платком остаётся — «прощай»,
И призраком прошлого лета
Мелькнёт за окном иван-чай,
Седой, точно лунь, как наречие
Ушедшего вглубь языка...

И ноют озябшие плечи,
Как будто бы держат века.

* * *

По утрам тяжелеют обычные вещи,
даже чашку из шкафа с трудом достаю.
И оборванный сон представляется вещим,
И качается мир,
и стоит на краю.

Это жизнь. Это вечное преодоление.
Я огонь разжигаю в печи,
и во мне
от живого тепла разбегаются тени,
поднимается день,
будто тесто в квашне,

Набухает, ползёт
и становится хлебом
под моими руками,
привычно обмят.
И крошу, и ломаю его на потребу,
А к полуночи охну —
он был или не был? —
но плывёт над землёю его аромат.

* * *

За деревнею где-то
кричат целый день журавли,
Будто небо кричит
и никак докричатся не может.
И страшит по ночам
ледяное дыханье земли,

И шепчу, просыпаясь:
«Спаси и помилуй нас, Боже...»
Ты, наверное, прав,
И судьбы мы не стоим иной.
У людского жилья
Вечно пахнет войной и разором.
Если б снова заснуть
И проснуться цветущей весной,
Чтоб сирень бушевала
И утро не веяло мором.
Чтобы настезь окошки,
Чтобы с другом сидеть у костра
И глядеть на огонь —
Не на дымные лики пожарищ.
Возвратится ли завтра
Всё то, чем мы жили вчера?
Так и тянет сказать
Позабывтое слово «товарищ»...

* * *

Тесна мне старость, Господи, тесна!
Особенно когда тайком весна
Дохла на заспавшуюся землю,
И хлынул свет, и в розовом окне
Как будто новый мир открылся мне —
Бессмертный мир, и в нём неважно, кем я
Почувствую себя: травой, водой,
Синицею, да только б молодой —
Не маленькой, но чуточку моложе,
Чтоб, валенки отбросив и клюку,
Бежать, торить дорожку ручейку,
Звенеть, как он, хоть час — на воле Божьей...

МОЛИТВА

Забудь моё имя.
Пускай растворится, как дым.
И голос возьми —
ни к чему бесполезная песня.
Позволь хоть снежинкой
кружиться над лугом моим,
над речкой и полем —
над всем этим краем безвестным.

Пускай не у моря,
мне только б смотреть с высоты
на эти дома,
на ушедшие в небыль деревни,
на лес поредевший,
стоящие насмерть мосты —
они, как часовни, застыли
в молении древнем.
Позволь мне остаться
на стрелке затерянных рек
песком или камнем,
прибрежную белую глиной.
Не дай отступиться,
когда отступается век
и прадед молчит,
укоризненно глядя
мне в спину.

* * *

По снегам осторожно ступая,
проминаю дорогу вперёд,
а зима вслед за мной замедает
и тропинку, и лето, и год,
словно лепит пространства иные,
где не будет случайного дня,
и тревожно былинки сухие
из-под снега глядят на меня.
Их пугает неясная доля —
переход в угасание, в тьму.
Чтобы зря не тревожилось поле,
наклонюсь и его обниму.
Буду гладить ладонями травы,
не расстанемся — корень один.
Не увёл меня век мой лукавый
от любимых российских равнин.
Ты со мной, моя вольная воля!
Угасает закат в облаках.
Дремлет поле, бескрайнее поле,
как младенец, на женских руках.

* * *

Я косила осиновый лес,
что поднялся у нас на задворках.

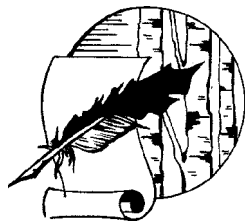

Словно воин чужой, захватил
он почти половину земли.
Хоть недолгою схватка была,
результат показался мне горьким:
Чуть вершинками дрогнув-качнув,
деревца тихо наземь легли...

Алым листиком выстелен двор,
точно полит осиновою кровью.
Одержавши победу, стою
с непонятной тоскою внутри.
Ночь насыплет осинный лист
полной мерою мне в изголовье,
Будет сердце дрожать-трепетать,
как осина, до самой зари.

Отчего эта странная боль? —
Видно, время пришло, и жалею
И травинку, и крохотный куст,
и непрочную ткань паука.
Мы становимся старше, и мир
с каждым часом как будто роднее,
И летит в небеса паутинка,
словно тихая осень, легка...

д. Степановская Архангельской обл.

Екатерина ГРУШИХИНА

НАД ЛЕПЕСТКАМИ ВЕЧНОГО ОГНЯ

* * *

О Родине писать я не умею,
Я с Родиной молитвой говорю, —
Ее ветров беззвучием немею,
Студённостью ключей животворю.

Как на погосте хлипенькая верба,
Страдальчески заглядывает в высь, —
Так Русь крестами окунулась в небо,
Отмаливая мертвых и живых.

Кликушествуют вещие метели,
Свирепствуя в окопе над бойцом, —
Так прадед упокоился под Ельней,
А правнук лёг под Северским Донцом.

Казалось бы, шагнув через столетье,
Душой преобразился человек,
Но то, что недобито в сорок третьем,
Перекатилось в двадцать первый век.

О Родине писать я не умею, —
Я с Родиной как с речкой говорю,
Благоуханьем трав ее пьянею,
За маковки церковей благодарю.
А кровь ее божественным елеем
К Победному стекает алтарю.

ПОГИБШИМ СЫНАМ РОССИИ

Мой дорогой, мой милый, мой сердечный,
Пока апрель струит водою млечной
В прозрачности небесных пелерин, —
Ты будешь жить, мой драгоценный сын.

Хранимый Богородичной молитвой, —
Тебя Господь окрестит перед битвой,
Своим неосязаемым перстом.
Ты будешь жить — и ныне, и потом, —

И в вёснах, и в неопалимых летах,
И в грёзах дев, и в праздничных сонетах,
И в нежных песнопеньях соловья,
Продолжится вовеки жизнь твоя.

И в первом улюлюканье ребенка,
Чей дом расколошматили подонки, —
Услышу я твой детский голосок.
Ты будешь жить, мой маленький сынок!

В дыханье трав — багульника и мяты,
В озёрной глади, в ельнике косматом, —
Я ощущаю Божью благодать,
И сын так близко, что не передать

Словами материнскую утрату.
На Спасской бьют кремлёвские куранты, —
Над лепестками Вечного огня, —
В котором сын укрылся от меня.

СКВОРУШКА ПО ИМЕНИ АЛЁШКА

Как проснётесь, мама и отец —
Скворушка в оконце кучерявый.
Багрянеет Северский Донец,
Мироточит Матерь на стене
Божья, в позолоченной оправе.

Это я — пригожий, молодой,
Не прошедший медных труб и соли
Пуд не съевший, но уже седой,
Опоён небесною водой, —
Скворушка, парю во чистом поле.

Как проснешься, мама, протяни
К ягодам горячую ладошку,
Там, среди смородин, земляник
Головой курчавою поник
Скворушка по имени Алёшка.

И в тот миг, когда взревёт Донец,
Желваками берегов играя,
Точно знай — стою в воротах рая,
А в раю, в раю не умирают,
Здесь у всех на маковке венец.

Всякий здесь прозрачен и крылат,
И в небесный сан рукоположен,
Здесь не нужно ни меча, ни лат,
Мне ли, мама, лучшего желать,
Если я теперь в ладонях Божьих?

ПОЭТ НА ВОЙНЕ

Всходило солнце: не то, не так, —
Лампадкою в страшном сне.
И враг злорадствовал: «О, ништяк, —
Русак убит на войне».

По аттестату — технарь, но вот
По стрункам души — поэт.
Жена утверждала, что он — «того»,
Копейки в карманах нет.

Что, мол, не от мира сего чудак,
Но верный и добрый муж,
Прекрасный отец. Но его беда —
В житейских делах не дюж.

Поэт творил и его перо
Приравнивалось к штыку,
Его слова, распоров нутро,
Выстраивались в строку.

Стихами сползающая лоза,
Была тяжелей камней.
Накинул поэт на плечо рюкзак,
И отдал себя войне.

Он был особенным, нет не так, —
Был многих других смелей,
И чем подлей становился враг,
Тем русский сражался злей.

В одном бою, на правах отца,
Под речитатив ракет,
От пули шальной заслонил юнца,
Которому двадцать лет.

Всходило солнце: не то, не так —
Лампадкою в страшном сне.
И враг злорадствовал: «О, ништяк, —
Русак убит на войне».

Стекает поэзы его живой,
В людские сердца, елей,
Покоится гвардии рядовой
Поэт во сырой земле.

Неопалима стихов тетрадь —
Купина! И долг, и крест.
Он шёл за Родину умирать —
Но в каждой строке — воскрес!

ВОРОТИЛСЯ ВЕТЕР

Воротился ветер с чужой земли, —
Умудрён, просветлён, игрив.
Облаков раскачивая корабли,
Он увидел красотку, чей нежный лик
Был прекрасней заморских див.

Волосами ее заигрался ветер,
Колыхнул сарафан из льна.
— Как зовут, тебя, дёвица, маков цвет?
В васильковых глазах потонул рассвет...
Отвечала она: «Жена».

Поднимая в небо колосья ржи,
Вольный ветер горазд летать.
По морщинкам земли ручеек бежит,
— Как зовут, тебя, милая, расскажи?
И она отвечала: «Мать».

Всё мертвее и выше степной ковыль.
В чистом поле стоит — черна,
Не поднимет звериной своей головы.
Вместо платья — саван, глазницы — рвы.
— Как зовут тебя, смертница, — ветер взвыл.
Отвечала она: «Война».

Обезумел ветер, сошел с ума,
Молодецкий задор иссяк.
Полыхают деревни, горят дома,
У церквушки безмолвны жена и мать.
А высоко в небе — Господня рать,
Журавлиный летит косяк.

ЭТО ВСЕГО ЛИШЬ — СОЛНЦЕ

Это всего лишь солнце. Ласковое, большое.
Если оно в зените, значит не быть беде.
Так размышляли парни в плавательных шортах
И устремлялись в реку шествовать по воде,

По золотым барашкам, по бирюзовой глади, —
Знамо, апостол Пётр им помахал ключом.
— Как же светло, Серёга! Не отставай приятель!
— Вот чудеса — не ноет раненое плечо.

Пули умолкли — дуры. Зарубцевались раны.
Берег Донца садами райскими воспылал.
А в отраженье неба, на голубом экране
Ровным шагают строем — души, а не тела.

* * *

Малахитовых елей макушки
Окунулись в небесную твердь.
Отчего в деревенских избушках
Сердцу русскому хочется петь?
Покатилась луна на салазках,
Разрумянилась, как каравай...
Русь моя, сердобольная сказка,
Песнопеньями предков жива!
Славься, общество верных пиитов,
Охраняй красоту языка.
Ой, ты, Русь моя, — в небо калитка,
Маков цвет да студёна река.

---

* * *

Умчу на электричке с Павелецкого,
Умчу в деревню, в ласковую глушь,
Туда, где спят воспоминанья детские
В тени сливово-яблоневых куш.

Туда, где цвет благоуханный липовый
Бабуля бережно заваривает в чай.
Калитка покосившаяся скрипнула —
И я бегу родителей встречать.

Бегу, бегу махровыми лужайками,
Порхают семицветики у ног.
Так изобильно счастье, что не жалко мне
Вплетать его в ромашковый венок.

Умчу на электричке с Павелецкого
В смородинно-крыжовниковый рай,
Туда, где жизнь божественно простецкая,
Как дедов накренившийся сарай.

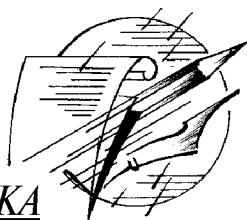
А электричка полотнищем стелется,
Горчит судьбины вересковый мёд.
И бабушка вздохнула: «Перемелется...»
И буркнул дед: «До свадьбы заживёт».

г. Красногорск Московской обл.

О ПРЕОДОЛЕНИИ РАСПАДА

В связи с нынешними событиями на пространстве исторической России, наглядно подтверждающими порочность социально-политического устройства того, во что превратилась бывшая наша страна в послесоветское время, — на информационную поверхность, притом с официальной подачи, все чаще стала всплывать тема юридической несостоятельности провозглашения в начале 90-х годов XX века на этом пространстве новых независимых государств.

Не берусь судить, насколько юридически обоснованы упомянутые претензии, особенно учитывая то, что с этими новоиспеченными государствами на протяжении трех последних десятилетий нынешние их ниспровергатели активно вступали во всякого рода «международные отношения», однако ущербность этого устройства не подлежит сомнению. Результатом этого устройства стало культивирование лютой взаимной вражды по всем периметрам бывшего единого государства, ради поддержания которой сегодня, например, на Украине, ловят людей на улицах, чтобы отправить их на

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

убийство бывших своих соотечественников (с самыми печальными последствиями для этих «мобилизованных»)...

Без малого три десятилетия назад, в 1996 году, под впечатлением пятилетних «успехов» строительства «новой жизни» на постсоветском пространстве, я написал довольно наивную статью с претенциозным названием «О преодолении распада». В тогдашних украинских условиях, усугубленных провинциальным моим местожительством, статья так и не добралась до читателя. Посылал я её тогда и в разные московские «органы печати», вроде «Независимой газеты», но тоже безуспешно. Между тем, не прошло и тридцати лет, как тема, похоже, становится актуальной и для официального уровня, и постепенно, хотя и со стеснением, начинает предлагаться для обсуждения.

В упомянутой статье я критиковал принципы, положенные в основу нового нашего жизнеустройства и предлагал рецепты «преодоления распада». К сожалению, с тех пор, за истекшие тридцать лет, ситуация у нас существенно деградировала, поэтому даже те из предлагаемых в статье рецептов, которые на момент её написания были реализуемы и полезны, к нашим дням во многом уже устарели.

Статья начиналась бойко: *«Несмотря на победное шествие новых независимых государств, образованных на месте бывшего Союза; несмотря на то, что избраны уже президенты, сочинены гимны, нарисованы гербы, написаны конституции, напечатаны деньги и так далее; несмотря на принятие этих государств в авторитетные международные организации; несмотря на триумфальные выступления «независимых спортсменов» и полеты в космос «независимых космонавтов», несмотря на то, что огромное число людей успело уже неплохо устроиться в новых условиях, обнаружив в них немалую для себя выгоду... — время показало, что **неправда**, совершённая при основании этих государств, не может не сказываться на дальнейшем их существовании. Эта **неправда** заключается в том, что действия руководителей бывших союзных республик, направленные на развал единой страны, — действия, в сущности, далекие от каких бы то ни было идейных соображений, — были ими представлены и документально оформлены как результат волеизъявления народов и осуществление их «вековечных чаяний». И то, что для подтверждения правомерности своих действий руководством некоторых новообразованных держав были организованы и успешно проведены «референдумы» и другие подобного рода «шоу», выдержанные в традиционном советском стиле, — по сути дела, ничего не меняет».*

Далее я писал: «Расчет правителей отделившихся от Союза территорий изначально строился на том, что после превращения управляемых ими территорий в независимые государства, удастся сформировать на основе населения каждой из этих территорий новую общность людей — «народ», который бы соответствовал образованной государственности. Ради осуществления этих расчетов граждане едва ли не каждого из новых государств, помимо всех своих прежних тягот, вынуждены теперь нести еще и некую «национально-культурную повинность», необходимую властям для искусственного поддержания (или создания почти из ничего) культуры титульной нации за счет остальных культур и для преобразования национально-культурного ландшафта, с тем чтобы этот ландшафт отвечал новой политической реальности».

И еще: «Сегодня на Украине, — считающейся Западом наиболее продвинутой в «демократическом» направлении среди бывших славянских республик СССР, — над большей частью ее населения проводится беспрецедентный эксперимент по изменению национально-культурного и духовного облика этого населения. Украинские власти мотивируют свои деяния необходимостью научить подданных украинскому языку и патриотизму, определив им в качестве объекта для проявления патриотических чувств современную территорию Украины от Польши до нынешней российской границы. Несмотря на это, Запад оказывает Украине всяческое содействие, выступая тем самым гарантом творимых там безобразий».

И такое: «Со временем, однако, все более выясняется, что обманом, подкупом или террором ничего, в сущности, добиться нельзя. Что на вербовать искренних патриотов для новых держав подобными способами невозможно. И никакие капиталовложения в этом помочь не могут. При помощи капиталовложений удалось лишь наплодить несметное число перекрасившихся карьеристов и жуликов, превративших государственные структуры новых государств в подобие воровских притонов. И хуже остальных в этом отношении дело обстоит именно с Украиной...»

Предлагаемые в статье рецепты «преодоления распада» основывались, прежде всего, на тогдашнем моем представлении о необходимости сохранения нашего государства в тех его границах, которые оформились к середине XX века и которые наш народ отстоял в тяжелейшей войне. Существование единого государства в этих границах было обусловлено, помимо всего прочего, законами геополитики, которые диктуют наиболее оптимальную конфигурацию государственных границ, ограниченную естественными, географически

ми пределами, — удобную с точки зрения обеспечения безопасности и рационального ведения хозяйства. В действительности этих законов можно убедиться, если обратить внимание хотя бы на конфигурацию европейских границ, в значительной степени подчиняющейся именно этим законам. Уже в имперский период наше общее государство, именуемое Россией, вышло на свои геополитические пределы. И, за небольшими исключениями, оно сохранило свою государственную территорию и в советские годы — территорию самую большую в мире, простирающуюся от Карпат до Тихого океана, от Ледовитого океана до гор Памира и Тянь-Шаня. Накануне своего распада наше государство обладало значительным количеством населения (немногим меньше 300 миллионов), необходимым для самодостаточного хозяйствования, и огромным запасом природных ресурсов (несметное богатство которых послужило соблазном для многих представителей правящего нами сословия, побудив их, вместо рационального обустройства нашего государства, пустить это богатство на продажу — ради обеспечения их собственной жизни в более комфортных с их точки зрения «странах»).

Вторая важная составляющая статьи касалась духовного и культурного содержания жизни нашего народа. Выводы, сделанные в статье, базировались на убеждении о неспособности тогдашней правящей прослойки страны, доведшей ее до гибели, руководить народной жизнью на тех направлениях, которые возвышаются над бюрократическим уровнем.

В наступивших «смутных» условиях, при отсутствии достаточного количества компетентных, патриотичных и бескорыстных руководителей, представлялось важным опираться на работающую систему, независимую от упомянутого руководящего «человеческого фактора». Систему, обеспеченную заодно и «защитой от дурака».

Поэтому-то в том, что касалось «культурного строительства», вряд ли возможно было бы ожидать, чтобы в этом отношении наше общее государство могло бы играть созидательную, творческую роль. Ему, до поры, была бы по силам разве что роль охранительная, создающая условия и возможности для последующего созидания. Упомянутые охранительные усилия общего государства стоило бы направить на защиту великого культурного достояния, созданного всеми живущими на нашем пространстве народами. Потому что суть национально-культурной политики общего государства должна состоять не в том, чтобы, по дурному примеру Запада, защищать эгоистические «права человека» и «права наций» (что на нашем пространстве дошло до логического пре-

---

дела, найдя свое воплощение в виде создания всякого рода злокачественных автономий, угрожающих нам распадом), а в том, чтобы защищать «надчеловеческое» — культурное и духовное достояние... Ибо «надчеловеческое» — религия, культура, традиции, национальный опыт, запечатленный в истории... — включает не только привнесенное нынешними развращенными и немощными поколениями, но и созданное поколениями прежними, воевавшими за Крым, осваивавшими Сибирь, победившими в великих войнах, оставившими нам великое цивилизационное достояние, способное наполнить нашу жизнь смыслами и указать направление дальнейшего развития. Подобного рода государственной защиты требует, кстати, и традиционный характер нашего хозяйствования, который, конечно, у разных народов разный, но на нашем пространстве за много столетий вылился в некий благодатный симбиоз, доказавший взаимную выгоду.

Для спасения нашей цивилизации нужно исходить не из сиюминутного, а из вневременного — что соответствует и установкам наших главных религий. И руководствоваться не столько желаниями живущих теперь поколений, сколько заветами условного «Бессмертного полка», включающего все прежние поколения, создавшие Россию, — восстанавливая тем самым преемственную связь между прошлыми поколениями и поколениями нынешними. Поэтому-то созданное этим «полком», всей совокупностью живших на этой земле народов — и должно быть незыблемым, с гарантированной защитой, в том числе и от своеволия нынешних гедонистических поколений...

Целью такого подхода являлось устранение конкуренции национальных эгоизмов на нашем пространстве. Национальный эгоизм, в том числе и русский, саморазрушителен и непродуктивен, как бесплоден и саморазрушителен эгоизм отдельного человека. Не нужно забывать, что даже великая русская культура вызрела не на национальном эгоизме, а создана была людьми, верящими в идеалы, пусть иногда и в идеалы, лишенные духовной полноты (вроде коммунистических). О бесплодности упования на русский национальный эгоизм свидетельствует хотя бы сравнение русской культуры в ее петербургском, имперском варианте или, например, в московском, советском, варианте, созданной совместно живущими на нашем пространстве народами и являющейся их общим достоянием, — с нынешней т.н. «русской культурой», в ее московском, еврейско-местечковом варианте. Эта «местечково-новорусская культура», выхолощенная идейно, лишённая смыслов и веры, ничего великого создать не способ-

---

на и закономерно распалась на два мутных потока — пропаганду и развлечения, — убажжающих «тело», но мертвых для духа...

Нам же нужно добиваться того, чтобы все местные культуры свободно и без принуждения вливались в общую, как вливаются мелкие притоки в одну большую реку, привнося в нее свои «химические особенности».

Говоря о культуре, необходимо заметить, что подлинные культурные явления создаются в обществах, решающих важные национальные задачи — в час испытаний, в процессе всенародного созидательного творческого подъема — и возникают как ответы на вызовы, перед которыми оказался народ. Общество же, в котором ничего не создается, ничто не преодолевается, в котором все озабочены деланием денег и потреблением, — творчески бесплодно.

Поэтому, для начала, представлялось важным разделить задачи, касающиеся восстановления на нашем пространстве общего государства в его традиционной форме, и все, что относилось к вопросам «национально-культурного» развития всех проживающих на этом пространстве народов (переведя решение этих вопросов на индивидуальный уровень). Это должно было снять накопившиеся национальные противоречия и открыть возможность для продолжения нашего совместного культурного творчества...

Заодно подобный подход не позволял бы путать главное и второстепенное, лишил бы возможности ставить «местное» выше «общего», на чем привыкли спекулировать руководители наших автономий и к чему всегда подстрекали наши внешние недоброжелатели.

В целом изложенные в статье предложения рассчитаны были на то, что русская культура даже в «нейтральном государстве», являясь культурой государствообразующей, не может не играть главенствующую роль. И будет в качестве таковой постепенно укреплять свои позиции на его окраинах, способствуя возрождению, на новом этапе и в новых формах, того единого государства, которое мы потеряли.

Теперь, по прошествии тридцати лет, приступлю, наконец, к главному, фундаментальному недостатку представленных в статье идейных построений. Главный их недостаток в том, что в них игнорируется взаимозависимость относящегося к функционированию государства и того, что касается духовного наполнения жизни граждан этого государства. Это похоже на то, как если бы не принимать во внимание взаимозависимость жизни души и тела в отдельном человеке. И пребывать в убеждении, что тело может как-то существовать без

того или иного «идейного наполнения». И тешить себя надеждой, что при подобном «нейтральном государстве» идейные предпочтения живущих на нашем пространстве народов не потребуют своего воплощения в государственной жизни. Подобное представление о взаимной обособленности духовного и телесного попахивает чем-то еретическим. И напоминает присущий протестантам «порядок вещей», когда духовная жизнь и практическая деятельность человека дистанцируются одна от другой, так что предполагается, что будто бы можно быть примерным христианином, регулярно читающим Библию и исправно посещающим храм, и в то же время в практической своей деятельности с легкостью попираť христианские заповеди, полагая, что для «деловой жизни» они неуместны.

В духовном отношении «нейтральное государство» — это примерно то, к чему устремляется нынешний мир, готовый предоставить управление людьми бездушной «цифре». При котором — «что такое хорошо, что такое плохо» будет формулировать искусственный интеллект с «цифрой» вместо души, запрограммированный кем-то закулисным... С таким подходом, даже в нынешнем нашем противостоянии с желающими нас поглотить внешними «оппонентами», мы можем лишь выстроить собственную «ячейку глобализма» с нашей «суверенной» спецификой, которая ради исключения «эксцессов» будет лишь временно обособлена от грядущего «мирового порядка».

К тому же, на самом деле, «нейтральным» государство быть не может. Свято место пусто не бывает. Кто-то эту «нейтральность» заполнит. Те, кому безразлично, что творится в наших душах. И кто будет создавать формы «по образу своему и подобию», воспринимая живущий на нашем пространстве народ как средство для реализации собственных целей.

Неудивительно, что за более чем три десятилетия, прошедшие со времени распада Союза, российское государство, унаследовавшее от Советского Союза форму «нейтральности» (и избавившееся от коммунистической идеологии), не обрело своей организующей идеи, способной объединить бывшее российское пространство или укрепить саму Россию. И в это же время отторгнутые от России бывшие ее окраины сформировали начатки государственности и в каждом таком «государстве» — влиятельную прослойку населения, заинтересованного в существовании отдельного «государства». Вдобавок, эти новоиспеченные «государства» наши поддержку и у внешних, враждебных России сил — при-

---

чем задачи, формулируемые внешними противниками России, сделались «смыслами» существования этих «государств».

Что же касается самой России — именно той части бывшей великой страны, которой еще позволено так называться, — то ситуация в ней с тех пор существенно деградировала, поэтому никаких признаков преобразования под российским влиянием бывшего нашего пространства не обнаружилось. Наоборот, Россия — со всем своим духовным и культурным потенциалом неуклонно отступала из-за отказа её руководства на этот потенциал опираться. К бывшим своим провинциям Россия поворачивалась, в лучшем случае, замаскированным под «русскость» национальным эгоизмом еврейского типа аля Жириновский — так что теперь, в результате такой политики, под угрозой оказалась даже русская национальная идентичность традиционно русских регионов...

Тут стоит напомнить, что российское государство в тех формах, с которыми мы имеем дело до сего дня, создано было в свое время православной властью и православным народом. Которые были движимы мотивацией «не от мира сего». И поддерживать эти формы способна лишь православная Россия. А не всякого рода подражатели иудейским доктринам и искатели «еврейского счастья» — монетаристы, марксисты, «национальные эгоисты» и прочие нынешние обитатели бывшей великой страны.

Что касается правящего сословия России, то, начиная еще с петровских времен, православным его можно назвать лишь с очень большой натяжкой. И до поры — до революций начала XX века — наше государственное строение держалось на православном народе, готовом воспринимать православную риторику власти.

Поэтому, говоря сегодня о русском народе как об объединяющей силе для нашего пространства, нельзя упускать вопрос о том: а какой это русский народ? И способен ли он по своему нынешнему духовному состоянию осилить столь сложную задачу?

Ведь когда, начиная с перестройки, у нас стали звучать призывы, рассчитанные на народное одобрение, о том, что не надо помогать Африке, Кубе, Вьетнаму... а затем, после 1991-го, подобное стали говорить и о Кавказе, Украине, даже о Белоруссии, — то таким образом согласились, что в результате такой политики у нас не будет больше Африки, Вьетнама, Кубы, Кавказа, Украины и Белоруссии...

Тут, правда, возникает еще вопрос: а как именно помогать? Можно — как это делают недальновидные родители,

---

откупающиеся от детей ради сохранения спокойствия... А можно — опираясь на живущий в душе идеал православной соборности, который побуждает к тому, чтобы, получив в наследство созданную православными предками державу, стараться её сохранить в единстве и неделимости, проявляя внимание, участие и готовность нести ответственность за судьбу населяющих ее народов, не оставляя своим попечением всякую, даже «заблудившуюся» «овцу».

Наши же власти предрержащие, как и подобает материалистам, всё это время исходили из убеждения, что «бабло побеждает зло», пытаясь «закрыть» все вопросы деньгами, — и после такой «внешней политики» они теперь обижаются, что таким образом «облагодетельствованные» ими бывшие союзники или даже бывшие соотечественники суют нам «ножи в спину». Хотя это всего лишь результат принятой нашей властью и реализуемой ею «ценностной установки», исходящей из того, что «деньги — превыше всего» и «решают всё», — при которой надо быть готовыми к тому, что у кого-то другого денег может оказаться больше... Кстати, в нашем случае у этого «другого» больше оказалось не только денег, но и желания, и внимания — так что в результате его тридцатилетних усилий стало возможным невообразимое: этот самый «другой», совершенно для нас чужой и отделенный от нас океаном, смог посеять внутри нашего народа кровную вражду, заставив между собой воевать тех, чьи предки тысячу лет назад создавали нашу державу и сражались плечом к плечу, защищая её в последней Великой войне...

Корни сегодняшних наших проблем, особенно ярко проявившихся на украинском направлении, в том, что нынешняя российская власть уже не мыслит себя общей, распространяющей свое попечение на всё прежнее наше Отечество. То, что все последние годы происходило с Украиной, к сожалению, не воспринималось российской властью как повод для восстановления общей страны — что нашло бы поддержку и среди большинства украинского населения. Непрерывная, на протяжении трех десятилетий, украинская смута была для российских властей не более чем удобной возможностью для укрепления собственного положения на очерченном для неё участке, которому позволено еще называться Россией. Пользуясь этой смутой, российские пропагандисты все эти годы выставляли для своих зрителей злоключения украинских граждан в качестве назидательного примера того, к чему приводит непослушание властям. Вместо того, чтобы видеть причины непрекращающегося украинского политического балагана в навязанной в свое время живущему на Украине

народу отдельной государственности, не имеющей подлинных оснований для существования и требующей безусловного упразднения... И даже ожидаемое очень многими на Украине вступление на её территорию российских войск было предпринято российской властью лишь для того, чтобы обезопасить Российскую Федерацию от возможных обстрелов с сопредельной беспокойной территории.

Результатом подобной, проводимой российскими властями «международной политики» стало нарастающее взаимное отчуждение между частями единого прежде народа, которое уже приносит и еще принесет свои «плоды».

К сожалению, на протяжении нескольких последних десятилетий взоры наших властей предрержавших были неизменно обращены на Запад — несмотря на то, что Запад в силу своих мировоззренческих установок никогда не воспринимал нас равными. Не говоря уже о том, что мы и Запад принадлежим к разным цивилизациям, на протяжении всей своей истории противостоящим одна другой. И хотя в последние годы со стороны Запада поступали однозначные сигналы насчет того, что готовность его к «сотрудничеству» не простирается дальше желания нас пограбить, самосознание значительной части нынешнего российского правящего класса (принадлежащего, на самом деле, к «всеядной», денежной, «цивилизации») всё еще устремлено к тому, чтобы, по примеру Запада, устроить на подвластной им части бывшего нашего Отечества этакую респектабельную «европу». Или несколько «европ»...

В отношении же бывших наших окраин, населенных «братскими» когда-то народами, этот правящий класс, подражая западным своим кумирам и патронам, мнит себя этаким «колонизатором в пробковых шлемах», распространяя, впрочем, свое «колонизаторское» отношение не только на обитателей этих окраин, но и на собственное подвластное население за пределами МКАДА. Забывая при этом о судьбе Древнего Рима, поглощенного варварами, и не желая видеть того, во что превратила подобного рода самоубийственная «колонизаторская» политика современные европейские страны...

Между тем, «европейские подходы», освоенные нашей властью, и «европейские формы», в которые загоняли на протяжении последних десятилетий нашу жизнь, мало чем могут нам помочь в нынешних наших бедах...

Для возрождения утраченного нами Отечества необходимо найти некий общий созидательный и спасительный для всех путь, ведущий к устранению разделений и восстановлению былого единства. И, в первую очередь, важно увраче-

---

вать гибельный раскол внутри русского народа — между живущими в северной и южной частях единой прежде Руси, в Российской Федерации и на Украине. Эти части нашего народа в ходе исторического развития обрели во многом несхожий политический опыт и обладают довольно самобытными, взаимодополняющими чертами народного характера.

Не стоит забывать, что наша великая империя создана была в свое время совместными усилиями и совокупным человеческим потенциалом всех частей Русского мира. И, главным образом, объединенными силами Северной и Южной Руси. Ведь всего через несколько десятилетий после Переяславской Рады объединенная Русь смогла одолеть шведскую сверхдержаву в Полтавской битве и получить возможность для самостоятельного нестесненного развития.

Поэтому в решении наших насущных проблем важна последовательность: необходимо прежде всего решить русский вопрос, объединив все части русского народа и исцелив его духовно, а затем уже, общими усилиями, приниматься за другие проблемы, возникшие за это время по окраинам бывшей единой державы, в том числе и проблему миграционную...

Об этой спасительной для нас и нежелательной для наших недругов последовательности прекрасно осведомлены эти самые недруги. И неслучайно эти противники, рассчитывая расчленить наше Отечество, принялись поджигать в нем кровавые войны, начиная именно с окраин, населенных православными народами — в Молдавии, в Грузии, на Украине...

Однако, к сожалению, всякие объединительные намерения на нашем пространстве — даже касающиеся регионов с преимущественно православным населением — сталкиваются сегодня с препятствием, которое можно обозначить как «великорусское украинство».

«Великорусское украинство» — это проявление регионального эгоизма, когда у населения великорусской части некогда единой Руси, которой Господь определил главенствовать в Русском мире, появляется соблазн жить по принципу «моя хата скраю», подражая в этом украинствующим Малороссии, которых еще раньше заинтересованные силы сумели-таки втиснуть в местечковый «формат»; и забывая, что их великорусская «хата» простирается на седьмую часть суши и вмещает больше сотни народов.

Этот «моральный выбор» заставляет заодно вспомнить о ветхозаветных евреях, которые свою избранность, полученную ради осуществления миссии, возложенной на них Господом, поменяли на «избранность» в стяжании мирских благ

и получении привилегий.

На протяжении всех послесоветских лет недекларируемая идея «великорусского украинства» была руководящей для правящего сословия РФ, самым своим положением вынужденного считаться с геополитическими «пожеланиями» западных «партнеров». И дело тут даже не столько в вынуждаемом этими «партнерами» бездействии на постсоветском пространстве, но и в самом «символе веры» нашего начальства, которое все эти годы открывало души и прокладывало трубы в сторону Запада. На этом фоне всякие «шевеления» и инициативы по восстановлению бывшей страны выглядели для наших руководителей лишь досадной помехой, отвлекающей от упомянутого «марша энтузиастов».

В данном случае приходится говорить о вполне искренней неспособности вместить в обезбоженной душе и приземленном сознании общерусский масштаб, выходящий за рамки местечкового мироощущения, столь совпадающего с необходимостью оградить от посягательств свое должностное «местечко».

И постепенно — не без влияния начальства, а в последние годы и под впечатлением от военных действий на Украине и, вдобавок, вследствие миграционной политики властей, — приверженность к «великорусскому украинству» стала приобретать всё большую популярность и среди населения центральных регионов бывшей нашей страны.

Помнится, как в конце советской эпохи инициаторы нашего развала соблазнили население окраин, убеждая, что будто бы их «объедает» центр. Однако за истекшие годы население бывших наших окраин, обреченное на жалкое прозябание в условиях всякого рода псевдогосударственных новообразований, имело возможность вполне убедиться в лживости тех утверждений. Зато теперь эти же соблазнительные аргументы, на сей раз о том, что эти бывшие окраины в случае присоединения к России, будут «объедать» центр, старательно вливают в уши живущим в центральных, великорусских, регионах единой прежде страны — дабы таким образом не допустить её восстановления, хотя бы в тех пределах, в которых это теперь возможно... Всё это очень похоже на то, как если бы в человеческом организме запустить «спор» между его отдельными органами на предмет того, какой из них главнее — руки, сердце, голова или печень... — кто из них кого «объедает» и кто кому должен...

Ради торжества столь удобного для многих принципа «великорусского украинства» заинтересованные силы пускают в ход всё, что попадается им под руку, в том числе пытаются

ся реанимировать раскольнические идеи времен протопопа Аввакума, поднявшего в свое время бунт против реформ патриарха Никона, идеи, связанные, в числе прочего, и с присоединением Малороссии...

В ходу также распространяемые СМИ сказки о том, что Украина после провозглашения своей «незалежности» до определенного времени существовала в виде вполне пристойного государства и только из-за подстроенного Западом майдана стала приобретать нынешние уродливые черты. То есть предполагается, что если бы не козни Запада и злая воля неких недобитых бандеровцев, русские люди этого края — духовные и культурные наследники Антония Печерского и Дмитрия Ростовского, Гоголя и Достоевского — могли бы вполне комфортно существовать в очерченном для них «самостийном» загончике, развиваясь в рамках «самостийной культуры», увенчанной шевченковской шапкой, — «культуры», предписанной им поляками, австрийцами, коммунистической властью и нынешними московскими «доброжелателями», не желающими отвлекаться от своих трубопроводных «гешефтов». А между тем, Украина, будучи отрезанной от России, — лишенная своего высшего духовного и культурного наследия, превратившаяся в «чистый лист», на котором всякий желающий посторонний субъект волен писать свои смыслы, — не может существовать иначе как в позе «чего изволите», обращенной к внешним интересантам, имеющим средства и идеи, как лучше для них распорядиться данным «активом».

В духовном отношении все препятствия на пути восстановления нашего единства связаны с общим нашим отступлением от православной веры более сотни лет назад и попыткой её заменить различными «идеями», устремленными к земному преуспеянию, которые проявляются в попеременно сменяющих друг друга эгоистических доктринах — социализме (эгоизме угнетаемого большинства), либерализме (эгоизме угнетающего меньшинства), национализме (эгоизме племенном, региональном). Смена одного другим, этих «земных упований», сопровождающаяся обычно кратковременным общенародным эмоциональным всплеском, неизбежно приводит впоследствии к апатии и деградации... И далее этот гибельный путь ведет к национальному творческому бесплодию, утрате национального достояния, грозя в итоге потерей самостоятельности.

Поэтому без духовной православной основы и спасительный патриотизм в нынешней России проявляется, к сожалению, чаще всего лишь в виде упомянутого «великорусского

украинства». От подобных великорусских «патриотов-хатаскрайников», которые все, как на подбор, вроде бы и имперцы, и православные, и монархисты, то и дело приходится слышать огульные определения, вроде «хохлы», «свиньи» и т.п., бросаемые ими по адресу тех, проживающих за границей нынешней Российской Федерации, кто до революций 1917-го года считались с ними единым народом, а после 1917-го — только «братьями». К тому же — с интонациями, указывающими на то, что с подобными презренными существами не может быть ничего общего: совершенно в стиле симоновско-эренбургского «убей немца!» времен Великой Отечественной войны, — забывая, что мы, в отличие от главного теперешнего «телевещателя», не «эренбурги», и что война у нас с Украиной не «международная», а «внутринародная», то есть гражданская, охватывающая всё население по обе стороны нынешней злоторной границы, разделившееся по отношению к действиям РФ на Украине на сторонников и противников. Притом что даже среди противников СВО есть не только опасующиеся, что теперешние военные действия, вызывающие «неудовольствие» Запада, могут как-то нарушить их спокойную буржуазную жизнь, но и те, кто, сочувствуя целям объединения страны, полагают, что нынешнее руководство, по своим качествам, не способно решить вопрос, а может лишь навредить...

И, в этой связи, очень сомнительно, что эти бывшие представители единого с нами народа, — даже те из них, кто несмотря ни на что остались таковыми до сего дня, — слыша в свой адрес подобные ругательства из уст таких вроде бы «патриотов», захотят после этого жить в единой стране.

Главная же проблема в том, что, к сожалению, российское начальство, неспособное по своим «духовным масштабам» воспринимать живущих в бывшей Малороссии своим народом, до сих пор не сформулировало для малороссов «образ будущего», связанный с восстановлением русского триединства. И даже, вступив в пределы Малороссии, заявляет о стремлении решить там лишь собственные «хатаскрайние» вопросы, связанные с безопасностью и недопущением на эту территорию вооруженных сил НАТО, могущих угрожать территории РФ. У тех на Украине, кто готовы были к объединению с Россией (а это, до 2014 года, большинство населения), — на протяжении всех лет «самостийного» существования этого края не было материальной возможности противостать тому злу, которое, при поддержке Запада, культивировалось на этой земле, пока не заполонило её всецело. И все эти годы пророссийской части населения Украины, гото-

---

вой бороться за русское единство, не было от российских властей никакой, даже «моральной», поддержки — тогда как противникам России на Украине помогал и помогает весь Запад.

Поэтому, если кому-то из обозначенных «патриотов» очень уж хочется кого-нибудь поругать — то правильнее будет для них подобрать соответствующие эпитеты к собственному начальству. Ведь если бы в 2014 году начальство этих самых ругателей думало, в первую очередь, о единстве страны, доставшейся нам от предков, а не о том, чтобы угодить Западу, то подавляющее число этих самых «хохлов» (может быть, за исключением галичан и киевской прослойки, вовлеченной в самостийное «дэргжавотворэння») приветствовало бы возвращение в «родную гавань». А так — вся пролитая с тех пор кровь русских людей, живущих по обе стороны проклятой границы, — на совести этого начальства.

Беда в том, что это начальство до сих пор явно питает надежду на замирение с Западом. А потому, если Запад окажет благосклонность, с легкостью пожертвует ради этого русским единством, под предлогом будто бы «невменяемости» этих самых «хохлов».

Показательно и то, что немалая часть этих самых «хохлоругателей» — из тех, кто до нынешних кризисных времен проживали на Украине — были неплохо вписаны в тамошнюю действительность, причем никто там от них никаких ругательств по адресу «хохлов» не слышал. Напротив, если тамошнее начальство требовало — то самозабвенно пели «щэ-нэвмэрлу», держа при этом руку на сердце... Всё это является дополнительным доказательством того, что упомянутый «патриотизм» привязан, на самом деле, не к Родине, а к начальству. Поэтому, когда подобный «патриот» пребывал на Украине, кормясь при киевском начальстве, то никакого побуждения ругать окружающих «хохлами» у него не было, а теперь — в России, кормясь при начальстве российском и стремясь ему угодить, — он просто-таки кушать не может, не попинав словесно «хохла»...

Хочется напомнить этим нынешним «хохлоругателям», что наша великая империя была создана людьми не с ветхозаветным или местечковым сознанием, а с сознанием новозаветным — и Кавказ вместе с Туркестаном добыли для России именно такие люди. И для этого требовался совокупный человеческий потенциал всего Русского дома, и в первую очередь, всей Руси, Великой, Белой и Малой. Вспомним, что даже Шевченко, далекий от имперских идеалов, служил когда-то на рубежах единого нашего Отечества, в форте, назван-

---

ном впоследствии его именем и доставшемся теперь Казахстану, — создавая (если не по убеждению, то хотя бы своим присутствием) видимость внушительности наших сил в этом месте, и отпугивая тем самым всех желающих на наши рубежи посягать...

Поэтому в первую очередь следует решить русский вопрос. Тем более, что наши недруги (пользуясь нашим нерадением) именно теперь поставили его «ребром».

Проще было бы, конечно, руководствуясь национальным эгоизмом, отторгнуть от себя бывшие (а затем и остающиеся пока в «конституционном поле») национальные окраины и продолжить существовать в форме некоего «чисто-русского» государственного образования. Однако, если созидательное, «врачующее» решение национальных проблем будет заменено «хирургическим», то это не принесет успеха. Отказ от созидательной миссии Третьего Рима, справедливого и благотворного обустройства жизни на пространстве Исторической России — это путь, ведущий к дальнейшей деградации и распаду, ступив на который сложно будет удержать контроль и на «чисто русских» рубежах.

Одним из признаков неблагоприятной обстановки, в которой пребывает сегодня русский народ, является демографическая ситуация, особенно в центральных регионах России, в значительной степени напоминающая состояние православных народов Восточной Европы, живущих в чуждой для них духовной среде. Эта ситуация угрожает нам, по прошествии исторически недолгого времени, «окончательным решением» русского вопроса — в отрицательном для нас понимании этих слов.

Демографическую проблему пытаются у нас решить то вливанием денег, то привлечением мигрантов.

Между тем, главная причина демографической проблемы кроется в тех же эгоистических мировоззренческих установках современного русского человека, что и причина его самоубийственной «хатаскрайности».

И решается эта проблема теми же средствами, что и «великорусская хатаскрайность», и множество других проблем, связанных с вызовами нашего времени.

Демографическая ситуация лучше всего исправляется посредством преодоления эгоистического мировоззрения наших людей и постепенного воцерковления народа, которое способно менять жизненные приоритеты каждого человека, поставив то, что называется «семейными ценностями», выше удовольствий, карьеры, успеха... Проблема может решиться только поворотом всей государственной политики в

сторону тех ценностей, ради которых Святой князь Владимир более тысячи лет назад крестил наш народ...

Что же касается объединительных процессов на нашем пространстве, то, преследуя эту цель, важно избежать повторения тех ошибок советского времени, которые привели нас к теперешнему плачевному состоянию. Тем более что мы продолжаем жить в государстве, национально-территориальное деление которого создано было еще в советский период.

В советские годы в полном соответствии с идейными установками тогдашней власти, ставящей своей целью перераспределение «благ» между богатыми и бедными в пользу бедных, проводилась политика, направленная на удовлетворение культурных «нужд» неразвитых культурно народов за счет «богатой» русской культуры. Не останавливались даже перед искусственным созданием на «пустом месте» новых народов и культур.

В целом же объединение пытались осуществлять за счет нивелирования духовных особенностей народов, населяющих нашу страну, и приведения их к некоему «общему знаменателю», который выражался в подчинении единой цели — «строительству светлого будущего», понимаемого как устремление к царству материального изобилия. Достигнутое материальное изобилие, по расчетам устроителей, должно было заодно и благотворно повлиять на духовное состояние живущих на нашем пространстве людей. В итоге же предполагалось слияние всех прежних народов в единый «советский народ».

Путь этот, по которому мы следовали на протяжении большей части XX века, несмотря на кажущиеся достигнутые успехи, — разрушителен для русской цивилизации. Потому что предполагал отказ от тех духовных основ, на которых была создана Историческая Россия и благодаря которым удавалось отстаивать ее самостоятельность на протяжении тысячи лет.

К сожалению, лишенное национального эгоизма поведение русского народа, проявленное им в XX столетии, вовсе не было результатом сознательной позиции, реализацией некогда присущих ему христианских добродетелей — жертвенности и смирения на новозаветных началах, — а было, скорее, пассивным скольжением лишенного веры народа к «полураспаду», наступившему в 1991 году и грозившему окончательной гибелью.

Поэтому продолжать и дальше двигаться в этом русле чревато разрушением смысловой основы существования русского народа, главного создателя России: путь этот обрекает

русского человека на духовно бессмысленную жизнь, превращая его в материал для создания новых сущностей.

Пока же общее направление нашего движения не изменилось — с той только разницей, что «общим знаменателем» вместо «светлого будущего» для всего народа стала возможность материального благоденствия для наиболее преуспевающих. На этом пути нам потребуются, как и прежде, некая цементирующая единство национальная прослойка, духовно равноудаленная от всех частей единого целого — для выполнения ею той роли, которую играл у нас на протяжении почти всего XX века известный «международный народ». Поэтому, если русский народ останется в том духовном состоянии, в котором пребывает сегодня, инициативу в «собираании земель» перехватят у него другие народы. И если русский народ согласится в дальнейшем следовать по такому пути — то что будет построено на нашем пространстве, трудно уже будет назвать Россией. Тем более что в этом случае и демографическую проблему нам решить не удастся.

Все идейные движения сводятся в конечном итоге к двум направлениям — представляя последователей Христа и последователей тех, кто распинали Христа. И русский народ сегодня стоит перед выбором: стать созидателем Третьего Рима или подданным новой Хазарии.

Русскому народу для своего спасения предстоит восстановить свою духовную сущность, возродившись на православных началах и воскресив в себе ту самую «всемирную отзывчивость», о которой писал Достоевский, — для того, чтобы суметь сыграть свою активную роль в обустройстве жизни на Русском пространстве. Открывая тем самым возможность последующего перенесения этого влияния на сопредельные страны.

Или ему придется примерять на себя роль такого лишенного Бога «международного народа», исполняющего «менеджерские» функции, — соревнуясь в этом (и подражая, и уподобляясь...) с другим «международным народом», имеющим более основательные возможности для выполнения такой роли, отодвинуть который с занятых им позиций возможно лишь, если стать «международным народом», опирающимся на Новый Завет, Истину Христову..

Если русскому народу удастся уврачевать «украинскую болезнь», превратив малороссов из врагов в союзников, и если в дальнейшем русский народ восстановит свое единство, — можно будет совместными усилиями решать проблемы, накопившиеся за последние десятилетия по окраинам Русской

земли. Помня, что эти окраины приросли к нам по большей части тогда, когда мы были едины.

С живущими на этих окраинах народами, имеющими иную религиозную принадлежность, у нас пока что не так уж много «скреп», притом таких, которые способны устоять под напором вызовов нашего времени.

Одной из таких «скреп» является длительное, на протяжении нескольких столетий, совместное проживание. Однако, как показал опыт последних лет, этот период совместного проживания, может, при желании, быть оценен и со знаком минус — как период «русской оккупации» и тому подобное.

У России с бывшими ее окраинами пока что остается в арсенале единственная более-менее надежная «скрепа», хотя и из разряда тех, которые характеризуются поговоркой «не было счастья, да несчастье помогло». Эта «скрепа» связана с тем обстоятельством, что сегодня все части бывшей нашей единой страны являются объектом активной экспансии Запада, осуществляемой ради того, чтобы, подчинив народы этих земель, приспособить их для реализации своих, главным образом, антироссийских целей. Правда, эту свою политику Запад осуществляет, соблюдая определенную осмотрительность, стараясь не переборщить с активностью, не наружить раньше срока свои намерения и не спугнуть свой шанс. И это внешнее давление будет побуждать народы ныне разрозненных частей бывшей единой страны склоняться к своего рода «солидарности уничтожаемых».

Остается лишь в дополнение к этой, «отрицательного» характера, «скрепе» постепенно, в свободном режиме создавать более основательные, «положительные скрепы», опирающиеся на выгоды традиционного нашего разделения труда, на инфраструктуру, созданную в период жизни в единой стране, на опыт совместно пережитых испытаний, достигнутых результатов и взаимного доверия... В любом случае, окраинные народы, исламского или буддийского воспитания, не могут не признать преимущества сосуществования с народом православного воспитания, сравнивая его с протестантами или католиками, могущими претендовать на их земли. Но на это стоит рассчитывать только в том случае, если русский народ сможет сохранить себя православным и будет, в качестве такового, проявлять себя во взаимоотношениях с внешним миром.

Иначе же, без активной, основанной на православном миропонимании внутренней и внешней политики, Россия очень скоро может столкнуться с последствиями осуществ-

---

ляемых донныне самоубийственных подходов в миграционном вопросе.

К сожалению, пока что в России в миграционных процессах «командуют парадом» те, кто тянут Россию в Хазарию.

Свалившаяся на Россию миграционная проблема возникла по причине того, что при осуществлении миграционной политики «принимающими решения» ставилась во главу угла экономическая эффективность, притом сиюминутная. Миграционный процесс у нас оседлали те самые монетаристы, для которых не существует ничего более важного, нежели экономическая выгода, желающие получить «много и сразу», сам «почерк» которых указывает на то, что эти государственные деятели принадлежат к той самой прослойке, представители которой не связывают собственное благоденствие с будущностью страны.

Исправление ситуации может произойти лишь тогда, когда наши «принимающие решения» будут способны ставить во главу угла не получение лишней «копейки» (получаемой, кстати, не столько народом, сколько теми самыми деятелями, исповедующими «монетаризм»), а сохранение нашей страны, облика её народа, его культуры и веры — жертвуя той самой «копейкой».

Что же касается уяснения той сложной для многих истины, что не «копейка» должна быть превыше всего, то этому наш народ (начиная с его «верхов») могут научить вовсе не монетаристы, а Православная Церковь.

Поэтому, чтобы ради чьей-то «копейки» не лишиться страны, привозить мигрантов нужно столько, сколько сможем адаптировать. Не больше. **Иначе они «адаптируют» нас...** Для успешной же адаптации нам нужно для самих себя уяснить, к каким таким нашим «стандартам» следует их адаптировать. То есть нужно в первую очередь вспомнить самим, кто такие мы есть...

В решении этой проблемы (и многих других проблем) нашей стране могло бы помочь решительное изменение общественной жизни: преобразование пассивного и безмолвствующего сегодня народа, состоящего из разрозненных индивидуумов, в совокупность активных общин, основанных преимущественно на православных началах. Только такие общины способны адаптировать к нашей жизни тех, кто прибывают извне...

Возвращаясь в наши дни к теме «преодоления распада» нашего единого прежде народа и нашей прежде единой страны — после трех с лишним десятилетий блуждания впотьмах, иллюзий, ошибок, кровавых преступлений — становится

понятно, что «преодоление распада» невозможно не только без изменения самосознания разрозненного теперь народа, но и без «видоизменения», в первую очередь, нашей власти.

Ведь только став по-настоящему русской, обретя истинную, православную «систему координат», с пониманием главного и второстепенного, наша власть будет в состоянии подниматься над «юридическими условностями» и сможет обращаться через головы самозванных правителей к народам, составлявшим прежде единую семью.

Но для этого, повторюсь, у неё должно быть «за душой» то, с чем обращаться...

Степень нынешнего взаимного недоверия и отчуждения на пространстве бывшей нашей страны, к сожалению, уже такова, что пробить эти «стены» способно лишь покаянное отношение к произошедшему... Если же говорить о нашей власти, то её попытки способствовать уврачеванию многочисленных ран, зияющих на теле разрезанной границами Русской земли, — лишь тогда достигнут успеха, когда она будет руководствоваться чувствами, подобными покаянному чувству матери, которая в свое время, понадеявшись на «легкую жизнь», бросила своих детей на произвол судьбы и на чужое, губительное для них, воспитание...

Только при нашей честной и активной позиции у нас есть надежда, что мы сможем с пользой для себя ответить на вызовы времени, превратив подстерегающие нас опасности в наше преимущество.

Нужно помнить о том, что наша прежняя, распавшаяся теперь страна является своего рода макетом многополярного мира. И если мы справимся на своем пространстве, то сможем исполнить миссию и на глобальном уровне.

Наша миссия состоит в том, что мы должны предстать перед миром как цивилизация, сохранившая христианское понимание происходящего, которая на протяжении тысячелетней своей истории многократно пыталась, удачно и неудачно, воплотить свое христианское миропонимание в реальную жизнь.

Нам в связи с этим предстоит осмыслить и преодолеть последствия нашего на протяжении почти всего XX века «национально-культурного строительства» на безбожной основе, приведшего нас к распаду и поставившего на край гибели. Этот «горький опыт» явился убедительным подтверждением того, что наша общая культура должна быть русскоцентричной, дополненной культурными особенностями других народов, живущих в России и по праву считающих Россию своей. И тут нет никакой несправедливости по отноше-

---

нию к другим народам. На протяжении более чем тысячи лет народы, живущие на нашем пространстве, достаточно выясняли свои отношения между собой, определив ведущую роль православного христианства в нашем государственном строительстве и его основоположную духовную роль в создании нашей уникальной цивилизации. Главная заслуга в создании этой цивилизации — не столько русского народа, сколько православия. И когда русский народ отступал от православной веры, наша цивилизация ослабевала и несла потери.

При этом речь вовсе не идет о некоем насильственном перетаскивании всех в православие, а только о его ключевой и лидирующей роли в процессе спасительного для нас государственного строительства — определенной в ходе всей нашей прошлой истории.

В связи с этим даже плачевное духовное состояние нынешних русских, формально считающихся православными, не может являться препятствием для нашего дальнейшего развития. Потому что инициативу в нашем духовном возрождении вполне могут подхватить или существенно укрепить своим участием православные молдаване, православные грузины, православные татары и другие народы, живущие в нашей стране, — подстегивая тем самым к возрождению и благодатному преображению самих русских.

Эта схема может быть прообразом для определения нашей роли в окружающем мире — на нынешнем этапе человеческой истории. У нас может и должен сформироваться некий центр притяжения желающих спасения народов и отдельных жителей других стран, готовых жить по заповедям Христа.

ПОХИТИТЕЛИ СПОКОЙСТВИЯ

РАССКАЗ

Анна, руководитель русской эмигрантской организации в Канаде, летит в Москву. На форум эмигрантов. Блаженствует. Потому что на Родину. И потому что впервые далеко без мужа и детей. Можно без объёмной сумки с игрушками, можно не петь в любимое маленькое ушко весь десятичасовой полет, и не читать стишки...

Канадский самолет. Местные жители летят через Москву куда-то...

Рядом с ней канадец среднего возраста и среднестатистической внешности: чистый, полный, розовый, с незапоминающимся лицом. Вежливый, старающийся чтобы его было как можно меньше — втягивает куда-то, как моллюск, руку, чтобы подлокотник достался соседке.

Принесли поесть. С полчаса все обедают, шурша фольгой и салфетками, а потом канадцу, видимо, захотелось продолжения банкета — поговорить. Спрашивает, является ли Москва её конечной остановкой и сообщает, что летит в Дубай, он — представитель благотворительной

ПРОЗА

организации, которая помогает детям Ирака, Сирии, Афганистана.

— А вы будете в Дубае сидеть или ездить по этим странам? — интересуется Анна, прихлебывая кофе.

— Буду ездить.

— Не надо бы, за шпиона примут.

Кусочек «брауни» — шоколадного кекса — висит у него в руках.

Он долго молчит. Потом переспрашивает:

— Вы сказали «шпион»?

— Да, — простосердечно кивает Анна. — Шпионы всегда работают под эгидой благотворительности, так что вас могут неправильно понять. А там же война...

Сосед навеки замолкает, и до неё через минуту доходит, что она, возможно, угадала. Вот у него сейчас буря в пустыне: она русская агентша? Случайно ли посажена с ним? Что ждёт его в аэропорту Москвы?

Как что? Шаурма и чай с чабрецом.

Через некоторое время скучно стало соседке справа. Будучи в наушниках, она не слышала разговора Анны со «шпионом». Седая, ухоженная дама сняла наушники, увидела, что Анна читает выпуск журнала «Хелло» о королевской семье Британии, и с улыбкой поинтересовалась:

— Вы тоже, как и я, любите королевскую семью?

Если можно сказать, что Анна остолбенела, то вот она именно остолбенела. Недоуменно взглянула на соседку.

— Другого журнала в книжном киоске не было.

Слица дамы сползла улыбка, и она отвернулась. Но через минуту не вытерпела:

— Вы летите в Москву? Отдохнуть?

И тут дамбу прорвало! С жаром Анна принялась рассказывать, что мы все, русские из Канады, любим ездить в Россию — она стала совсем иной, чем когда мы уезжали, в 90-е, и мы так рады, и как мы скучаем по ней!

— А я живу в Канаде тридцать восемь лет и не соскучилась по Германии, — удивилась немка.

«Я бы тоже по такой стране не соскучилась», — думает Анна, но молчит.

— Вот чего вам не хватает в Канаде? — продолжает допытываться собеседница.

Анна с минуту соображает. В Канаде много хорошего, и всего хватает. Кроме главного.

— Мне России не хватает, — говорит.

Немка отвернулась. Далее все летят в полном молчании. Анна думает, что вот так Россию и изолируют. За её лучшие

качества: простодушие и материнскую заботу, с которыми она, Анна, сообщила возможному шпиону, чтобы он был осторожен, и за патриотизм, в котором русские расписываются, не подумав, что западному человеку он неприятен.

Через три часа Анна замечает, что в конце салона пустует весь ряд и перебирается туда. Пусть шпион растечется по освободившейся жилплощади, а немка почувствует себя вне зоны влияния Красной армии.

И тут появляется русский человек. Его сразу видно. У русских говорящие глаза. Удивительно, но наша жизнь с крепостничеством, видимо, была не такой страшной, как жизнь западного человека без оного. Потому что мы продолжаем выражать эмоции, а те давно приучились скрывать их, чтобы не быть съеденными своими же собратьями. Вот о чем думает Анна всякий раз, когда встречается в толпе с живыми, говорящими глазами.

— Посадка возможна? — спрашивает парень, кивая на пустое сиденье.

Она соглашается.

— Там семья с детьми, я сбежал, — поясняет.

— А у меня там немцы...

— Стреляют?

— Обижаются, что люблю Россию.

— А вы читали, что некоторые немцы, как и другие иностранцы, переселяются в Россию? — спрашивает попутчик, представившийся Андреем. — Я считаю, хрен с ними, пусть едут. Трудолюбивы. Да и исторически они нам ближе всей Европы. Тока чур без своего самовара — толерантность и фидарасню пусть там оставят!

Анна солидарна и парень заказывает алкоголь, чтобы сбрызнуть знакомство. Проверяет свой Фейсбук. Видит новый пост от одного из друзей, канадских организаторов Бесмертного полка:

— Я вышел из бана, — пишет Петр. — Слава великому и мудрому Путину, спасителю Русского мира, слава ДНР, слава ЛНР, гори в аду фашистская Украина, сдохни Америка, КРЫМ НАШ, Сирия наша, мы русские, с нами правда, Бог и Путин, Ура!

Анна смеётся. Она любит своих друзей. Петр, как кукушка, прокричал и сейчас снова отправится в бан.

Вот это *они* пустили к себе погреться, думает Анна. Ничего. Сами нас развалили, терпите теперь.

Андрей, видя, что попутчица так мало выпила, и уже смеётся, подливает и улыбается.

— А я, — говорит, — в Исландии живу.

И рассказывает, что русские там духовно не дремлют. Когда в стране легализовали однополые браки, местный русский храм осуществил акцию. Батюшка позвонил в крупную газету, узнал, когда те сдадут номер в печать и пообещал прислать рекламное объявление. Тут же, заранее, его оплатил. А прислал рекламку в последнюю минуту, чтобы некогда было проверять. В объявлении с изображением храма читателей приглашали посещать литургии, а ниже, буквами помельче, стояла цитата из Св. Писания: «Не ложись с мужчиною, как с женщиною: это мерзость... Не обманывайся: ни блудники, ни идолослужители, ни прелюбодеи, ни малакии, ни мужеложники, ни воры, ни лихоимцы, ни пьяницы, ни злоречивые, ни хищники — Царства Божия не наследуют».

И это вышло. Проследили журналюги!

Скандал состоялся. И полиция приходила, и исками грозили, но всё на нет сошло: цитировать Слово Божие пока ещё не подсудное дело.

Обратный путь. С полным впечатлениями сердцем (в театрах была, в музеях была, разговоры по душам вела) и полными чемоданами (книги на русском, российские кремы, которые ничем не хуже западных, но стоят гроши, самые вкусные в мире российские конфеты, календари с Путиным — всем друзьям-«ватникам» по подарку, а кое-кому и магнетики: «Сталин не умер, он растворился в вечности»).

В аэропорту Шереметьево Анна покупает бутылку французского коньяка. Её запечатывают в пакет и дают чек.

Вскоре Анна прибыла в Франкфурт-на-Майне — там пересадка. И вот же ж странное. На выход объявляют, как охранники в концлагере: со злыми лицами и командной интонацией. Никто из бортпроводников не улыбается.

Анна оглядывается и вдруг замечает, что в самолете почти все — мужчины. Русские. Кольнуло сердце: ездят на работу в Германию? Ну, сейчас-то уже чего?..

По одному пассажиры с развернутыми паспортами прошли мимо банды проводников. Такого канадской общественнице видеть ещё не доводилось. Чтобы выпускали из самолета, только если покажешь паспорт. Спрашивается, а как вы туда впускали?

Один из «охранников» меняет злое выражение на дружелюбное — видит её канадский паспорт.

Уже в аэропорту, некрасивом, и опять же, похожем на концлагерь — ни единого украшения, всё какие-то железные бараки, соединенные меж собой, и безликие коридоры — Анна

стоит в очереди на проверку ручной клади. Аэропорты российских провинциальных городов куда краше.

Сотрудник смотрит на пакет с коньяком и командует:

— Бросай сюда! — указывает на корзину для мусора.

— Почему? Я купила в аэропорту, бутылка запаяна в пакете, вот чек.

— Чек не в пакете, значит недействительно.

Женщина понимает, что ему понравилась бутылка.

— Тут в чеке написано, что это французский коньяк и его название.

— Бросай, я тебя не пропущу.

Она скандалит. По обернутым на неё лицам других сотрудников и их переглядываниям понимает, что могут вызвать полицию. Берет пакет и уходит. В туалете отбивает горло у фигурной бутылки и выливает содержимое в раковину. Запах — изумительный!

Горло было толстое, пришлось несколько раз ударить им по стальной раковине. На шум прибежали уборщики. Нюхали воздух и недоумевали.

Вернулась к «КПП». Бросила пустую бутылку без горла в пластмассовую ёмкость для изъятых вещей.

— Это что? — спрашивает тот же сотрудник.

— Это французский коньяк, который вы хотели у меня украсть, чтобы вечером выпить. Не будет у вас вечеринки.

Странно, но он смотрит на русскую так, будто что-то понял и сожалеет.

— Вы нечестный человек, — говорит Анна, — желаю, чтобы люди вели себя с вами так же, как вы себя ведёте с ними.

— Та сфиданья! — орут ей другие работники. — Та сфиданья!

Анна понимает, что опоздала на самолёт, но она это и тогда, в туалете, осознавала.

— Не успокойтесь никак, что проиграли? — бормочет по-русски, а по-английски выкрикивает:

— Вы воры! Вы обворовываете пассажиров! И у вас некрасивый аэропорт! Самый некрасивый в мире!

Под ответы, которых не слушает, уходит к стойке, где стоит вежливая униформенная дама.

— Я туристка из Канады. Опоздала на рейс по вине ваших сотрудников, которые долго досматривали, — говорит спокойным, высокомерным тоном, как богатая канадская фря, привыкшая к тому, что ей не перечат. — Дайте другой билет.

Ей дают.

Анна, закутавшись в павлопосадский платок, сидит на жестком железном сиденье, разгадывает кроссворд и не по-

---

купают ничего за евро. Не хочет вкладывать ни одного евро в их экономику.

— Ну а если бы тебя в тюрьму увезли? — спрашивает мама. Мы и так переволновались: самолет прибыл, а тебя там нет...

— Зато они увидели русский характер. Снова. Им надо показывать время от времени. Наши мужики там работают и молчат, у немцев может сложиться неправильное впечатление.

— Ну так-то оно так...

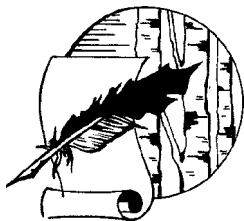
Отоспавшись после полета, Анна выходит в соцсети и пишет: «Мы отвратительны тем, что не сдаёмся. Ни в большом, ни в малом. Ни даже в крохотном. Мы не боимся трудностей, считаем, что «двум смертям не бывать, а одной не миновать», и сторонимся греха, напоминая тем самым грешникам Европы и Америки, как низко они пали. Мы бельмо. Похитители спокойствия. Божий набат в глухие уши и покрытые жиром сердца. Как нас любить?»

Избавление придет, когда мы поймем, что нам не нужна их любовь, признание.

Русские — не народ, а цивилизация. А цивилизации самодостаточны.

Русские — счастливы. У нас всё ещё говорящие глаза...»

г. Санкт-Петербург

Вера КЛИМКОВИЧ

ЧТОБ УТИХЛИ РАНЫ ТВОИ

* * *

Внезапно наставшая осень
Так резко сменила весну...
А лето осталось в пробросе.
Его я, увы, не верну,
Чтоб красок и чувств наполненье
И сладость прочувствовать вновь...
Оно пронеслось, как мгновенье,
Растратив впустую любовь...

БАБОЧКА

Я увидела бабочку
В придорожной пыли.
Ей никак не взлетается —
Крылышки подвели.

Я её остороженько
На газон отнесу —
То ли волею божьею,
То ли против — спасу.

От меня она бегала,
Я бежала за ней.
Что ей думалось, бедненькой —
Руки смерти над ней?

Вот, поймала, несу её
Осторожно в руке,
А она бьётся суетно,
Как в стальном кулаке.

Отпустила на травушку —
Стали крылья сильны.
И взлетела, красавица!
Полетела в цветы.

Так, чего-то не ведая
Или страха полны,
Мы, как бабочка, бегаем
От счастливой судьбы.

ОГАРИ

Будто бы огнём горя
Плавали два огаря
После зимней стужи
Да в огромной луже.

Между двух больших домов
Половодье среди льдов —
Только снег подтает,
Пара прилетает.

Солнце лучик бросило —
Получилось озеро.
И на две недели
Снова прилетели.

Прошлый год и этот год
Всё дивился им народ:
«После зимней стужи
Да в огромной луже!»

Будто бы огнём горя,
Плавали два огаря...

БУКЕТЫ МИРА

Как быть с хищниками кровожадными —
«Леопардом», «Змеёй» и «Пантерой»?
Чтобы стали они травоядными,
Нам какую воздействовать мерой?

«Солнцепёк», всё вокруг выжигающий,
«Град» и «Смерч», «Ураган» и «Торнадо»?
«Воевода», «Кинжал» поднимающий —
Вы уверены, вам это надо?

Нет, не то. «Хризантема», «Гвоздика»,
И «Тюльпан», и «Пион», и «Фиалка»,
«Василёк»! Пусть звучит это дико —
Нам «Акаций» с «Геранью» не жалко!

Мы вас «Саженцами» не отравим —
Перетерпим укусы «Вампира»!
Мы в ответ вам цветочков отправим —
Закидаем букетами мира!

* * *

Мне сегодня приснился ты —
Ты знаком мне и вроде нет...
После взрыва и суеты
Дым на время закрыл рассвет.

Всё затихло, осела пыль —
Ты был ранен, прикрыл глаза.
Командир не кричал, он выл:
«Говори! Не молчи! Нельзя!»

Сон слетел. Проявилась боль.
Пробивался солнечный свет.
А в ушах звенело, как выл
Командир, жизнь спасая тебе...

Я подумала — Боже мой!
Чем же может артист помочь,
Чтоб вернулся живым домой
Ты — солдат, уходящий в ночь?

Не умею держать автомат...
Не смогу на курок нажать...
Но, чтоб духом ты был богат,
Я могу тебя поддержать!

И на сцене я вновь стою,
И читаю стихи свои.

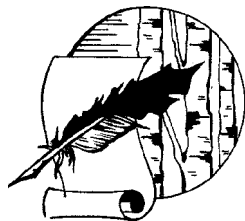

Для тебя, мой родной, пою,
Чтоб утихли раны твои.

Я тебе, мой солдат, пою,
Потому, что не знают преград
За Россию в смертельном бою
Слово, песня и русский солдат.

г. Москва

Редакция «Молодой гвардии» сердечно поздравляет поэта, певицу и актрису Веру Климкович с прекрасным юбилеем и желает ей новых творческих взлетов, вдохновений и достижений на ниве искусства.

Татьяна МАКСИМЕНКО

СОПРОТИВЛЕНИЕ ВОДЫ

СОЛДАТ ИВАН ВОРОНИН

Село Великое в районе Старой Руссы...
Ивану только восемнадцать лет.
Товарищи с гранатами безусы,
С усами — командир по кличке «дед».

Вперёд, к высотке! — там укрылись немцы.
Июль сорок второго: кто — кого?
Кузнечиков невидимы коленца,
На поле боя всё вокруг мертво.

А дома у Ивана — мать и сёстры,
Два младших брата — не жалея сил,
Спасают урожай... Путь до погоста
Знаком семье Ивана... Русский тыл.

Иван в могиле братской похоронен:
Фамилий много, кто в тот день погиб,
И не забыт солдат Иван Воронин,
И всех не сосчитать гранитных глыб.

Но пот и кровь, удобрив щедро землю,
Цветами в день Победы прорастут.
Над павшими, живыми — надо всеми —
Салют в честь победителей, салют!

---

* * *

Под крышкой сундука Пандоры
Осколки прошлого хранятся,
Уловки и переговоры
В огне наземных операций.
Войн жарких ржавое железо
И несмолкаемые взрывы...
Мир хрупкий не имеет веса,
Где алчность в поисках наживы.
Но с каждым веком — слёзы горше,
А дети в мире — сиротливей.
Стоишь у памятника в Орше,
А небо, как пожар в заливе
Персидском... Словно спрут стоглавый,
Вдруг всколыхнул людские страсти,
И стало душно... Боже правый,
Спаси от дьявольской напасти!
Необходим нам чистый воздух,
Но он опять пропитан взрывом,
И крышку сундука непросто
Закреть комедиантам лживым.

ТЫ ВЫЖИЛ...

Участнику СВО Эмилю Волгину

На новом витке возвращается время обратно.
С орудий снимают чехлы: над распутием дорог
Пронесется близкой войны громовые раскаты,
Но ангел-хранитель от смерти тебя уберёт.

И что ни столетье — то засуха перед войною,
То в бурном потоке уносятся в бездну дома,
И время героев смывает гигантской волною,
С незримой оси шар земной, словно сходит с ума.

И падает навзничь «Ланцет» — это дрон-камикадзе,
И мечет огонь вызывающий страх «Солнцепёк»,
И яростью дышит душа в откровенном рассказе
При мысли, что демон беду на Россию навлёт.

Мир грешен, где правда мгновенно становится фейком,
На ум ополчился всесильный искусственный мозг.

Нам мигом покажется век, пролетая за веком...
Ты выжил, а кто-то из пепла подняться не смог.

Ты, жизнью рискуя, в ответе за русскую землю,
Вставал во весь рост и сражался за каждую пядь.
И в страхе враги, одержимые диким похмельем,
Бросали оружие в пытке — живых сосчитать.

* * *

В Дубае или Сингапуре
Задумался ли кто о том,
Какие Бог послал нам бури,
Какой гремит над нами гром?
Живём в сопротивленье, зная,
Что истина блеснёт меж туч,
И праздная Победу в мае,
Призыв наш к миру так же жгуч,
Как слёзы матери солдата,
Как явь, страшнее жутких снов...
Россия войнами богата,
Теряя доблестных сынов.
Что делать со свирепой сворой?
Стрелять! Крепить свои тылы.
Россия вырвется сверхскорой
Крылатой птицею из мглы
И защитит свои границы,
И даст своим врагам отпор.
Нам перед ними не склониться,
Среди родных степей и гор.

* * *

Сопротивление воды —
И воздуха сопротивленье!
Сопротивляясь, тают льды
За поколеньем поколенья.

В сопротивлении живу
И я, шагая в лихолетье.
И с одуванчиком во рву
Дышу, с надеждой на бессмертье.

---

* * *

Вдевается нитка в иголку,
И требует зренья шитьё.
Машинка строчит без умолку,
Стучит, словно сердце моё.

Но в сердце случаются сбои,
И болью пронизана плоть.
Насытилось сердце любовью...
Приходится шить — и пороть.

Всё в жизни даётся не даром...
Неровные строчки — года:
Где тело окутано жаром,
А сердце — оковами льда.

г. Жуковский Московской обл.

«О РОДИНА, СЧАСТЛИВЫЙ И НЕИСХОДНЫЙ ЧАС!»

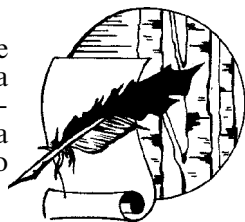
*К 130-летию со дня рождения
и к 100-летию со дня убийства Сергея Есенина*

Молю святое провиденье:
Оставь мне тягостные дни,
Но дай железное терпенье,
Но сердце мне окамени:
Пусть, неизменен, жизни новой
Приду к таинственным вратам,
Как Волги вал белоголовый
Доходит целый к берегам!

Н.М. Языков, 1825 г.

В прошлом веке, в прошлом тысячелетии поздним сентябрьским вечером, при таинственных обстоятельствах встретились семидесятилетняя пророчица и шестнадцатилетняя девочка, голова которой не соответствовала взрослому лицу, ибо всё ещё была увенчана бантиками, вплетёнными в тугие светло-каштановые косы.

Они были не одни. Сквозь открытые шторы тихо струился молодой месяц, лёжа на спинке, и, казалось, никто, кроме девочки, не видел его. Две включённые бра словно тускло догорали. И единственно

ПАМЯТЬ

ярким было огромное угловое кресло, в котором рядом с лампой под старинным абажуром сидела пророчица.

В квартире собралась научная и театральная богема. В центре между взглядом пожилой дамы в кресле и шелестящим гулом голосов стояла девочка, пронзённая серебристым лучом из окна. Всё это новое, невиданное, привело её в состояние такого вдохновенного транса, что ни с того, ни с сего тихим, как это сияние, проникающим в душу голосом стала читать она свои стихи. Одумавшись, без паузы, совсем иным многотембровым речитативом заголосила есенинское: «Проведите, проведите меня к нему! Я хочу видеть этого человека!» Затем схватила карандаш со стола, за которым восседала пророчица, несколькими движениями набросала её портрет на стене и уже в гробовой тишине запела, свингуя голосовой виолончелью блюзы из репертуара Билли Холидей и Фрэнка Синатры.

Из всех присутствующих только пророчица казалась спокойной. Тяжело подымаясь со своего огромного кресла, она так же тяжело и медленно подошла к двери, попрощалась с богемой, ссылаясь на поздний час, и... закрыла дверь на ключ. Испуганная всем, что натворила, и тем, что оказалась под арестом, девочка со страху плюхнулась в кресло напротив, водрузила, как все провинциалы, локти на стол и своими тонкими длинными пальцами стала что-то выстукивать, глядя в спину пророчицы, открывавшей дверцу буфета в резных виноградах. Прежде чем погрузиться в своё кресло, она поставила на стол старинный штофик с домашней вишнёвкой, две хрустальные рюмки на тонких ножках и медленно произнесла: «Ты будешь великой органной певицей».

Девочка принялась думать: отчего органной? Но совершенно успокоенная, недодумав свою думку, вслушивалась в голос Полины Львовны, что, так же медленно потягивая вишнёвку, приступила к посвящению девочки в тайны своей великой и непостижимой судьбы. И вот только теперь она почувствовала-поняла, **зачем** этим поздним вечером в чужом городе с чужим человеком оказалась в доме у незнакомой женщины, поняла, что с этой минуты она словно плывёт вверх по диагонали своей собственной судьбы. Не дыша, она слушала и впервые в жизни *видела* Волгу, Астрахань 1900 года, немецкую классическую гимназию для девочек, больничные палаты, операционные столы (это было второе пророчество о её собственных будущих палатах и операционных столах), Москву 20-х со множеством литературных кафе и маленьких театриков, в одном из которых, в театре «Не рыдай», пророчица знакомится с Есениным и Маяковским. Они ходили

в этот театрик на Екатерину Васильевну Зелёную, ту самую, имя которой не умещалось на таких же маленьких, как этот театрик, афишах, и она ампутировала первые 5 букв. Девочка очень любила ни на кого не похожую Рину Зелёную. Но после того, как пророчица произнесла имена Есенина и Маяковского, она уже ничего не слышала. А пророчица продолжала: «Тогда я ещё не знала о том, что после частных уроков пения у знаменитой сопрано, сама стану ненадолго известной камерной певицей и что судьба снова сведёт на одной сцене сперва с Есениным и позже с Маяковским». А дальше, ещё медленнее, то есть с большими зависающими паузами рассказ о замужестве, рождении сына. Но то, что нормальным девочкам интереснее всего, она уже не слышала: в голове, перед глазами были только они — Есенин и Маяковский, и только одна мысль, одно желание, чтобы они поскорее встретились вновь с Полиной Львовной! Где? На какой сцене?! Скорее, но пожалуйста, скорее, не мучте меня этим жгучим ожиданием и продолжайте о них, только о них!

А пророчица, как антенна, уловила её нетерпеливое невнимание и, пропуская самое своё трагическое, приступила к тому, о чём неотступно думала девочка: к воспоминаниям о Политехническом музее, ибо не в концертных залах, а именно на сцене Политехнического Бог снова ненадолго свёл их. Но это было потом, после частной оперы Зими́на. Ещё одна великая встреча — знакомство с Шаляпиным и начавшаяся многолетняя дружба с Ириной, дочерью Фёдора Ивановича. Далее — кульминация: благодаря Шаляпину, Полина Львовна становится ученицей Глафиры Вячеславовны Жуковской, тоже волжанкой (!). И тут она, прервавшись, с грустным удивлением вглядывается в лицо девочки, словно спрашивая: «Как же ты будешь жить с таким лицом, с которого считывается мгновенная перемена мысли, чувства, восприятия? Бедная девочка!..»

А ведь произнесённые имена Есенина и Шаляпина были третьим и четвёртым пророчеством о будущей судьбе девочки, словно смутно предчувствовавшей, что уже сейчас, здесь, этой ночью сбудется одно из них... А Полина Львовна, потягивая по глоточку свою вишнёвку, продолжала: «После закрытия частной оперы Жуковская и её муж Александр Степанович Петров получают приглашение в труппу Большого театра, в котором вскоре становятся ведущими солистами.

В 1938 году Петров за исполнение партии Царя Бориса в опере Мусоргского «Борис Годунов» получит Сталинскую премию. Ещё одну Сталинскую премию получит любимец Иосифа Виссарионовича гениальный русский тенор и цер-

---

ковный певчий Иван Семёнович Козловский за исполнение партии Юродивого. Ничего равного этому ни до, ни после не было в мировой музыкальной культуре. Но вот какое роковое совпадение... В 38-м году на постылой чужбине умирает Фёдор Иванович Шаляпин. А ведь если бы не его вынужденный трагический (особенно для личной жизни) отъезд из страны, не Петров бы пел Царя Бориса на сцене Большого театра...

В переломном для нашей истории 53-м году на экраны страны выйдет фильм-опера «Борис Годунов» с тем же составом. Многим зрителям этого фильма был ещё памятен Шаляпин в этой заглавной партии всей своей жизни, хотя сам он считал такой партией Демона и Дон Кихота. Отъезд Шаляпина в 22-м году стал не только его личной трагедией, которую он так и не пережил, но и громадной трагедией для всей Русской культуры.

Уже в другом веке и в другом тысячелетии, вспоминая этот вечер и эту ночь, взрослая девочка вспомнит слова Андрея Арсеньевича Тарковского, с отцом которого будет связано начало её профессиональной судьбы. Андрей говорил: «Талант и счастье — это ещё бóльшая несовместимость, чем гений и злодейство».

Полина Львовна прервалась, глядя на застывшие слёзы в глазах девочки. Ведь она так и не сказала о том, что видела по телевизору этот фильм и что с той минуты мечтала спеть-сыграть этого Юродивого... А пророчица снова почувствовала, какую роль и Козловский сыграет в судьбе этой странной, ни на кого не похожей девочки.

В полночь (она запомнила этот час по непривычному бою старых часов) «Господи, — подумала она, — как же спят под таким грохотом?» Ведь сама девочка засыпала только под утро и просыпалась при малейшем полузвук. В полночь Полина Львовна, впервые улыбнувшись, произнесла почти шёпотом: «Он спал в той комнате, — указательно качнула головой в сторону закрытой двери и продолжала: — Когда мы полночью возвращались пешком из Политехнического и вот так же, как с тобою, за этим столом говорили часами о невозможном будущем и незабвенном прошлом... Ну хорошо, хорошо, успокойся, пусть всё будет по порядку». Отхлебнув ещё полглоточка из нескончаемого штофика, она медленно говорила, а девочка впитывала каждое слово, каждую интонацию навек. «Я пела в I отделении отрывки из «Веры Шелогои» Римского-Корсакова, иногда что-нибудь из немецкой классики, а во II-м читал Есенин. Объяснить это невозможно. Весь его облик, интонации певучего голоса, лицо с

солнцем на голове, то ли из-за освещения, то ли от того, что весь он был как солнце, — так непривычно ошеломляли после кокаиново-серых лиц с чёрными кругами под глазами и фальцетовых голосов, что кто-то, стоя, аплодировал и кричал, а кто-то рыдал, закрывая руками лицо». Она замолчала, глядя куда-то за пределы.

«С Маяковским отношения были дружески сдержанные. Он знал, что мой муж работает в аппарате Луначарского... Однако это не мешало нам, людям самоироничным, удерживать теплоту. Тем более что я всегда помнила о его чрезвычайной ранимости и была осторожна или, скорее, внимательна. С Серёжей мы как-то сразу, хоть и ненадолго, подружились. Он был необычайно (даже по тому времени) образованным, начитанным человеком. Если Маяковский поражал несоответствием могучей героической внешности и нежной ранимой души, то Есенин, напротив, получил в дар от Бога «ангелический» лик (ты читала его «Ключи Марии»?) в сочетании с баритонально-певучим голосом. Отец его Александр Никитич всегда пел и даже сам сочинял песни, а в доме у деда, где Сергей часто жил, собирались странники и пели духовные стихи. Словом, пели в семье все и всегда. Может, от того он и доверял мне, что я любила и умела петь песни, без которых он, кажется, и дня не жил. Разум его был трезв и добр, а сердце мудро и жертвенно. В первый раз, когда Сергей Александрович проводил меня до подъезда и я пригласила его в дом, — едва войдя, увидела, как блеснул его васильковый глаз, покосившийся на книжный шкаф. Ведь *подлинной* страстью Есенина были книги. Память его обладала уникальным свойством: поглощая одновременно несколько книг кряду, она, эта есенинская память, сама выхватывала самое главное, то есть каким-то чудом была афористична. Никогда ни у кого я не встречала ничего подобного. Он, как дирижёр симфонического оркестра, слышал не только каждый инструмент, но всё время удерживал в голове главную тему. Воистину, не только рязанские леса, дороги, поля, песни, небо питали его поэзию, но и эта Богом данная память соделали её такой первородно музыкальной. Ни у кого я не встречала такого врождённого чувства трагического в человеке, в природе, в судьбах мира. У них с Маяковским была одна *общая* трагедия. Точнее всех её выразил Шекспир. Ведь трагедия Отелло не в ревности, а в *доверии*». На этих словах пророчица остановилась и таинственно произнесла: «Никто нам не хотел помочь за то, что мы остались дома».

«...Уже к утру в тот первый из трёх наших вечеров Сергей заговорил о Пушкине». Полина Львовна снова прервалась,

---

с тревогой глядя на перемену в лице девочки. У неё поднялась температура, как всегда бывало с детства при сильном потрясении. Горели не только щёки. Полина Львовна с тревогой взяла её такую же горящую руку и сказала утвердительно: «Ты устала». — «Нет! Это от любви!» И тут произошло чудо, которого у девочки никогда ещё в жизни не было — её поняли! Не стала пророчица, как любой бы другой человек на её месте, спрашивать: от какой любви? К кому любви? Она сразу поняла, что всё происходящее с девочкой на её глазах — от невыразимой разрывающей все составы любви к Пушкину, Шаляпину, Козловскому, к Серёженьке Есенину. От этого первого в жизни *понимания* слёзы предательски истекли из посветлевших глаз девочки. Это были слёзы благодарности. Пророчица всё чувствовала, сострадала, всё видела и после говорила лишь о нём, о мученике нашем оклеветанном, о Серёженьке. О том, как смертельно тосковал он по Константину. О чём бы он ни говорил, всё возвращался к милому, незабвенному дому своему. Вспоминала мать, сестёр, ведь всё скитался, горемычный, нигде ни у кого не мог найти *своего дома*. Самые страшные годы, как и у Шаляпина, были на чужбине, особенно в Америке, о чём они оба не раз с брезгливостью писали. Когда путешествовал с Изадорой, как он называл Айседору, было совсем худо. Её всюду обманывали, надували. Даже личный адвокат продал её дом в Берлине и заплатил ей копейки. Всё её имущество и библиотека были украдены. Сергея она боготворила. Когда второй раз вышла за него замуж, была уж не Дункан-Есенина, а просто Есенина. Судьба её была такой же трагической, как и у Серёжи: и дети погибли, и сама она была задушена шарфом в машине при «невыясненных» обстоятельствах.

«Дважды он был у меня, а в третий раз неожиданно вечером пришёл с нею. Она сидела на твоём месте, а на полу, в ногах у неё, Серёжа. Волосы его золотые были волнисты и густы настолько, что её пальцы всё время утопали в этом солнце. А правой рукой она держала вот эту рюмочку. И вишнёвка моя была всё та же. В тот вечер они остались... Пойдём, не бойся, теперь это будет твоя кровать». Полина Львовна повела девочку в маленькую соседнюю комнату, где над кроватью висела икона Иверской Божией Матери без лампадки. На прощание пророчица произнесла только два слова: «Золотые сны». И сразу ушла к себе.

...Уже давно и месяц в небе уснул, а девочка всё не могла пережить, вместить вселенную этого вечера, этой ночи. Она лежит тут на его кровати! Под простынью и покрывалом старинный тонкошерстный ковёр, а под ним громадный, такой

же старинный сундук. Вспоминая мельчайшие подробности рассказа Полины Львовны, она совершенно забыла о том, что вытворяла до того. Но самой постыдной до задыхания была минута, когда пророчица спросила о «Ключах Марии». Господи! Помоги мне поскорее забыть этот позор и сегодня же попросить у неё эту книгу!

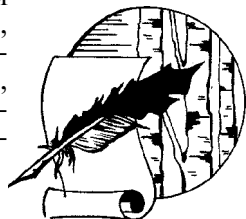
Даже пронзающий память её стыда солнечный луч не смог удержать этого погружения в полусон, и она всё ещё слышала в себе те последние слова: «Золотые сны» — они сами шептались в ней, как «дети, вплакиваясь в плач, вшёптываются в шёпот». Золотые сны... золотые сны... сны...

ПЕСНЬ ИЗ ГРЯДУЩЕГО

*К 130-летию со дня рождения
и к 100-летию со дня убийства Сергея Есенина*

«Меня хотят убить...» — эти слова, по воспоминаниям современников, нередко в конце своей жизни произносил Сергей Есенин. После его гибели прошёл почти век, и за последние десятилетия в печати появилось немало материалов, где ранее распространённая версия о самоубийстве поэта аргументированно ставится под сомнение. В числе её противников известные исследователи есенинской биографии: писатели Станислав и Сергей Куняевы, Эдуард Хлысталов, Виктор Кузнецов, Николай Астафьев, Иван Лысцов, Валентин Сорокин, Наталья Сидорина. Последняя, кстати, в своей книге «Златоглавый», которая впервые вышла ещё в 1995 году, а спустя десяток лет была дополнена и переиздана, высказала такое мнение:

«Есенин в последний год жизни находился в состоянии необыкновенного творческого взлёта. Только поэт знает, каким невероятным трудом, сверхнапряжением всех сил, воли, чувств, духа, мысли даётся каждое истинно поэтическое слово, каждая строка, каждый образ. Но он знает и иное — только ему доступное счастье, счастье свер-

ПАМЯТЬ

шения. Поэтому трудно и даже невозможно представить себе, понять, что, осознав свою победу, подчинив слово, взойдя на вершину, другим недоступную, — можно лишить себя жизни. Может быть, поэту именно среди поэтов возникло сомнение в том, что Есенин — самоубийца».

Давайте перелистаем авторские сборники и коллективные издания как середины двадцатых годов, так и конца минувшего века.

Василий Князев:

*В маленькой мертвецкой у окна
Золотая голова на плахе;
Полоса на шее не видна —
Только кровь чернеет на рубахе.*
1925

Борис Лавренёв:

*Мой нравственный долг
предписывает мне
сказать раз в жизни
обнажённую правду
и назвать палачей и убийц —
палачами и убийцами,
чёрная кровь которых
не смоем кровавого пятна
на рубашке замученного поэта.*
1925

Борис Ковынев:

*Погиб закат над Сухаревой башней,
Развевая по ветру последние лучи.
Мне жаль, когда уходит день вчерашний.
Но тише, грусть, — о гибели молчи.*
1926

Владимир Сосюра:

*Проклятье и позор хулы
Всем вам, кто сжил его со света.
Что нынче значат для поэта
Цветы, рыданья, похвалы?!*
1926

Станислав Куняев:

*Ахнули все:
из могильного праха
мраморная вырастает рубаха,
кудри и плечи...
Истлела петля!
Кто ему петлю на шею накинул —
принял возмездье,
в неизвестности сгинул —
закономерен устав бытия.*
1987

Валерий Хатюшин:

*Поэт с собой уносит тяжесть
поруганного идеала...
Одна рука, одна и та же
поэтов русских убивала.
Она всегда была проворной
и хладнокровной в высшей мере,
верна себе на речке Чёрной,
на Машуке и в «Англетере».*
1987

Владислав Артёмов:

*Небесный свод над родиной навис.
Мы здесь. Мы ничего не позабыли.
Багровой кровью звёзды налились
В тот страшный год, когда тебя убили.*
1988

Глеб Горбовский:

*Трава, тяжёлая от пыли,
ночь в проводах жужжит, как шмель...
А ведь Есенина убили,
не вызвав даже на дуэль!*
1989

Владимир Хомяков:

*Что проку нынче в фимиамном дыме,
коль дух уже от сердца отлетел?
Поэты погибают молодыми:
кому — Дантес, кому-то — «Англетер».*
1990

В последний год жизни Сергей Есенин создал около семидесяти произведений. Среди них большая часть цикла «Персидские мотивы», такие известные стихотворения, как «Несказанное, синее, нежное...», «Я иду долиной. На затылке кепи...», «Спит ковыль. Равнина дорогая...», «Над окошком месяц. Под окошком ветер...», «Цветы мне говорят — прощай...», «Клён ты мой опавший, клён заледенелый...», «Кто я? Что я? Только лишь мечтатель...», поэмы «Анна Снегина», «Чёрный человек». Поэт широко публиковался в популярных изданиях того времени: журналах «Новый мир», «Красная новь», «Красная нива», «Огонёк», «Прожектор», «Город и деревня», «Пионер», газетах «Бакинский рабочий», «Заря Востока», альманахе «Красная новь». Семь есенинских книг помечено 1925 годом: «Русь советская», «Страна советская», «Песнь о великом походе», «О России и революции», «Берёзовый ситец», «Персидские мотивы», «Избранные стихи». Общий тираж этих изданий, выпущенных в Москве, Баку, Тифлисе, составил 93 тысячи экземпляров. Есенин подготовил к изданию трёхтомное Собрание стихотворений. Оно вскоре и вышло, но уже после гибели поэта.

За четыре года до разыгравшейся в ленинградской гостинице «Англетер» трагедии Сергей Есенин произнёс пророческие слова:

*И пускай я на рыхлую выбель
Упаду и зарююсь в снегу...
Всё же песню отмщенья за гибель
Пропоют мне на том берегу.*

И в наше время не иссякает обращение к пронзительному есенинскому творчеству многочисленных продолжателей песенной лиры великого поэта, легко перешагнувшего рубеж нового века, нового тысячелетия.

*И солнцем, и дождём засеян
простор над русской рекой.*

---

*И ты пришёл сюда, Есенин,
как будто вещей непокой.*

*И, щедро песню распахнувши,
волнуя радужную тишь,
не из далёких дней минувших,
а из грядущего глядишь.*

*А взгляд и нежный, и суровый, —
что не забылось, то сбылось.
И на губах не смолкло Слово —
горячей болью запеклось.*

*Тебя таким навек запомню
и о тебе ещё спою:
недаром в этот спелый полдень
в живой тени твоей стою!*

г. Сасово Рязанской обл.

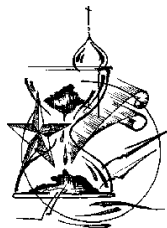
Евгений ВЕРТЛИБ,
президент Международного Института стратегических
оценок и управления конфликтами (Франция)

ИВАН ГРОЗНЫЙ — ГЕОПОЛИТИК И СТРАТЕГ

Царь Иван IV, вошедший в историю как Грозный, родился (по старому стилю) 25 августа 1530 года. Пять веков без пяти годков. Это был мудрый и жёсткий правитель, раскрывший стратегический горизонт России как империи, мыслитель власти как покорения территориального конгломерата.

Свою миссию он видел в том, чтобы удерживать целостность народа и веры, не позволяя внешним силам расчленять и внутренним кланам дробить её. В этом контексте ликвидация Казанского и Астраханского ханств была не актом внешней экспансии, а логикой возвращения пространства естественному центру. Казань была не просто трофеем, а символом прорыва России в положение державы, объединяющей восточных и западных славян, финно-угров и тюрков под властью Третьего Рима. «Кто владеет Казанью, тот владеет сердцем Волги», — говорили современники. Астрахань открывала дорогу на Каспий, соединяла Россию с Персией и Востоком, закладывала основы будущей евразийской линии.

Ливонская война стала для Ивана попыткой выхода к Балтике. Важность этого направления заключалась не только в торговых

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

путях, но и в ощущении равновесия сил: Россия не могла оставаться запертой, ибо стратегическая логика требовала выхода к морю. И хотя эта попытка завершилась неудачей, сама постановка задачи прорваться к морским коммуникациям стала программой-боем, реализованной Петром I.

К 1565 году в стране сложилась критическая обстановка, которую обычными административными методами уже было не разрешить. Боярские кланы в упорстве сохранения своих родовых привилегий тем самым мешали государеву проекту: тормозили мобилизацию ресурсов и угрожали целостности государства. Эти центробежные очаги сопротивления реализации воли царя надо было сломить ещё и потому, что часть элиты могла действовать в интересах чужих сил, через свои родственно-династические связи способствуя врагам Руси.

Для решения этой системной проблемы Иван IV создал силовой аппарат преданных «государевых псов» — прообраз карательных «троек ЧК» «именем революции». Так устранялись угрозы централизации, формировалась лояльная власть элита — поддерживался сбалансированный порядок. В этом смысле опричнина была инструментом имперского служения нации. Она выполняла роль внутренней опоры государства аналогично тому, как янычары обеспечивали лояльность султану в Османской империи, а НКВД реализовывал волю Сталина в СССР. В каждом случае речь шла о создании управляемого силового аппарата, способного защищать центральную власть от внутренних и внешних угроз.

Именно в этом и заключается сущность опричнины как феномена — создание управляемого силового аппарата, способного защищать центральную власть от внутренних и внешних угроз. Но если в России XVI века этот механизм был прямым инструментом консолидации и имперского роста, то на Западе XXI века аналогичные практики приобрели иной извод: прикрываясь лозунгами демократии, власть там формирует собственные «опричнины» — механизмы подавления народного волеизъявления.

Так, президент Франции Эммануэль Макрон опирается на статью 49.3 Конституции Пятой республики, позволяющую обходить парламент и фактически блокировать приход к власти национально ориентированных оппозиционеров, даже если они выигрывают выборы. Или взять «Альтернативу для Германии». Она получает значительную поддержку. Но на федеральном уровне искусственно создаются «санитарные кордоны», лишаящие правую партию доступа к реальным рычагам власти. Более того, против лидеров и активистов внелиберальной доминанты возбуждаются уголовные

дела — что уже вызвало недовольство даже у части американских наблюдателей, прямо указывавших на несоответствие таких методов демократическим нормам.

Не менее показателен пример Молдавии: там потенциально побеждающий оппозиционный кандидат просто снимается с выборов по уголовному предлогу, открыто лишая миллионы граждан права выбора. Подобная практика — это прямое извращение принципа народного суверенитета и узурпация власти под вывеской «евроинтеграции».

Таким образом, западная а-ля «опричнина» — это удержание власти любыми средствами, игнорирование результатов демократического волеизъявления народов и подавление инаковости конкурентов по власти. Этот прогресс регресса — политический беспредел, замаскированный под демократию «конца истории». В России же опричнина была осознанной стратегической необходимостью: «лес рубят — щепки летят». Великие свершения во имя империи и её народа никогда не бывают без сопутствующих потерь, но именно они создают фундамент для будущего государственного величия.

Опричнина для России была стратегическим механизмом обеспечения целостности державы, инструментом реализации русской геостратегии «от моря Балтийского до океана Тихого». В данном нарративе опричнина предстает актом геополитического переустройства внутреннего пространства Руси. В условиях, когда амбициозная патриархальность боярских кланов сопрягалась с удельной раздробленностью страны и втягивала Москву в орбиту чужих интересов, Государь Иван IV опричниной выжег очаги крамольной центробежности и создал государственный центр, соразмерный масштабам великой страны.

В Европе XVI века бушевала «охота на ведьм» — массовая чистка общества от мнимых и реальных врагов в логике религиозных войн. Россия отвечала на вызовы по-своему: вместо костров инквизиции возникла опричнина — хирургическое вмешательство в тело государства. Это был способ мобилизации нации через гангреноусечение омертвевших частей ради создания имперской конфигурации будущего.

В стратегическом плане Иван IV предвосхитил ту же мысль, которую в XX веке сформулировал Збигнев Бжезинский: «Без Украины Россия перестаёт быть империей, с Украиной — она автоматически превращается в империю» (1997 г.). Царь Иван IV понимал значение присоединения к Руси южных земель — в пограничном пространстве между Литвой, Польшей и Крымом. Его политика в отношении степных окраин была яс-

---

ной: Россия не могла оставаться без контроля над Днепровским направлением. Поэтому постоянные войны с Крымом, строительство оборонительных линий и борьба за влияние в Литве и Речи Посполитой были частью той же программы — закрепления за Москвой ключевых территорий для массива имперской целостности.

Сегодня Россия вновь стоит перед той же стратегической развилкой: либо контролировать Киевскую ось, либо быть вытесненной в региональную нишу. Россия без «южных ворот» — это не проекция Ивана Грозного, а западно-масонский «новый мировой порядок».

Царь Иван IV как геополитик рассматривал Россию не просто в пространственных границах, а как цивилизационный центр. «Москва как Третий Рим» — не отвлечённая богословская формула монаха Филофея, а стратегическая программа, воплощённая Иваном Грозным: от духовного предвидения — к политическому действию. Филофей дал сакральный код («два Рима пали, третий стоит, а четвёртому не бывать»), а «Иван Васильевич» сделал этот код реальностью — венчался на царство как православный император, учредил опричнину как аппарат защиты «Рима» от внутренних предателей и внешних врагов, превратив мессианскую идею в орудие имперского строительства. Москва стала не просто центром власти, но и оплотом всемирного Православия, а опричнина — стражей этой миссии.

Геостратегическая миссия России, обусловленная самими бескрайними просторами, требовала незыблемой централизации — ради скрепления единого монолита и удержания его от распада. Государство осмыслялось как атом — неделимый и цельный, а царь становился его ядром, источником внутренней энергии и гарантом сохранности целого. Эта образность, как ни странно, удивительно современна: атом может быть колоссальной силой лишь тогда, когда ядро прочно связывает орбиту частиц; разрыв же этой связи — катастрофа распада. Так и Россия XVI века — при всей разнородности своих социальных страт — могла существовать лишь в состоянии их внутреннего сцепления.

Современники Ивана Грозного оставили немало свидетельств о его стратегической линии. Английский посол Джером Горсей писал о нашем Иване Великом: «Он рассматривал своё государство как стражу всего Востока против нашествия Запада, и всего Запада против вторжения Востока». В этих словах отразилась миссия России как щита и балансирующего ядра между цивилизациями — того, что было выражено формулой «Москва — Третий Рим». Стратегия

Самодержца концентрировалась в трёх ключевых направлениях: закрепление за Россией Волги и Каспия как опорного пространства; выход к Балтике как к окну в Европу; удержание контроля над южными степями — имперская перспектива Малороссийского вектора.

Иван Грозный был первым, кто осознал: Россия не может быть только восточной или только западной. Она должна быть синтезом, Евразией. Он открыл дорогу в Сибирь походом Ермака, поддержанным Москвой, что стало началом нового стратегического измерения. Тем самым Россия раздвинула свои границы до Урала и дальше.

Жестокость Ивана Грозного была соразмерна действовавшим в социуме законам силы и фанатической веры и встроена в имперски мотивированный стратегический расчёт. Он созидал империю в мире, где Европа той же эпохи жгла оппонентов на кострах и уничтожала города во исполнение доктрин. «С волками жить — по-волчьи выть»: не действовать в этой логике было невозможно. Но возможно было превратить энергетику «вихрей враждебных» в глобальный русский стратегический позитив — Империю.

Монарх воспринял от Орды идею жёстко централизованной и сакрализованной власти, но наполнил её православным содержанием — во спасение народа и государства. Если хан держал власть ради самой власти, то русский царь осуществлял её ради миссии — возвысить и раскрыть предназначение Руси в масштабе истории. В этом заключался синтез ордынской государственности и византийской священности, из которого рождалась особая русская форма власти. Россия никогда не была лишь Византией и никогда — лишь Ордой: она стала новым, самостоятельным типом цивилизации, сплавившим оба начала. Иван IV был первым, кто воплотил этот сплав в реальности.

Историческое величие Ивана IV в том, что он стал первым архитектором геоимперии, превратив Русь в Россию и задав форму будущей Империи. Он не ограничивался ответом на вызовы — он ставил сверхзадачи: целостность пространства, движение во все пределы, удержание миссии. Уже тогда угадывалась дилемма, актуальная и ныне: Россия либо собирает вокруг себя все узлы своей истории, включая земли, которые позднее будут называться Малороссией и Украиной, либо теряет смысл быть державой.

Коронация 1547 года утвердила Россию наследницей византийской вселенской идеи. Иван осознавал себя носителем особой судьбы: «Мы поставлены Богом хранить царство православное», — писал он Курбскому. Его жёсткость исхо-

---

дила не из личной тирании, а из служения миссии. Здесь зародился код русской политики — власть как служение вере и народу.

Иван IV превратил Московию в евразийскую державу от Балтики до Каспия, сформировал образ врага (Запад, Орда, Османы) и образ миссии (православное царство, Третий Рим), создал прецедент интеграции народов на основе веры и подданства. Он впервые утвердил субъектность России: ни Польша, ни Запад, ни Восток уже не могли видеть в ней окраину. Более того, те земли, которые позже станут Малороссией и Украиной, воспринимались не как отдельность, а как эмбрион единого русского целого. Иван Грозный задал эту перспективу: Россия — не фрагмент, а центр, не окраина, а Империя.

Его государственность — это стратегия духа. Россия не может быть малой: её судьба — самораскрытие через про странство, укрепление веры, закона и порядка. Иван Грозный первым уловил этот закон и превратил его в действие. «Царство моё — есть дело Божие», — утверждал он. В этом суть его геополитики: власть не личное обладание, а инструмент миссии. Поэтому фигура Ивана IV остаётся ключом к пониманию, как Русь стала Империей, а народ — народом-державой, государством-цивилизацией, исповедующим православную веру, единым в законе и готовым к защите святой земли, воплощая рьяный дух традиции Уварова: «Православие — Самодержавие — Народность».

Евгений ЕВТУШЕНКО,
г. Красноярск

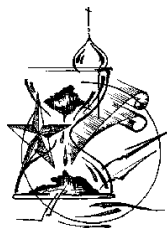
СТАЛИН И АНТИСИСТЕМЫ

Троцкизм как разновидность глобализма

После окончания Гражданской войны (1918—1922 гг.) в большевизме произошел раскол на две основные группы — национально ориентированную во главе со Сталиным и лево-глобалистскую во главе с Троцким.

В начале 1920-х стало ясно, что мировой революции не будет. Сталин и Бухарин выдвинули в 1925 г. тезис о строительстве «социализма в одной стране». Это означало: хватит спасать человечество — пора заняться Россией. Троцкий, Зиновьев, Каменев резко высказались против. Они считали, что без победы коммунистической революции в Европе у России нет шансов выжить в одиночку. Троцкий еще в 1923 году предлагал двинуть Красную армию в Германию, где, как считали, сложилась революционная ситуация — на штыках принести революцию в Европу.

До конца 1920-х годов между этими двумя (основными) группировками шла ожесточенная борьба. И в этой борьбе закономерно победил Сталин (окончательно он победит в конце 30-х). Но победил не потому, что оказался хитрее и коварнее Троцкого, а потому, что пошел в ногу с историей, которая потре-

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

бовала вернуть страну на свой собственный, русский путь — без всяких «интернационалов» и «мировых коммун».

В 1928 году, уже отстраненный от власти, но еще не высланный за границу, Троцкий-Бронштейн писал, что борьба против старых большевиков-интернационалистов «входит неразрывной частью в сталинскую идеологию национал-социализма» и что «после каждой революции реакция начиналась с борьбы против... чужаков и против инородцев».

Конечно, насчет сталинского национал-социализма Троцкий преувеличил. Русским националистом Сталин вовсе не был. Но здесь важно, что Троцкий понимал, что после каждой революции происходит откат назад — реакция, в ходе которой «революция пожирает своих детей». Однако даже понимая это, он фанатично боролся со Сталиным до конца.

В своей книге «Преданная революция» (1936 г.) Троцкий обвиняет Сталина в том, что он совершил контрреволюционный (!) переворот. Троцкий негодует, что «вчерашие классовые враги успешно ассимилируются советским обществом» — отменены ограничения по социальному происхождению; происходит поворот к мелкобуржуазности — колхозникам разрешено иметь приусадебные хозяйства, собственных коров и свиней, а комбайнеры и трактористы получают слишком большие зарплаты.

Идеал Троцкого — трудовые армии, с рабочими на казарменном положении, которых он цинично называл «мужицким сырьем» для РККА и промышленности. А весь русский народ он рассматривал как пушечное мясо для мировой революции (между прочим, вместе с Лениным. — Ред.).

Особенно раздражает Троцкого, что в советском обществе происходит возрождение семьи — этого «гнезда Средневековья». Его идеал — изоляция детей от «отсталых» родителей, «система общественного воспитания и ухода», где детей будут учить коммунизму. Троцкий пишет: «Наряду с седьмой заповедью (о грехе прелюбодеяния), пятая заповедь (о почитании отца и матери) полностью восстановлена в правах». И это очень плохо, считает он, еще немного — и будет восстановлена церковь. Что позже и происходит с подачи Сталина, хотя и не в полном объеме.

Если бы к власти пришел яростный антисистемщик Троцкий-Бронштейн, то история России просто бы закончилась. Как, например, сегодня её стараются «закончить» в Малороссии, где в 2014 г. власть захватили такие же inferнальные антисистемщики, как «иудушка Троцкий». Суть у них одна: троцкисты собирались сжечь в пожаре «мировой революции» Россию, а украинские либерал-фашисты готовы сжечь в огне «глобализации» Украину (как вариант — зачистить территорию для Новой Хазарии). И те и другие — по-

---

рождения одной глобалистской антисистемы — оголтелые русофобы и христоненавистники!

Поэтому можно сказать, что в 1920-е годы сработал инстинкт самосохранения нации. Народ, который, наконец, опомнился после жестокостей революционной смуты и Гражданской войны, вспомнил, что он — русский народ, и потребовал от власти восстановления исторической России. Всё это подтвердило старую, но не всеми осознаваемую истину, что правящая элита — это, конечно, важно, но, в конечном счете, делает свою историю сам народ. При условии, что он не потерял пассионарности и идентичности. И первый урок «мировым революционерам» был дан русским народом в 1920—1921 гг., когда по стране пронеслась «зеленая волна» крестьянских бунтов, которую испуганные «интернационалисты» погасили, введя НЭП.

Если посмотреть на космополитическую (троцкистскую) группировку в советской элите с позиций теории этногенеза, то мы увидим, что она представляла собой типичную антисистему глобалистского типа. Напомним, что главная установка всех антисистемных идеологий следующая: надо в корне изменить этот отвратительный мир самым радикальным образом! И если для этого «воинам света» надо будет уничтожить миллионы «людей тьмы» с их религиями и культурами, это не страшно. Даже хорошо! Поскольку после победы над тупыми и злыми «орками» наступит долгожданное «царство света», «освобождение» и вечная радость для нас... для избранных!

Антисистемщиков в обществе — всегда меньшинство, но у них есть свои сильные стороны: они обладают высокой пассионарностью и способностью к мобилизации. Они целенаправленны, хорошо организованы и могут годами ждать момента, когда можно нанести удар. Но главное — антисистемщики всегда и везде используют ложь как основополагающий принцип. В древности эти люди-разрушители использовали в основном лживые религиозные идеологии гностического (антихристианского) типа, которые они распространяли в разных странах. А начиная с эпохи Просвещения XVIII века — уже лживые социальные теории, предназначенные для распространения по всему миру. У троцкистов такой идеологией стал мировой коммунизм (красный глобализм) с простыми и увлекательными лозунгами: «Долой капитализм!» и «Кто был ничем, тот станет всем!»...

Если вспомнить положение Льва Гумилёва о биполярности в этногенезе, то можно сделать вывод, что «мировые революционеры» были типичными пассионариями с отрицательным знаком, настроенными не на усложнение, а на упроще-

---

ние системы, т.е. в конечном счете, на её уничтожение! Известный марксистский призыв «Пролетарии всех стран объединяйтесь!» — был лозунгом первых в истории глобализаторов-практиков, всерьез нацеленных на слияние всех государств и наций в одну планетарную «коммуну». И это была не какая-то «технология» продвижения радикальных коммунистов к власти, а искренняя, фанатичная вера в «победу мировой революции»! Это была именно религиозная вера со знаком минус. Они с этой верой засыпали и с этой верой просыпались!.. И готовы были пожертвовать всем!

Заметим в скобках, что последнее изобретение из этого идейного ряда — швабовская «Великая перезагрузка» и «Инклюзивный капитализм», образца 2020 г., где обещаний «светлого будущего» и фанатизма уже меньше, но суть та же...

Сохранился партийный анекдот о том, как Ленин объяснял инженеру-большевику Красину, что такое мировая пролетарская революция. «Подсмеиваясь над собеседником, Ленин уверял Красина, что тот ничего в революциях не понимает: «Всё это будет совсем не так! Представьте себе, вы едете в экспрессе, за столиком у вас шампанское, цветы, вы наслаждаетесь с такими же буржуями, как и вы сам. Но вот входит кондуктор и кричит: «Следующая станция — Диктатура Пролетариата! Освободить вагоны!» И Ленин, по словам Красина, заливался хохотом». Да, Ленин умел посмеяться. И очень заразительно...

А вот история не столь веселая — от старого большевика Зиновьева, который говорил на заре советской власти: «Если мы не увеличим нашу армию, нас вырежет наша буржуазия... Нам с ними не жить на одной планете... Мы должны увлечь за собой 90 миллионов из ста, населяющих Советскую Россию. С остальными нельзя говорить — их надо уничтожать». И ведь не церемонились, уничтожали!..

Но не надо думать, что троцкисты были первой политической антисистемой в России. Задолго до них, с екатерининских времен, у нас начали действовать другие антисистемщики — либералы-западники, которые и сбросили царя в Феврале 1917 года. Именно эти люди за полтора столетия до революции (с XVIII века) подготовили почву для разгула красных глобализаторов. С точки зрения этногенеза в Октябре 1917 г. произошла ротация антисистем: из-за спины либерально-масонской антисистемы вылезла антисистема революционно-космополитическая, более энергичная и дееспособная. Почему более дееспособная? Потому, что она была адекватна российской реальности (Ленин) и, вбросив нужные лозунги, обрела поддержку народа.

Либералы же со своими идеями «свободы» и «демократии» оказались никому не нужны. Потом, правда, они попытались сопротивляться, но «получили по мордам» от русского мужика и были выброшены на свалку истории. Это очень важный момент! Иногда с антисистемами такое случается — одни, более продвинутые крысы, пожирают других, уже отработавших свое. Как, например, мы это сегодня наблюдаем на примере «конкурирующих» групп глобалистов — более адекватных планетарной реальности (Трамп и К — проект «многополярного» империализма) и менее адекватных («бри-танцы» и банкирский, лобовой проект глобализации).

Если же говорить о верхушке партии большевиков РКП(б)—ВКП(б), то она не была однородной. После революции 1917 года там были и ультра-антисистемщики типа Свердлова, Урицкого, Троцкого, Володарского (конченные инфернальные типы!) и просто антисистемщики типа Каменева, Зиновьева, Бухарина, Сокольникова, и полуантисистемщики типа Луначарского и Коллонтай, и относительно нормальные люди, такие как Сталин, Дзержинский, Красин, Рыков, Молотов, Киров и др. руководители второго эшелона, в большинстве — русские. В этих последних, видимо, тоже была какая-то доля антисистемности (бунтарства), особенно по молодости, но она не преобладала, как у Ленина, Зиновьева, Троцкого, Бухарина, Радека, Пятакова, Войкова и др. красных глобалистов, которые без всякой жалости были готовы сжечь целые страны с их народами в огне мировой революции.

О Ленине. Вождя мирового пролетариата нельзя оценить однозначно. Ленин представлял собой уникальный тип антисистемщика-разрушителя, наделенного чертами государственника-созидателя. В этом и заключается его феномен: радикальный революционер и создатель советского государства в одном лице. Хотя, конечно же, антисистемное начало в Ленине преобладало. Это четко проявилось в его воинствующем антихристианстве, в его враждебном отношении к «великорусскому шовинизму», в его антирусской национальной политике и пр. Однако при всём том в Ленине было и что-то живое, человеческое, что, собственно, и привлекало к нему людей. Антисистемщики тоже бывают разные... Одним словом, в сравнении с такими нелюдями, как Троцкий, Свердлов, Урицкий и прочими «демонами революции», Ленин выглядит приличней. (Есть, кстати, убедительная версия, что за организацией покушения на Ленина в августе 1918 г. стоял Свердлов.)

Если же говорить о происхождении Ленина, то здесь все четко по Льву Гумилеву. Ленин — пример классической эт-

---

нической химеры, т.е. соединения несоединимых (некомплментарных) этнических архетипов (культурных кодов) на персональном уровне. Его происхождение суперэтнически смешанное: на четверть немец (со шведской примесью), на четверть еврей; остальная половина — русско-татаро-монгольская (в этой части сведения расходятся, известно, что родина его «русских» предков — евразийское Поволжье от Чувашии до Калмыкии).

И как следствие этой химеризации — двое в семье Ульяновых оказались антисистемщиками: ультра-антисистемщик — старший брат Александр и более уравновешенный — Владимир; у остальных братьев и сестер антисистемность проявилась в легкой форме или не проявилась вовсе.

Таким образом, после завершения Гражданской войны столкновение между радикальными антисистемщиками (лево-глобалистами) и национально-ориентированной группой внутри руководства ВКП(б) было неизбежным. В полном соответствии со словам Троцкого, что «после каждой революции реакция начиналась с борьбы против... чужаков и против инородцев», т.е. евреев и пр. нацменов, которые преобладали среди старых большевиков.

И здесь надо подчеркнуть, что эти «чужаки»-антисистемщики были противники очень серьезные. Кроме присущего им революционного фанатизма у них был большой опыт нелегальной и подпольной борьбы. Почти все они прошли тюрьмы и ссылки, а затем страшный огонь революции и Гражданской войны. Это были волки матерые. Поэтому нужен был профессиональный волкодав. Этим волкодавом и стал товарищ Сталин. Он тоже прошел тюрьмы и ссылки, и даже побольше других (7 арестов, 6 ссылок, 5 побегов), но главное — он хорошо знал, с кем имеет дело. Например, со Свердловым — самым отвратительным из ультра-антисистемщиков, даже внешне похожим на inferнальное существо, — Сталин был хорошо знаком по Туруханской ссылке. И на дух его не выносил!

Репрессии 1936—1938 гг.

Мы обязаны тридцать седьмому году тем, что у нас во время войны не было пятой колонны.

В. Молотов

Революция пожирает своих детей. После ожесточенной борьбы в руководстве партии в 1920-е годы из всего ленинского Политбюро остался один Сталин. Троцкистская (левая)

и бухаринская (правая) оппозиции были разгромлены. По поводу левых была пущена партийная шутка: «Моисей вывел евреев из Египта, а Сталин из Политбюро». Имелись в виду Троцкий, Каменев, Зиновьев. Это удаление ведущих «мировых революционеров» с вершины власти явилось первым, подготовительным этапом сталинской «революции сверху». Завершающим этапом стала массовая чистка правящей элиты в 1936—1938 годах. Под неё попали в первую очередь скрытые троцкисты-космополиты, составляющие в правящем классе и интеллигенции очень большой процент.

По меткому замечанию профессора Валентина Катасонова, многие партийные руководители, арестованные и расстрелянные в 1936—1938 гг., были не только идейными противниками сталинского имперского курса, но и являлись своего рода «офшорной аристократией». Дело в том, что ещё при жизни Ленина, а именно — с 1917 по 1925 гг., руководство ВКП (б) вывело в западные банки большие деньги: одну часть — на счета еврейских банкиров — спонсоров революции, другую — на счета Коминтерна, третью — на счета предьявителей. Особенно постарались связанные с «Фининтерном» красные глобалисты Свердлов и Троцкий. После получения органами НКВД в 1936—1938 гг. признательных показаний от арестованных «предьявителей», часть денег была возвращена в Россию.

Однако направленные против врагов народа репрессии затрагивают и многих невиновных людей. В первую очередь, по оговорам и ложным доносам, которые зачастую не проверялись ретивыми и нечистоплотными исполнителями на местах. Но так, к сожалению, часто происходит при массовых репрессиях, когда команда дана, маховик запущен, и надо «гнать план». Как вспоминал В.Молотов: «Чекисты на всякий случай забирали — что тут делать? Чекисты тоже имеют свою философию: ошибёшься — тебе влетит. И тут много хороших людей попало». Через несколько лет после окончания репрессий Сталин скажет о таких «чекистах»: «Сколько у нас еще людей «чего изволите»! (в разговоре с Рокоссовским, арестованным в 1937 г., прошедшим пытки, никого не оговорившим и освобожденным в 1940 г.).

Однако основная причина так называемых «перегибов» заключалась не столько в ретивых исполнителях, сколько в том, что в руководстве ОГПУ—НКВД, а также в провинциальных органах власти до конца 1938 гг. преобладали троцкисты-русофобы и их пособники, которые сознательно использовали репрессивную машину для уничтожения русских людей — от «кулаков» и священников до руководителей всех уровней во время «ежовщины» (1937—1938 гг.).

Первая волна репрессий против патриотов-черносотенцев и священнослужителей пронесется по стране в период Гражданской войны 1918—1920 гг. В это время, например, были схвачены и убиты все люди, причастные к делу Бейлиса (1911—1913 гг.) со стороны обвинения, а также многие видные участники российского черносотенного движения в предреволюционный период.

Массовые убийства священнослужителей приходятся на 1918—1919 гг., когда комиссары-инородцы и местные бандиты-субпассионарии не просто устраивали самосуд над священниками (война всё спишет!), но с какой-то сатанинской жестокостью издевались над ними: выкалывали глаза, отрезали нос и уши, жгли огнём, бросали в помойные ямы, закапывали живьем...

Потом было «изъятие церковных ценностей» и массовые расстрелы священников и монахов в 1922 году. Затем — репрессии против крестьян в период коллективизации 1929—1932 гг., когда раскулаченных оказалось в три раза больше (!), чем было запланировано.

Ну и самый продуманный и системный шквал репрессий обрушился на русских в 1936—1938 гг., когда под предлогом борьбы с настоящими врагами народа был нанесен удар по священникам и многим патриотичным русским руководителям и специалистам. Делу способствовало то обстоятельство, что и при Ягоде, и при Ежове большую часть ответственных должностей в аппарате НКВД и администрации ГУЛАГа занимали скрытые троцкисты, в основном евреи химерного типа.

Позже Сталин бросит скупую фразу по поводу этих троцкистов: «Леваки много принесли нам вреда в вопросах религии...» (незадолго до знакового приглашения Сталиным в Кремль трех митрополитов РПЦ в сентябре 1943 года).

Сегодня похожий геноцид, но в ещё большем масштабе происходит на Украине, где в 2014 году государственную власть захватила точно такая же inferнальная антисистема, только в иной обёртке — не коминтерновской, а фининтерновской. Эта украинская антисистема гораздо хуже, чем просто «хунта» или «диктатура». Её ядро представляет собой сборище фанатиков-садистов ментально заряженных на убийство как можно большего числа людей. В первую очередь — православных христиан! Точно такими же были их предшественники — антисистемщики-троцкисты, ненавидевшие Русскую Церковь и всех русских людей только за то, что они русские! Эти сатанисты и христоненавистники, раз попробовав крови, уже не могли не убивать.

Как показывает практика, заложенный в людях подобно-го типа психо-садизм не лечится и не умиротворяется с помощью «сделок» — эти моральные уроды рождаются с ненавистью к окружающему миру и людям, и с ней же умирают. Исторический пример — страшная ересь катаров в Европе, которую подавили, только уничтожив всех еретиков физически. Происходило это в ходе продолжительных и упорных Альбигойских войн и последующих репрессий инквизиции в XIII — нач. XIV вв. (Это к вопросу: с какой войной мы имеем дело на Украине? С «гражданской» ли?)

Другой пример — тамплиеры-сатанисты, которых били, да не добились... В результате через некоторое время эта страшная антисистема возродилась в Европе в других формах. Антисистемы, напомним, имеют свойство «закукливаться» при неблагоприятных для них условиях и активизироваться при ослаблении вмещающего этноса и деградации его элиты, как это, например, произошло с европейскими антисистемами («орденами», масонами и пр.) в XVII—XVIII веках и с бандеровской антисистемой в 1980—1990-е годы.

Что же касается вины в репрессивных «перехлестах» 1930-х самого Сталина, то она, безусловно, была, поскольку правитель должен отвечать за всё. И за «лес», который рубят, и за «щепки», которые летят. А «щепок» тогда было немало. По мнению «железобетонного» большевика Молотова, «Сталин перестраховал дело... (но он) вёл очень правильную линию: пускай лишняя голова слетит, но не будет колебаний во время войны и после войны». Имелось в виду отсутствие единства в руководстве партии и большое количество противников сталинского курса — левых (радикальных), правых («мелкобуржуазных») и прочих оппозиционеров — уже неформальных, так как в 1930-е оппозиция была запрещена и ушла «в подполье».

Преувеличил ли Молотов «перестраховку» Сталина в вопросе чисток или нет — вопрос открытый, но то, что партийная элита в 1920—1930-х напоминала сборище пауков в банке, — это факт! Причем в это время происходила не только борьба идейных «оппозиций», но и борьба национальных кланов: еврейских, латышских, кавказских, даже украинских (не обязательно с чисто этническим наполнением).

Единственное, что может оправдать Сталина в период репрессий 1937—1938 гг. — это тот факт, что до 1939—1941 гг. он полной, точнее, достаточной власти ещё не имел. И поэтому вынужден был считаться с засильем инородцев в НКВД и разросшейся партноменклатурой, которая саботировала многие его начинания. Например, попытку ввести альтернативные выборы (!) партийного и советского начальства в 1935—

1936 годах, что для многих чиновников было смерти подобно! Сталин в сердцах называл эту новую партийную элиту «проклятой кастой».

Описывая жестокости европейской фазы надлома (XVI — нач. XVII века), Лев Гумилёв подчёркивал различие между первой и второй инквизицией, которая свирепствовала в период Реформации (XVI в.) и которая наряду с виновными часто отправляла на костер невинных людей, обвинённых в колдовстве. В отличие от первой инквизиции XIII—XV веков (против катаров и иудеев, ложно принявших христианство), вторая инквизиция доносы не проверяла. А доносов было очень много. Здесь прослеживается прямая параллель с перегибами и массовым доношением в период репрессий в СССР, особенно в 1937—1938 гг.

Маршал авиации Голованов, исключённый из партии в 1937 году и чудом избежавший ареста, говорил: это происходило «против всякого желания сверху, люди же стали писать друг на друга, и чёрт-те кто, уже и сволочь всякая... Я и сейчас знаю людей, которые прямо говорят: «я написал на того-то, на того-то».

— «Почему написал?»

— «Боялся... Ведь общее настроение было такое, что могли полстраны уничтожить сами своими руками».

С точки зрения этногенеза это очень важное замечание, поскольку главный признак фазы этнического надлома — это война всех против всех, то есть столкновение враждебных групп внутри этноса при активном вмешательстве в процесс антисистемщиков, субпассионариев и прочей сволочи!

Надо заметить, что Гумилёв, прошедший тюрьмы и лагеря, Сталина не жаловал, однако различие между большевиками-космополитами первой волны и коммунистами-сталинцами учёный вполне осознавал и называл вторых — «черносотенным крылом» в компартии. При этом непосредственными виновниками своих бед (14 лет заключения!) он считал коллег-космополитов, которые и писали на него доносы.

На одной из лекций ученого (в 1989 году) был такой случай. Лев Николаевич в ходе изложения материала упомянул о том, как он после окончания первого срока поступил на работу в экспедицию и оказался в глухой тайге, где «на тысячу километров не было ни одного опера». Одна молодая слушательница с пониманием подхватила: «Конечно! Это же они вас сажали!». — «Нет, не они, а мои коллеги-ученые». У девушки открылся рот...

Повторим, что в смутные, революционные времена на поверхность, как грязная пена, поднимаются разного рода антисистемщики и маргиналы-субпассионарии. И с ними

нужно бороться, это вопрос выживания. Но проблема заключается в том, что репрессии против них самих эти анти-системщики («негативщики» по Гумилёву) и их пособники субпассионарии (беспринципные паразиты) всегда используют в своих подлых целях, фабрикуя доносы на честных, талантливых и патриотичных людей. Особенно рьяно они стараются, когда попадают сами.

Генерал Горбатов, попавший под каток репрессий в 1938 году и позже выпущенный, вспоминал: «Мой сосед по нарам, большой начальник... хвалился, что оклеветал 300 человек» (!).

А «старый большевик» и троцкист Пятаков, опасаясь ареста по делу Зиновьева и Каменева (1936 г.), в доказательство своей преданности умолял Сталина, чтобы ему позволили лично расстрелять всех этих врагов народа, в том числе собственную жену (!). Умолял публично!..

Молотов, подписавший сотни расстрельных списков, спустя десятилетия говорил о репрессиях 1930-х: «Устроить чистку партии — это опасно очень. И начнут чистить лучших... которые честно, прямо говорят. А те, у которых всё шито-крыто и перед начальством готовы выслуживаться, те сохраняют свои позиции».

И в другом месте: «И нарочно нам подсовывали, и невинные попадались... А откладывать было нельзя, война готовится».

По поводу нечестных исполнителей (НКВД) он говорил: «А где взять чистеньких?»...

Что же касается жестокости Сталина... Когда Молотова спросили: кто был более суровым, Ленин или Сталин? Он отвечал: «Конечно, Ленин... Почитайте его записки Дзержинскому... Помню, как он упрекал Сталина в мягкотелости: «Какая у нас диктатура? У нас же кисельная власть, а не диктатура!».

За весь 30-летний сталинский период (1923—1953 гг.) за политические (контрреволюционные) преступления было осуждено почти 3,8 млн. человек, что составило 20% от общего числа заключенных (в 1930-х — 35%), в большинстве — уголовников. За этот же период были приговорены к расстрелу почти 643 тыс. человек. Численность всех заключенных в лагерях и колониях колебалась от 1,7 млн. человек в 1940 г. до 2,5 млн. человек в 1953 г. (плюс 2,5 млн. ссыльно-поселенцев в нач. 1950-х гг.). Население СССР перед войной составляло 196 млн. человек. Для сравнения: за такой же 30-летний «либеральный» период 1991—2020 гг. (до «пандемии») в России вымерло не менее 15 миллионов человек. По самым скромным подсчётам.

Чтобы стало понятнее, что это была за эпоха — первая половина XX века (по Гумилёву, апогей фазы этнического надлома в условиях разгула антисистем) — приведем следующее сравнение. В первую Отечественную войну 1812 года не нужно было призывать к патриотизму — на врага поднялся весь народ. (Акматическая фаза — максимум пассионарности при отсутствии этнических расколов, за исключением беспоповцев-радикалов.) А через сто лет, в конце Первой мировой войны, в стране уже всюду орудовала пятая колонна, и русские солдаты не воевали, а митинговали, забыв о всяком патриотизме.

В Великую Отечественную — выстояли, и был патриотизм. Но был и антипатриотизм. Не надо забывать, что на сторону Гитлера перешли не только прибалтийские, украинские, кавказские и другие националисты, которых в 1812 году по понятным причинам быть не могло, но и немало русских. Именно из них набирались власовцы, полицаи и другие предатели. Поэтому в этот период потребовался уже серьёзный аппарат насилия, в том числе войска НКВД, заградотряды и лагеря. Без этих карательных органов мы бы не выжили!

И о главном. Надо понимать, что в такие тяжёлые времена внутренних расколов и шатаний, какие пережила наша страна с конца XIX века по 1930-е годы, хорошо не бывает по определению. Бывает плохо, очень плохо и иногда, в перерывах между усобицами, — удовлетворительно. И предъявлять к большому обществу и его начальству завышенные требования — это всё равно, что требовать от хронически больного человека, чтобы он вёл себя как здоровый. Это же абсурд!.. Но именно этим уже много лет занимаются профессиональные антисоветчики и антисталинисты всех мастей. Кто-то от непонимания, а кто-то от злости. А многие и от того, и от другого... И вот эти последние — «от злости» — чужие для России люди. Беспризорники, выпавшие из русской истории.

Сталинская контрреволюция. Патриотический поворот 1930-х

С начала-середины 1930-х годов в стране происходит консервативно-патриотический поворот. Первым делом наводится порядок в культуре. В 1932 г. упраздняется нигилистический «Пролеткульт», отрицавший «отжившую старую культуру» и воспевавший нового героя — пролетария и новую цель — мировую революцию. Пролетарские поэты после революции 1917 г. писали: «Что нам до мудрости тощей/ Пепельной пыли веков./ Нашей бунтующей мощи/ Нет и не

будет оков!» и «Во имя равенства и братства,/ Германец, русский и француз,/ Сойдитесь с миром и сомкнитесь/ В один союз!..»

С конца 30-х годов происходит патриотический переворот в кинематографе, на котором так же лежала печать Пролеткульта. («Из всех искусств для нас важнейшим...» и т.д. — в контексте коммунистической пропаганды.) Снимаются мощные национально-патриотические фильмы: «Александр Невский», «Иван Грозный», «Минин и Пожарский», «Петр I», «Суворов» и другие. Такой же поворот происходит и в театре — он перестает быть «футуристическим» и «экспериментальным». Из художественного искусства удаляется дегенеративный «авангард»: малевичи, шагалы и мейерхольды уступают место художникам-соцреалистам в основном русского происхождения.

В 1934 г. реабилитируется и возвращается в школу история, которая с 1919 г. как отдельный предмет не преподавалась (!). Она была заменена обществознанием — теорией классовой борьбы и историей революционного движения. О патриотическом воспитании при этом не могло быть и речи, поскольку в программу обучения закладывалась четкая установка на космополитизм. Нарком просвещения Луначарский, который был одним из учредителей Пролеткульта, в 1918 г. «жестко критиковал Всероссийский учительский союз за стремление воспитывать в учениках «здоровую любовь к Родине»: «Я не знаю, что разумеется под здоровой любовью к Родине. Что это значит? Бросается в глаза нелепость такой постановки вопроса... Нужно воспитание интернациональное... Пристрастие к русскому лицу, к русской речи, к русской природе — это иррациональное пристрастие, которое отнюдь не нужно воспитывать»... Ну, разумеется, не нужно! Нужно воспитывать любовь к «Мировому Совнаркому» (формулировка одного из пролетарских поэтов).

В это же время реабилитируется классическая русская литература и оказывается поддержка писателям национального направления. Яркий пример — Шолохов, которого в 1938 г. затравили и почти подвели под расстрел троцкисты из Ростовского обкома и которого в последний момент спас сам Сталин. (Писатель скрылся из дома в Вёшенской, окольными путями добрался до Москвы и позвонил Поскребышеву. После рассмотрения дела Сталиным ростовские троцкисты были сняты и затем расстреляны...)

В связи с этим показательна история с бывшим пролеткультовцем Демьяном Бедным. В 1936 г. он написал либретто для оперы-фарса «Богатыри» А.П. Бородина, где высмеял обряд Крещения Руси. «Молотов, посетивший спектакль,

---

был разгневан произведением пролетарского писателя». Через несколько дней было принято Постановление Политбюро (!) о запрете пьесы Д. Бедного «Богатыри», где говорилось, что «опера-фарс чернит богатырей русского эпоса и антиисторически и издевательски изображает Крещение Руси», которое «для своего исторического этапа было явлением прогрессивным»... Ничего не скажешь, большевики-сталинцы умели работать оперативно. (На ум приходит случай с Ф. Киркоровым, безнаказанно оттоптавшимся на кресте!)

В результате Демьян Бедный, который когда-то имел успех у Ленина и Троцкого, был назван Сталиным халтурщиком и... действительно превратился в «бедного писателя» — был лишен личного ж-д вагона со всеми удобствами (!), автомобиля с шофером и квартиры в Кремле... Ну как тут не вспомнить крылатую фразу вождя: «Знаете, почему вы, Демьян, плохой поэт? Потому, что поэзия должна быть грустновата».

Возвращение к традиционным устоям происходит практически во всех сферах. Перед войной в армию возвращаются офицерские звания, в 1943 году — погоны; восстанавливается пострадавшее казачество. Происходят изменения в быту. Например, народу возвращается новогодняя елка, которая после 1917 года была объявлена буржуазно-религиозным пережитком

Показательно, что с середины 1930-х годов на фоне этого консервативного поворота в СССР происходит всплеск рождаемости, в том числе в репрессивные 1936—1937 гг. Это напрямую связано с появлением у людей уверенности в завтрашнем дне и осознанием новых смыслов существования после катастрофического периода революций, Гражданской войны и перегибов коллективизации... Конечно, кому-то могут показаться наивными те советские смыслы («мы рождены, чтоб сказку сделать былью!»), и в этом есть своя правда. Но!.. Но что у нас сегодня со смыслами?..

Конечно, помимо социальной стабилизации приросту населения способствовали такие следствия «тоталитаризма», как запрет на аборт (1936 г.), затруднение разводов, уголовное преследование за гомосексуализм (1934 г.), цензура в СМИ и главное — нравственное воспитание молодежи.

Это принесло свои плоды. Например, немецкие оккупанты были удивлены тем фактом, что подавляющее большинство советских девушек до брака сохраняли девственность. В этом смысле советская пропаганда 1930-х в корне отличалась от пропаганды свободной любви в «дикий» послереволюционный период 1917 — нач. 20-х гг.

Что же касается «консерватизма» самого Сталина, то можно привести отрывок из воспоминаний его охранника А. Рыбина: «Раз мы (со Сталиным) шли в Сочи мимо пляжа. Увидев жирных, развалившихся женщин с раскинутыми ногами, он весь передернулся: Какое безобразие! Пойдемте отсюда!»...

После «демократической» Февральской революции 1917 г. уголовное наказание за мужеложство и аборт было отменено. Троцкисты-антисистемщики эту отмену подтвердили и дали гомосексуалистам полную свободу. После распада СССР то же самое сделали их преемники — «либералы-реформаторы», захватившие власть в 1991 году (закон 1993 г.). Аборты разрешили раньше — при троцкисте Хрущеве в 1955 г.

Причина этой трогательной заботы об извращенцах со стороны реформаторов и революционеров («малого народа» по И. Шафаревичу) заключается в том, что среди антисистемщиков всегда был высок процент людей с психическими и сексуальными отклонениями, в т.ч. в латентной форме. Как показывает практика, свойственные антисистемщикам негативное мироощущение и метафизический нигилизм (термины Гумилёва) напрямую связаны с содомией, садо-мазохизмом, педофилией и прочими мерзостями. В Европе уголовное преследование за гомосексуализм впервые было отменено в ходе Французской революции в 1793 г., когда к власти пришли якобинцы-сатанисты... Поневоле напрашивается сравнение с «Островом Эпштейна».

Таким образом, при Сталине забота о детях и «крепкой советской семье» (которая отрицалась антисистемщиком Троцким) стала приоритетом государственной политики. Социалистическое государство, несмотря на ограниченность средств, вкладывалось в свое будущее. «Жить стало лучше... жить стало веселее!» — было сказано вождем именно в это время.

Но самое главное — в 1930-е годы происходит патриотический переворот в правящей элите: на смену коммунистам-инородцам приходят молодые пассионарии из низов, в основном русские, украинцы, белорусы. Они-то и спасают страну от нацистского ига в 1941—1945 гг., а затем вытаскивают ее из послевоенной разрухи.

Если посмотреть на сталинских наркомов, маршалов Великой Отечественной, директоров заводов и многих других советских руководителей той эпохи, то мы увидим, что подавляющее большинство из них вышло из народа. Как вспоминал Д. Устинов, ставший наркомом вооружений в 33 (!) года: «Сталин убрал этих... и призвал нас, русаков...»

Таким образом, с точки зрения этногенеза при Сталине происходит не просто смена правящего класса, а его русификация. Что, впрочем, не исключало наличия во властных структурах представителей других наций, поскольку Большая Россия (не весь СССР!) — это суперэтнос, в котором русские составляют государствообразующее большинство.

Конечно, эта сталинская «русификация» была относительной (по сравнению с инородческим перекосом 1920-х) и имела свои пределы, за которыми, как показало время, могла возникнуть опасность обвинений в «русском национализме». Имеется в виду «Ленинградское дело» 1949—1950 гг., многие фигуранты которого были недовольны ущемлением прав русских на территории РСФСР (России), которая «кормила» национальные окраины и при этом снабжалась по остаточному принципу. И кроме того, они были недовольны усилением кавказских кланов во власти (Берия, его люди: Кабулов (армянин), Деканозов (Деканозишвили), Меркулов (мать грузинка) и др. группы, в основном армяне и грузины).

И дело тут не только в кознях банды трех — Берии, Маленкова и Хрущева, подготовивших расстрельное Ленинградское дело. У Сталина, тоже была своя позиция по любой оппозиции, согласно которой все «уклоны» от генеральной линии были «хуже». Поэтому при всем уважении к достижениям «русского грузина» Сталина идеализировать его не надо. Вождь соответствовал эпохе.

Следующий важнейший шаг в консервативном направлении делается в 1943 году, когда по инициативе Сталина возрождается Православная Церковь. В Кремле 4 сентября 1943 г. проходит историческая встреча Сталина с митрополитами: Сергием (Страгородским), Алексием (Симанским) и Николаем (Ярушевичем). В ходе двухчасовой беседы оперативно решаются основные церковные вопросы: о созыве собора епископов, избрании патриарха и его титуле (патриарх Московский и всея Руси), об открытии духовных учебных заведений, издании «Журнала Московской патриархии» и, главное, — об открытии храмов для народа.

Показательный факт: когда митр. Сергей сказал, что для подготовки Поместного собора потребуется один-два месяца, Сталин возразил: «А нельзя ли проявить большевистские темпы?». И тут же дал команду доставить епископов с периферии в Москву на военных самолетах. Собор состоялся через четыре дня — 8 сентября 1943 г. Присутствовало 19 епископов, двое из них были освобождены незадолго до собора. Еще через четыре дня, 12 сентября, произошла интронизация патриарха. Темпы, действительно, были большевистскими.

И еще один эпизод. Когда Сталин объявил, что председателем Комитета по делам Церкви будет генерал НКВД Г. Карпов, митр. Сергей спросил: «Но разве это не тот Карпов, который нас преследовал?» — Сталин ответил: «Тот самый. Партия приказывала преследовать вас, и он выполнял приказ партии. А теперь мы приказываем ему быть вашим ангелом-хранителем. Я знаю Карпова, он исполнительный работник». Такова была эпоха...

Перед войной в стране осталось около трехсот действующих храмов (без присоединенных территорий на западе) с соответствующим количеством служащих священников. И только три действующих митрополита: Московский, Ленинградский и Киевский. (Кроме них, на свободе оставалось еще несколько епископов.) А к началу 1950-х годов в СССР было открыто около 14 тысяч православных храмов (цифра незначительно колебалась) и 9 духовных семинарий. Через десять лет, при Хрущеве, половина храмов будет закрыта. Одновременно будут закрыты все семинарии, кроме Московской, Ленинградской и Одесской.

Вывод. Таким образом, в 1930-е годы в СССР произошли не просто «изменения во внутренней политике», а самая настоящая консервативная революция сверху! Или, как справедливо говорил Троцкий, — «контрреволюция».

Секрет красного императора Сталина был в том, что он, в отличие от лидеров большевизма первой волны, оказался больше консерватором, точнее — реставратором, чем революционером. То есть — пошел в ногу с историей, потребовавшей от власти возвращения к традиционному обществу и традиционным ценностям в новых реалиях идеологичного двадцатого века (социализм—капитализм). Поэтому за Сталиным пошло большинство — и в партии, и в народе. А троцкисты-антисистемщики пошли против истории и были ею отброшены на обочину (жаль не все).

Итак, по факту, а не по риторике, цивилизационный подход взял верх над классовым: сработал железный закон этногенеза — пока на планете существуют пассионарные суперэтноты, национальное (т.е. этническое начало) всегда больше интернационального («классового», корпоративного).

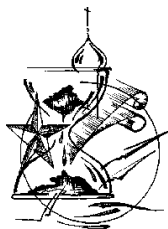
Последний пример срабатывания этого закона — провал глобалистов-финансистов с их проектами «Великой перезагрузки» и «Инклюзивного капитализма». Пускай пока только на мировом, а не страновом уровне, где еще остались пятые колонны... Однако, это уже другая тема.

КРАСНЫЙ КРЫМ

105 лет назад, 17 ноября 1920 г., эвакуацией из Крыма Русской армии Врангеля закончились бои Гражданской войны, хотя на Дальнем Востоке они продолжались ещё почти два года. Крым стал красным, белые проиграли. Причин их поражения несколько, и одна из главных — отсутствие политического знамени, под которое встала бы крестьянская масса России.

Однако 17 ноября окончилась не война, а только боевые действия регулярных армий — Красной и Белой. Сама же война в коренной России продолжалась по 1922 год, но это уже была война большевистской власти с русским крестьянством, попытка порабощения (в прямом смысле) завоёванного народа. (К слову сказать, попытка не удалась и работникам пришлось вводить НЭП.)

В Крыму большая часть белых, поверив большевистским обещаниям сохранить жизнь, а желающим — предоставить возможность выехать за границу, решила остаться в России и сложила оружие. Обещания оказались ловушкой. По приказу председателя Крымского ревкома — изошрённого палача,

УРОКИ ИСТОРИИ

«прославившегося» кровавыми вакханалиями («красным террором») на посту руководителя Венгерской Советской Республики в 1919 году, венгерского еврея Белы Куна и члена ревкома — садистки Розалии Самойловны Землячки (наст. фам. Залкинд, кличка «Демон») вскоре были убиты 120 тысяч русских офицеров, солдат, врачей, учителей и прочих «бывших» — 1/6 часть тогдашнего населения Крыма. Не пощадили даже 500 портовых рабочих, участвовавших в погрузке эмигрантских пароходов. Пулемёты в Крыму работали не переставая, пока «товарищ Демон» не скомандовала: «Жаль на них патронов. Топить, и всё!». Приговорённых к казни собирали на баржу, привязывали к ногам камни и сбрасывали в море. Часто казни совершались на глазах у жён и маленьких детей, которые стояли на берегу на коленях и молили о пощаде.

Крым стал Красным не только в переносном, но и в прямом смысле — от крови!

Историки единодушно считают, что «заводной ключ к механизму террора» находился в Кремле. Отсюда были посланы заправилы — Кун и Землячка, а также один из руководителей государства — Г.Л. Пятаков, направленный для общего руководства акцией. Участие в массовом терроре принял и будущий герой-полярник И.Д. Папанин, и, видимо, роль активную. В этот период он был комендантом Крымской ЧК и расстрелы проходили по его «ведомству». Хотя в воспоминаниях он писал, что старался придерживаться «революционной законности» (что это такое, до сих пор никто точно сказать не может), но о Землячке сохранил самые тёплые воспоминания и называл ее своим ангелом-хранителем.

Крымский террор по масштабам превзошёл все остальные (французские исследователи называли его «самыми массовыми убийствами за всё время гражданской войны»), но он был лишь одним из актов геноцида русского народа, одним из эпизодов Первого Русского Холокоста, организованного Лениным и его «гвардией» и продолжавшегося пять лет.

Принято считать главными организаторами террора в России кого угодно — Свердлова, Троцкого (Бронштейна), Зиновьева (Апфельбаума, Радомысльского), Дзержинского, Петерса и т.д., только не Ленина. Однако Владимир Ильич не только занимал достойное место в ряду террористов, но, принимая во внимание его статус вождя партии и государства, являлся вдохновителем террора.

«Чтобы стать властью, сознательные рабочие должны завоевать большинство на свою сторону: пока нет насилия над массами, нет иного пути к власти», — это написано вождём

еще до Октябрьского переворота (ПСС, т. 31, с. 147). Обратим внимание: речь идет о насилии не над классовыми врагами, а над «массаами», то есть над народом. Ленина интересовала только власть, ни о каких интересах «трудоового народа» он и в мыслях не имел, а «сознательные рабочие» — лишь ширма для прикрытия активистов РКП(б).

А это — через 1,5 месяца после переворота: *«Война не на жизнь, а на смерть богатым и прихлебателям, буржуазным интеллигентам... С ними надо расправляться при малейшем нарушении... В одном месте посадят в тюрьму... В другом — поставят их чистить сортиры. В третьем — снабдят их, по отбытии карьера, желтыми билетами... В четвертом — расстреляют на месте... Чем разнообразнее, тем лучше, тем богаче будет общий опыт...»* (ПСС, т. 35, с. 200, 201, 204). Поклонникам Ленина не надо хитрить и изворачиваться в поисках тех, кто начал Гражданскую войну. Гражданскую войну объявил Ленин.

Это — в августе 1918 г., в ходе продразвёрстки (телеграмма): *«Пенза, Губисполком. ...Провести беспощадный массовый террор против кулаков, попов и белогвардейцев; сомнительных запереть в концентрационный лагерь вне города»* (ПСС, т. 50, с. 143-144).

Это — в марте 1922 г., когда война с белыми уже полтора года как окончилась: *«...я прихожу к безусловному выводу, что мы должны именно теперь дать самое решительное и беспощадное сражение черносотенному духовенству и подавить его сопротивление с такой жестокостью, чтобы они не забыли этого в течение нескольких десятилетий... Чем большее число представителей реакционного духовенства и реакционной буржуазии удастся нам по этому поводу расстрелять, тем лучше»* (Известия ЦК КПСС, 1990, № 4, с. 192-193).

Это — в мае 1922 г. *«...Суд должен не устранить террор; обещать это было бы самообманом или обманом, а обосновать и узаконить его принципиально, ясно, без фальши и без прикрас»* (ПСС, т. 45, с. 190). В том же мае у вождя случился первый инсульт, и его творческая деятельность в области террора прекратилась.

И это чудовище в России возвели в ранг главного святого! Создали тысячи икон (портретов и скульптур), написали сотни молитв (стихов и поэм) и песнопений (песен, кантат и ораторий), провели сотни богослужений (торжественных заседаний, посвященных этому «святому»). Человеконенавистничество и патологическая жестокость, отсутствие понятий о правовых границах и человеческой морали есть психическая особенность всех революционеров. Великий Досто-

---

евский назвал их бесами. Таковыми были Кромвель в Англии, Марат, Дантон и Робеспьер во Франции, «нечаевцы» в России, «красные кхмеры» в Камбодже. Таковыми были и большевики.

Некоторые общественные деятели призывают КПРФ покаяться за преступления Ленина и его «гвардии». Но этот призыв, и даже призыв просто признать большевистский террор преступлением, бесполезен. Наоборот, Зюганов и К° продолжают превозносить и славословить Ленина, всякую критику в его адрес расценивают как кощунство, как посягательство на святыню. Даже телеканал «Спас», показавший документальный фильм о Ленине «Мумия», они требуют признать иноагентом.

Надо сказать, что действуют они успешно, ибо пользуются незатейливым, но эффективным пропагандистским приемом: замалчивают кровавые страницы Ленинианы и выпячивают светлые страницы жизни СССР, которые помнят люди старшего поколения и к которым Ленин и его «гвардия» не имеют никакого отношения. Ленин хотел строить совсем другой социализм — без денег, с прямым продуктообменом, с равной оплатой товарами и продуктами за труд, с общественным воспитанием детей, под общей крышей, то есть всеобщую казарму с общими женами и детьми. Всё — строго по «Манифесту Коммунистической партии» Маркса и Энгельса. Ради такого социализма большевики не останавливались ни перед чем. Остановили их только тамбовские крестьяне и кронштадтские моряки.

От редакции. Тот СССР, который мы, старшее поколение, знаем и помним, построил Сталин, при котором была расстреляна почти вся преступная «ленинская гвардия», засланная в Россию в ленинском пломбированном вагоне и на пароходе Троцкого. Именно Сталин стал строить социализм для народа в отдельно взятой стране, отказавшись от идеи «мировой революции». Вот потому идейный ленинец Троцкий и начал борьбу против Сталина, обвинив его в «нарушении марксистско-ленинских заветов».

ЛЕНД-ЛИЗ ДЛЯ ГИТЛЕРА

В юности я задавался вопросом: откуда Гитлер брал бензин, если Германия в конце войны находилась в полной блокаде?..

Оказывается в обществе, где всем правят деньги, совесть — это мешающий рудимент. Традиционная историография Второй мировой рисует картину, в которой США доблестно бились с Германией и её союзниками, бросив огромные силы и ресурсы на борьбу с врагом. Однако всё было не совсем так: американские толстосумы и их верные друзья в правительстве США долгое время не могли позабыть своего верного довоенного союзника — Гитлера.

Пока американские солдаты доблестно гибли в Сицилии и на пляжах Нормандии, в руки нацистов из США потоком текло топливо, шли запчасти и новейшие технологии.

В 1931 году американская журналистка Аннетта Энтон из «Детройт Ньюз» брала интервью у нового лидера Германии Адольфа Гитлера. Над рабочим столом главного нациста корреспондентка заметила портрет главного американского автодельца Генри Форда. В ответ на удивление Аннетты, Гит-

УРОКИ ИСТОРИИ

лер искренне сказал: «Генри Форда я считаю своим вдохновителем».

Форд далеко не случайно оказался в числе кумиров фюрера. Именно благодаря Форду, а также ряду крупнейших толстосумов США, произошел скрытый рост военного потенциала Германии. В предвоенные годы экономика рейха росла как на дрожжах.

Наверное, наиболее типичным представителем американского бизнеса и одновременно большого друга Гитлера можно назвать Генри Форда старшего. Будучи одним из главных воротил американского рынка, Генри Форд оказывал серьёзную финансовую поддержку НСДАП. В благодарность фюрер не только повесил его портрет в своей мюнхенской резиденции, но и с восхищением писал о Форде в своей книге «Моя борьба». В ответ Форд ежегодно поздравлял «своего немецкого друга» с днем рождения, при этом дарил ему «подарок» стоимостью в 50 000 рейхсмарок.

Еще до начала войны гитлеровцы получили от фордовских филиалов в Германии, Бельгии и Франции 65 тысяч грузовиков. Кроме того, филиал Форда в Швейцарии отремонтировал тысячи немецких грузовиков. Ремонтировал германский автотранспорт и швейцарский филиал другого американского автогиганта «Дженерал моторс», который по совместительству являлся крупнейшим вкладчиком германского автоконцерна «Опель», успешно сотрудничая с ним всю войну и получая изрядные дивиденды. Но Форд был вне конкуренции!

По словам американского военного историка Генри Шнейдера, Форд помогал немцам в получении каучука, жизненно необходимого для германской промышленности. Мало этого, до самого начала Второй мировой войны владелец автогиганта США поставлял Гитлеру военную технику, за что в честь 75-летия Форда фюрер наградил юбиляра высшей наградой третьего рейха для иностранцев — «Большим крестом Немецкого Орла». Немецкий консул даже совершил поездку в Детройт, чтобы лично повесить Золотой крест со свастикой на грудь автомагнату. Форд пришел в восторг от этой награды. На грандиозном праздничном обеде, организованном в день юбилея, 30 июля 1938 года, присутствовало свыше 1500 самых богатых детройтцев.

Даже с началом Второй мировой Форд не прервал сотрудничества с нацистами. В 1940 году Форд отказался собирать двигатели для самолётов воюющей с Германией Англии, в то время как во французском городе Пуасси его новый завод начал выпускать для гитлеровской армии авиадвигатели,

---

грузовые и легковые автомобили, поступавшие на вооружение вермахта. И после 1941 года филиал «Форда» в оккупированной Франции продолжал производить грузовики для вермахта, а другой его филиал, в Алжире, снабжал гитлеровского генерала Роммеля грузовиками и бронев автомобилями. Даже в апреле 1943-го, когда Советский Союз вёл кровопролитные бои с гитлеровцами, французские филиалы Форда работали исключительно для выгоды Германии. Грузовые «пятитонки» и легковые «Форды» были основным армейским транспортом вермахта. Главным для корпорации оставался вопрос прибыли, которую она старалась получить любой ценой. В конце войны авиация союзников разбомбила завод в Пуасси, но такой же завод Форда в германском Кёльне не тронула, хотя почти весь старинный город был разрушен. Что примечательно, после войны компания «Форд», как и её мощный конкурент «Дженерал моторс», благодаря усилиям крупных адвокатов, добилась от правительства США получения компенсации «за ущерб, нанесённый их собственности на вражеской территории».

«Форд» был далеко не единственной американской корпорацией, приложившей руку к созданию германской военной машины. К моменту начала Второй мировой войны совокупные вклады американских корпораций в свои немецкие филиалы и представительства составляли порядка 800 миллионов долларов. Вложения компании Ford — 17,5 миллионов, Standard Oil of New Jersey (ныне существующей под вывеской Exxon) — 120 миллионов, General Motors — 35 миллионов, ИТТ — 30 миллионов.

Так, для авиации рейха американские компании поставили тысячи авиадвигателей и, главное, лицензии на их производство. Например, двигатели BMW «Хорнет», которыми был оснащён самый массовый транспортный самолёт Германии «Юнкерс-52», производились по лицензии американской компании Pratt & Whitney.

Компании General Motors в Германии принадлежал Opel. На заводах этой компании штамповалась бронетехника рейха, а также почти 50% силовых агрегатов бомбардировщиков Junkers-88. В 1943 году немецкий филиал General Motors разработал и стал выпускать моторы для Messerschmitt-262 — первого реактивного истребителя люфтваффе.

Компания IBM за время Второй мировой сумела утроить свой капитал. Значительная его часть была получена за счет сотрудничества с Гитлером. Поставляемые через немецкий филиал счетные машины позволили нацистам в сжатые сроки провести перепись населения оккупированных стран и

определить количество лиц, подлежащих аресту (оборудование помогало методом перекрестного анализа выявлять даже тех евреев, которые уже несколько поколений тщательно скрывали свое происхождение). Своими счетными машинами, запчастями к ним и специальной бумагой IBM снабжала многие ведомства рейха, в том числе — концлагеря.

Разумеется, на словах правительство США противодействовало сговору американских же корпораций с нацистами. Например, в ходе войны был принят закон «Trading with the enemy act», предусматривавший суровые карательные меры за подобное сотрудничество. Но на деле многочисленные лоббисты, засланные толстосумами во все эшелоны власти, помогали тем обходить любые препоны.

Американский юрист Джеймс Мартин, выступивший среди прочих против практики экономического сотрудничества с врагом, в своей книге «Братство бизнеса» писал: «В Германии нам мешали не немецкие, а американские бизнесмены. Те, кто нам мешал, действовали из Соединенных Штатов, но действовали не открыто. Нам мешал не какой-нибудь закон, утвержденный конгрессом, не приказ президента США, не решение президента или кого-либо из членов кабинета об изменении политического курса. Короче говоря, формально мешало нам не «правительство». Но мешавшая нам сила, как это совершенно ясно, держала в своих руках те рычаги, при помощи которых обычно действуют правительства. Правительства перед лицом растущей экономической мощи относительно бессильны, и это, конечно, не новость».

Даже после того, как Германия объявила войну США, ряд крупнейших американских компаний при полном попустительстве Белого Дома продолжал сотрудничать с Гитлером! Нефтяная корпорация Standard Oil of New Jersey (Exxon) поставила нацистам бензин и смазочные материалы на 20 миллионов долларов. До самой высадки американских войск во Франции танкерный флот «нейтральной» Испании работал почти исключительно на нужды вермахта, снабжая его американским «чёрным золотом», формально предназначенным для Мадрида. Даже в первые месяцы 1944 года Германия реэкспортировала из Испании 48 тысяч тонн нефти ежемесячно.

То же происходило и с другим стратегическим сырьем — каучуком. В то время, когда Штаты оказались неспособны снабжать свою собственную армию сырьем, в частности, синтетическим каучуком, Standard Oil заключила сделку с гитлеровской Германией, согласно которой компания обязалась осуществлять регулярные поставки сырья, топлива и каучука за океан — в Германию, Италию и Австрию. В итоге,

---

американская армия осталась ни с чем — поставки необходимого сырья были расписаны кланом Рокфеллеров на 8 лет вперед. Когда США вступили во Вторую мировую войну, американское правительство было вынуждено договариваться с подставной английской конторой, продававшей каучук и другие необходимые ресурсы, купленные у германских концернов, которые в свою очередь отоваривались у Рокфеллера. Таким образом, когда американцы через третьих лиц приобретали свое же сырье, Standard Oil получала сверхдоходы и с той и с другой стороны.

В 1942 году в США грянул небольшой скандал: Standard Oil намеренно сократила поставки метанола для армии США. Метанол использовался для производства смазочных материалов на основе природного газа (необходимых авиации при полетах на больших высотах), уксусной кислоты (компонент взрывчатки) и синтетического каучука. Наконец, в 1943 году Рокфеллерами в оккупированную Францию было продано 25 тысяч тонн сульфата аммония (компонент взрывчатки) и 10 тысяч тонн хлопка, несмотря на то, что нехватка этих товаров остро ощущалась в Соединенных Штатах.

А еще к немцам из-за океана шло множество запчастей для авиационной и автомобильной промышленности, для танков. Особую ценность представляли 1100 тонн вольфрама, полученные в ходе войны Германией от США. Как известно, вольфрам был ключевым компонентом в производстве противотанковых снарядов и электронной промышленности.

Темная история была связана с концерном SKF — крупнейшим в мире производителем шарикоподшипников. В то время как гигантские партии подшипников (более 600 тысяч ежегодно) отправлялись через Южную Америку нацистским клиентам, Curtiss-Wright aviation corporation, производившая двигатели для американских ВВС, долгое время вообще не получала от SKF заветных стальных шариков. Pratt & Whitney — еще один производитель авиадвигателей — из-за срывов поставок подшипников от SKF также был вынужден сократить объемы производства. Из-за изношенных деталей самолеты терпели аварии, гибли люди, часть новых машин вообще не могла подняться в воздух, но SKF интересовала лишь прибыль, а немцы платили больше.

Когда 14 октября 1943 года командующий армейской авиацией США генерал Генри Арнольд отдал приказ совершить воздушный налет на шарикоподшипниковый завод SKF в немецком Швайнфурте, противник каким-то образом прознал об операции и сумел подготовить оборону, сбив в результате 60 американских самолетов. 19 октября Арнольд без

обиняков заявил лондонской News Chronicle: «Они бы не смогли организовать оборону, если бы не были предупреждены заранее». Кто предупредил немецкий филиал, думаю, объяснить излишне.

Помогли американские корпорации рейху и с военными разработками. В разгар войны специалисты контролируемой Морганом многонациональной телефонной корпорации США «Интернешнл Телефон Телеграф» рука об руку работали с немецкими коллегами на территории Швейцарии, имея отличную крышу со стороны германских спецслужб. Одним из акционеров ИТТ был начальник политической разведки Службы безопасности Вальтер Шелленберг. А глава ИТТ полковник Состенес Бен в разгар войны оказывал нацистам помощь в совершенствовании управляемых авиабомб. С помощью таких бомб немцы варварски разрушали Лондон, потопили и повредили множество судов, среди которых по иронии судьбы оказались и американские, например американский крейсер «Саванна».

Когда на Нюрнбергском процессе судили президента «Рейхсбанка» и гитлеровского министра экономики Ялмара Шахта, он припомнил о связях «Опеля» с «Дженерал моторе» и предложил посадить на скамью подсудимых капитанов американского бизнеса. Разумеется, предложение не было принято...

НА ПОРОХОВОЙ БОЧКЕ

1

По первейшей сейчас внутренней проблеме России, миграционному кризису, который, действительно, превратился в пороховую бочку, готовую к взрыву в любой момент, вернёмся к отдельной, но показательной обстановке в Перми. Почему власти столь ретиво делают из русского города мигрантский питомник? Почему, в частности, упёрто не замечают и даже поощряют дерзкое возведение мигрантской мечети в чисто русском микрорайоне Перми (Верхняя Курья) вопреки мнению местных жителей? Впрочем, как увидим ниже, в других микрорайонах Перми ситуация никак не лучше.

Жители микрорайона Верхняя Курья города Перми буквально взывали и взывают о помощи и просят не допустить строительства мигрантской мечети. Люди заявляли, что боятся соседства с мигрантами, потому что опасаются всплеска преступности и нападения на детей и женщин. А в случае размещения мечети толпы мигрантов ринутся в их микрорайон.

И как реагирует власть? Несмотря на то, что именно пермяки и жители микрорайона выражают государственные интересы России по мигрантской проблеме, органы управления всех

РУССКИЙ МИР

уровней продолжают процесс возведения мечети. Более того, на местном уровне наблюдается, мягко говоря, прессинг на активистов инициативной группы, противостоящей мигрантскому нашествию. Кого запугивают, на кого составляют всякие «дела», на кого воздействуют иными мерами. Так, в Перми продолжают репрессии в отношении неутомимого борца за национальные скрепы государства Российского Романа Юшкова.

Но теперь о том, чем заканчиваются все эти миграционные игры конкретно в Перми. Этот город можно рассматривать как макет того, что будет по всей России, если не предпринимать экстренных мер в сфере национальных отношений и миграционной политики.

Что там произошло на сей раз, понять точно не представляется возможным. Точнее, неясно, что стало спусковым крючком, как пишут, «бунта на пороховом заводе», потому что региональная и городская власть привычно всё затуманивает в стиле «всё хорошо, прекрасная маркиза».

6 августа я обратил внимание на сообщения СМИ о том, что в Перми иностранцы, работающие на пороховом заводе, устроили массовые беспорядки. Или — в российском регионе вспыхнули мигрантские волнения, на улицы вышли толпы иностранцев, работающих на пороховом заводе. Кроме упоминания мигрантского беспредела, здесь бросается в глаза, что беспорядки происходят на режимном объекте ВПК, да ещё во времена СВО. Подумалось, неважно даже по какой причине волнения, главный вопрос в том, как допустили это на пороховом заводе?!

Вот к чему приводит тезис о «дешевизне» рабочих рук, которым пичкают нас в обосновании мигрантских потоков в Россию. Хотя сам тезис спекулятивный. Давно доказано, что мигрантам платят зарплату такого уровня, что и местные жители шли бы на эту работу с огромной охотой, но их на неё не приглашают, а искусственно заполняют рабочие места гастарбайтерами.

Итак, разобраться 6 августа в причинах «бунта» было невозможно. Версии разнились. Кто-то говорил о том, что прецедент возник после того, как группа мигрантов оскорбила местную жительницу, за которую заступился её муж. Иностранцы чуть не растерзали супругов, если бы не вмешательство полиции, но озлобленная толпа напала и на стражей порядка. Повторяю — это одна из версий. По другой версии, настоящей причиной напряженности стало недовольство иностранных рабочих задержкой зарплаты. В связи с этим работники вышли на забастовку на улицы, так как беседы с руководством их не удовлетворили.

И по второй версии тоже большой вопрос. Российские рабочие знают порядок решения трудовых споров, обращают-

---

ся в соответствующие инстанции, в суд и т.д.? А вот мигранты, если что не по их «понятиям», — сразу в бунт! Пишут, кстати, что конфликт достиг своего пика, когда один из лидеров (или — несколько лидеров) мигрантского сообщества, воспользовавшись громкоговорителем, начал выдвигать требования от имени всей диаспоры.

Разные сообщения по Перми сходились лишь в том, что ситуация развернулась в правобережном микрорайоне Перми — Новый Крым. Отмечалось, что мигрантов из стран Средней Азии централизованно завезли для работы на Пермском пороховом заводе в связи (как это знакомо!) с кадровым дефицитом. Мужчин поселили в бывшем детском саду и профилактории. Таким образом, в центре жилого квартала возник анклав из граждан ближнего зарубежья.

А почему сложно разобраться в причинах бунта? Потому что ГУ МВД по Пермскому краю (и тоже: как это всё знакомо!) сразу опровергло распространяемую в СМИ информацию о якобы имевших место массовых беспорядках в микрорайоне Новый Крым Кировского района Перми. Мол, «никаких нарушений общественного порядка со стороны иностранных граждан зафиксировано не было, а полиция осуществляет плановые мероприятия по охране правопорядка».

Но на следующий день «Первый Русский» продублировал информацию о беспорядках в Перми и версиях произошедшего. «Гости» качают права, а власти им «подыгрывают». Русским становится «тесно» в родном городе», — заключил телеканал.

Попутно «Царьград» напомнил о некоторых недавних случаях в Перми. Например, о том, как житель многоквартирного дома в Перми стал свидетелем необычного зрелища, выглянув в окно. Он заметил, как во дворе собралась большая группа мигрантов, среди которых были женщины с детьми. На парковке они устроили своеобразное мероприятие: постелили ковры, накрыли столы и включили восточную музыку на полную громкость. «Такого я ещё не видел!» — воскликнул мужчина.

Также «Царьград» напоминает, что Пермь удивила на День Победы. 9 Мая там состоялся многонациональный концерт, который у многих вызвал противоречивые эмоции. Власти Перми зачем-то делают из родного города «дружбонародный» филиал, прославляя этносы, которые поселились в городе благодаря «эффективной» миграционной политике государства. «Почему выходит так, что «гости» качают права, а власти им подыгрывают?», — задаётся вопросом канал.

Также напоминает о другом недавнем инциденте в Перми, когда в одном из детских садов на дне открытых дверей

90% мам пришли в платках. Эти женщины, в основном мигрантки из Таджикистана, выразили желание, чтобы местные дети начали изучать таджикский язык для лучшей адаптации, поскольку их дети не понимали ни воспитателей, ни сверстников.

На родительском собрании детского сада в Перми таджичка учила наших мам дастархану. Простая молодая русская женщина тогда писала: «Вчера я была потрясена, посетив родительское собрание в детском саду, куда ходит моя трёхлетняя дочь. Вместо привычных разговоров о наших детях, их развитии, творчестве и утренниках я оказалась в мире, где всё было чужим: люди, языки, непонятные для меня обычаи и даже запахи. Я живу не в Таджикистане, не в Узбекистане, но в своем родном городе в тот момент я почувствовала себя чужаком. Большинство мам детей явились на родительское собрание в хиджабах, что, честно говоря, повергло меня в шок. Это абсолютно чуждая для нас культура, и я вынуждена была задуматься о смене садика, иначе существует риск, что моя дочь просто растворится в этом совершенно чужом для нас мире».

Но вернёмся к последнему случаю с массовыми беспорядками. Через два дня после их начала «Царьград» сделал уточнение, из которого, впрочем, ясности не прибавилось. Агентство зафиксировало: «В Перми разгорелся спор о событиях в микрорайоне Новый Крым: Русская община заявила о массовых беспорядках с участием мигрантов, а полиция это опровергает... Тем временем певица Виктория Цыганова заявила, что причиной напряженности стало проживание большого числа мигрантов в переоборудованном детском саду, что привело к ухудшению криминогенной обстановки. В то же время Telegram-канал «Многонационал» утверждал, что настоящей причиной скопления людей стала задержка зарплат и следовавшая забастовка, но на видеозаписях не видно никаких беспорядков. В МВД подтвердили усиление патрулей, но не назвали причину. Таким образом, причины и масштабы произошедшего в микрорайоне Новый Крым остаются предметом споров».

Так кто же стоит на государственных позициях? Те, кто довёл ситуацию в Перми до «бунтов» и игнорирования элементарных вопросов национальной безопасности? Или сообщество жителей, что выступают против строительства мигрантской мечети?

Разве происходящего в Перми мало для осознания властью, что будет со всей страной?! Власти сами породили эти проблемы, а теперь смущаются признаться, к чему это приводит? Или намерены дожидаться взрыва пороховой бочки?..

На нашествие мигрантов в Россию, кажется, работают все деструктивные силы в мире, которые только возможны. Государство же наше не просто не ограничивает миграционные потоки, но своей глупой миграционной политикой, а также привилегированными по сравнению с российскими гражданами пособиями и социальными гарантиями, квотами на работу и т.д. для мигрантов способствует этому.

На глазах создаётся и усиливается «антирусский интернационал», создаются целые этнические анклавы в крупных городах России. Этническая преступность в стране даже по официальным данным (до сих пор принято скрывать большинство преступлений, совершенных мигрантами, пряча их под «бытовуху») увеличивается катастрофическими темпами из года в год.

Повторю, к чему неоднократно призывал. Просто вопиет необходимость кардинальных мер! Именно — кардинальных, потому что ситуация доведена до степени, когда остаётся внешним и внутренним врагам только вбросить спичку, разгорится — не остановишь. Никакие экзамены на знание русского языка мигрантами, чем предпочитают заговаривать вопросы, уже не помогут. Всё это уводит только в сторону от проблем. Дерзновенное поведение в России демонстрируют как мигранты, абсолютно не владеющие русским языком, так и те, которые приемлемо изъясняются на русском языке. Сейчас крайне необходима замена лиц во власти, отвечающих за госнацполитику и миграционные потоки, полный административный запрет на приток новых мигрантов из стран Средней Азии, Ближнего Востока и Южного Кавказа. Также — принудительная депортация всех мигрантов, нарушающих законодательство о постановке на миграционный учёт и не занятых реальной трудовой деятельностью. Кроме этого — прекращение деятельности или взятие под жёсткий контроль всех южных и восточных национальных диаспор и общин на территории страны, которые в основном только тем и занимаются, что «крышуют» сомнительные схемы и покрывают преступные деяния своих соплеменников, способствуя тем самым разгулу коррупции в стране.

Как пишут, под видом братской миграции в Россию в сети распространяются опасные видео с ваххабитскими посланиями. Речь здесь об арабоязычных роликах, распространяемых в основном в арабских странах, странах Средней Азии и Южного Кавказа, но и не только. Интернет ограничений, как известно, не имеет. В них — призывы не просто приехать на заработки, а захватить страну изнутри. За миллионы долларов продвигается идея: Россия — пустеющая, без мужчин,

---

безвольная, готовая быть «взята» без войны. И никто не спешит в государстве Российском остановить эту пропаганду. Даже не высказывается оценка русофобской «рекламе» со стороны российских органов власти. Как так? Почему?

Газета «Аргументы недели» констатирует: *«В глобальной сети Интернет, словно ядовитые змеи, расползаются видеоролики, пропитанные ядом ваххабизма. Это уже не завуалированные предложения о работе, а открытый призыв к захвату страны изнутри, к «тихой оккупации». Огромные финансовые потоки направлены на то, чтобы посеять мысль о слабости России, о нехватке мужской силы, о параличе воли, чтобы соблазнить мыслью: «Берите её голыми руками!». И никто не спешит остановить эту вакханалию. Мы часто говорим о гибридной войне, но поток радикальной миграции — это не просто экономика. Это идеологический троянский конь, завернутый в соцпособия и лояльность. А внутри — нетерпимость, шариат и доктрина захвата. Кто-то думает, это бред? Посмотрите на Францию, на Швецию. Там всё начиналось так же. Сегодня школы горят, суды боятся, районы не контролируются. Смысл кампании прост и циничен: Россия беззащитна, её женщины податливы, ваши братья уже здесь, государство даст всё, Аллах с вами. Идеальная приманка для обездоленных, озлобленных и радикально настроенных молодых людей, которыми кому-то нужно заполнить нашу Россию... Но тогда почему на это нет никакой реакции? В высоких кабинетах об этом не знают? Или знают, но молчат? Почему молчат СМИ — понятно, боятся обвинений в экстремизме. Но почему молчат те, кто должен защищать страну и народ? А ваххабиты не дремлют. Они заливают эфир «рекламой вторжения». Они уверены: Россия созрела. Создается впечатление, что кто-то намеренно ослабляет страну, подрывает ее изнутри. Вопрос не в том, что все мигранты плохие. Это не так. Вопрос в том, что нельзя допустить бесконтрольный ввоз людей, среди которых есть те, кто представляет реальную угрозу. Иначе «Крокус» покажется цветочком на фоне возможных ягодок от ваххабитов...»*

Издание говорит о том, о чём я пишу пятнадцать лет. И приводит перевод ролика: *«Братья, приезжайте в Россию. Но уже не на работу, а навсегда! За это местное правительство вас вознаградит щедрыми подарками и русскими женщинами! У русских сейчас демографический кризис. Большая проблема с мужчинами. Одни — уехали на войну и там погибли. Другие — не заводят семью или имеют одного ребенка. Третьи — уезжают из страны. Наши братья-мусульмане, уже там живущие, помогут вам адаптироваться в новой*

---

*стране. И тогда, уже скоро — эта страна станет ВАШЕЙ!
Да поможет вам Аллах!»*

Это — не просто русофобия. Это — призыв к уничтожению России.

3

В дни освобождения Мариуполя, в марте 2022 года, когда стали понятны масштабы разрушения города, в материале «Так Русь или один сплошной Самарканд?», я предрекал, что с такой-то миграционной и трудовой «политикой», город, как, впрочем, и остальные освобождённые территории будут наполнять мигрантами. Говорил, что «пятая колонна» обязательно воспользуется ситуацией для направления миграционных потоков в освобождённые новые регионы под лживой эгидой «дешевизны рабочей силы». Чуть ниже, кстати, мы увидим, насколько «дёшева» «дешевизна рабочей силы».

И писал тогда, что если сразу во власти не предпримут упреждающие меры, то будет происходить то, что и творится сейчас. А именно: «Рано или поздно встанет вопрос о восстановлении разрушенного на т.н. Украине, в частности — о стройках и рабочей силе на них. Множество бывших украинцев разбежались в Европу и Россию, территории на какое-то время будут опустошены. Не для того ли, в частности, держат в готовности миграционные потоки из Средней Азии и Кавказа, чтобы направить их на освобождённые территории в Малороссии под видом восстановления разрушенного, чтобы заселить мигрантами тамошние земли, не дать в спокойном темпе возвратиться домой одумавшимся бывшим украинцам, которые временно забыли, что они — русские? И что тогда будет с городами и весями т.н. Украины?»

Говорил об этом сразу, весной 2022 года, но никто во власти не обратил внимания на эти слова, а потому всё шло и идёт как по писаному. Таким образом, дискредитируется и СВО, и присоединение к России «новых старых» регионов, потому что местные жители, русские, видят, что происходит освобождение от одного засилья (русофобской киевской хунты), но тут же насаждается другое — русофобское мигрантское.

В середине 2023 г. в материале «Такая госнацполитика — не геноцид ли русских?» говорил, что паблики пестрят сообщениями о наплыве южных гастарбайтеров в новые регионы. В частности, рассказывал о выводах известного общественного деятеля Михаила Маваша при его посещении Мариуполя. Он констатировал, по свидетельствам местных жителей, что таджиков уже тогда была просто тьма, завозили их уже семьями с детьми. Причем тезис адептов миграции о

том, что местным нужно платить больше, чем мигрантам, подтверждался наоборот. Зарплата на стройках более чем солидная, местные желают устроиться на работу, но не могут. Это ли не ущемление прав по национальному признаку? Коренным жителям платят меньше, чем мигрантам, преимущество в трудоустройстве отдаётся приезжим. Сами же жители были уверены в том, что после строительных работ, мигранты не уедут, а заселятся в возведённые дома и останутся здесь с семьями навсегда. Как и предполагал изначально, многонационалов сразу ориентировали на постоянное место жительства здесь. Это были не вахтовики.

После того, как в Мариуполе «процесс пошёл» уже полным ходом, в апреле 2024 года глава фракции «СРЗП» в Госдуме Сергей Миронов оголил проблему, заявив, что жители Мариуполя жалуются на заполонивших город мигрантов, живущих по своим порядкам. Сергей Михайлович отметил, что аналогичная ситуация наблюдается и в других населённых пунктах, перешедших под контроль России.

Ответственность за приезд мигрантов Миронов возложил на Минстрой России. Ну а этим министерством руководит Ирек Файзуллин, подчинённый Марата Хуснуллина. Миронов считает, что застройщики города «тиражируют свою излюбленную бизнес-модель». По словам политика, приезжих заселяют в неподлежащие продаже квартиры в уже отстроенных домах в качестве оплаты труда. «Вопросы — к Минстрою и подконтрольной ведомству компании «Единый заказчик», при попустительстве которых происходят подобные безобразия», — констатировал Миронов. По его утверждению, большое число мигрантов в Новороссии дезавуирует политический успех Москвы в регионе, так как даёт некие козыри Киеву. «Радость освобождения от укрофашизма и возрождения родного города у мариупольцев сменилась недоумением и тревогой, когда сюда хлынул поток мигрантов... Лучшего подарка укронацистской пропаганде трудно придумать», — пояснил он.

В апреле-мае 2024 года после вмешательства главы Госдумы кто-то зашевелился в исполнительных органах. Сообщалось, что в Мариуполе оштрафовали аж 18 (!) незаконных мигрантов и аж троих (!) выдворили за пределы России. Об этом отчитался Глава Республики Денис Пушилин. Но в Мариуполе их, мигрантов, только по официальным данным, 15 тысяч! А сколько неофициально?

Ещё через месяц в 2024 году поведали, что сотрудники ФСБ по ДНР совместно с республиканскими МВД и Росгвардией провели рейд в Мариуполе и Волновахском районе по выявлению мигрантов, незаконно находящихся на территории

России. Тут уже 49 мигрантов привлекли к административной ответственности, а целых 33 из них выдворили за пределы России. А сколько мигрантов приехало в ДНР на следующий день? Скорее всего в десять или в двадцать раз больше.

В том же 2024 году Пушилилин в эфире телеканала «Россия» рассказал, что возникающие в ДНР проблемы с незаконными трудовыми мигрантами чётко решаются правоохранительными органами: «За два месяца на учёт встали и легально работают свыше пяти тысяч человек».

Но «незаконная» миграция ничем не отличается от «законной». Республиканские власти по отмашке некоторых федеральных структур переводят «незаконных» мигрантов, ставя их на учёт, в «законные». И ещё, скорее всего, в упрощённом порядке предоставляют гражданство. Оказывают, так сказать, им содействие, переводя в «тожероссиян». Но уменьшается ли от этого уровень преступности и дерзость поведения мигрантов? Нет, конечно. Просто проблема загоняется в ещё более безобразное состояние.

По моему мнению, боевой Донбасской республике нужен такой руководитель, каким является глава Крыма Сергей Аксёнов. Сергей Валерьевич постоянно призывает приступить к реальному разрешению миграционных рисков в стране. Он отмечает, что трудовым мигрантам необходимо запретить привозить в Россию семьи, а также исключить для них возможность получения российского гражданства на основании трудовой визы. С его слов, должны пресекаться «любые попытки формирования этнических анклавов», миграционная политика в России должна быть ужесточена, а трудовая миграция должна максимально контролироваться государством. И в этом направлении всё это делается на территории Крыма.

«Царьград» в ноябре прошлого года констатировал: «В Донбассе уже сейчас засилье мигрантов. И мириться с этим жители не хотят. Говорят: боролись с ВСУ и киевским режимом, а получили халифат. Как отмечают жители Донбасса, проблема заключается не только в том, что мигранты заняли рабочие места. Жители Донбасса пишут в соцсетях: «Выслать всех иноземцев-строителей, а вместо них набрать своих. Они заполнили республику. Это что, такой «Русский мир» будет теперь?»

Просматривая паблики на предмет преступлений и бесчинств мигрантов уже в 2025 году, приходится сталкиваться всё с большим числом сообщений на эту тему из «новых регионов» России. О чём мы предупреждали весной 2022 года — уже свершилось.

КОРЕНЬ ЗЛА

В общем хоре привластных экспертов и пропагандистов иногда обнаруживаются важнейшие заявления, дающие четкое понимание современного политического курса властей РФ и объективные характеристики состава и идеологии управленческой «элиты». Такие проговорки полезны, поскольку, не содержа в себе даже минимальной доли терпимости и уважения к русскому народу, рисуют реальную картину его современного и будущего бытия.

Недавно информационное агенство «Царьград» выложило в новостной ленте фрагмент выступления известного журналиста В. Соловьева. Данный приближенный к Кремлю персонаж активно изображает из себя русского национал-патриота и державника. Теперь русская общественность получила возможность узнать о реальной сущности «национал-патриотизма» в представлениях Соловьева и его властных кураторов. «Царьград» опубликовал заявление Соловьева в контексте критики современной миграционной политики властей, однако наиболее интересна вторая часть монолога. Приведем полную цитату: *«Кто-то посмел сделать русофобское высказывание? Вызвать посла, что-то не понял — тихо, аккуратно собрать диаспору, дать 24 часа*

РУССКИЙ ВОПРОС

на сборы и выслать. Как американцы. Этнические банды? Всю собственность описать, тут же собрать и очистить. Проблемы в каких-нибудь Котельниках? Завести туда дивизию Дзержинского, провести чистку и депортировать всех, кто нарушает российское законодательство... Если вы уважаете наше законодательство, если ваши сыновья отдадут долг служения Родине — вопросов нет. Вы получите всё. Будете пользоваться всеми благами и свободами, получите любовь и уважение. Посмотрите список героев России, там есть все национальности. У нас даже близко нет никакого национализма на государственном уровне. Президент нашей страны, говоря о себе в самом начале СВО, также перечислил практически все национальности, проживающие на территории нашей страны. У нас губернаторы, члены правительства — представители самых разных этносов. Русские, украинцы, евреи, немцы, армяне. Кого только не найдешь. У нас все есть и никакой проблемы в этом нет».

Прежде всего стоит отметить предельно циничный тон Соловьева, который сам по себе является ответом тем русским национал-патриотам, которые, особенно с начала СВО, усердно ищут признаки разворота власти к русскому народу. Указание на отсутствие национализма, причем именно русского (в общероссийском контексте о другом национализме речи быть не может), на государственном уровне — это указание на нежелание власти признавать государствообразующий статус русского народа и делиться с ним политическими правами и экономическими привилегиями. Из этого ключевого положения вытекают все частные констатации Соловьева.

Показательна его характеристика правительства и губернаторского корпуса. Он бравирует тем фактом, что управленческие структуры РФ в значительной степени дерусифицированы и заполнены иностранцами. Термин «иностранцы» может показаться, на первый взгляд, слишком сильным, однако верно отражает описанный Соловьевым национальный состав управленческих структур. В настоящий исторический момент представители указанных Соловьевым народов для русского национал-патриота действительно иностранцы. Русское национальное движение, с момента своего становления, всегда требовало законодательного разграничения представителей коренных народов России от представителей народов, имеющих свою государственность за пределами РФ. В данном контексте последние вполне логично должны иметь правовой статус подданных, а не полноправных граждан. Россия может оказывать таким лицам покровительство на определенных условиях, однако не может позволить им узурпировать политическую и экономическую власть и

формировать государственную политику. Все указанные Соловьевым народы имеют свои национальные государства за пределами РФ, поэтому их представители в РФ с точки зрения строгой юридической науки относятся к диаспорам. Диаспора понимается в политологической науке как замкнутая этно-религиозная группа, проживающая за границами собственного национального государства и отстаивающая в местах рассеяния его интересы. Все перечисленные Соловьевым национальности идеально подходят под это определение. Национальные государства евреев, армян, украинцев и немцев проводят последовательную русофобскую политику. Ни в одном из указанных государств русские не занимают не то что управленческих, но даже просто сколько-нибудь значимых постов, позволяющих влиять на общественно-политическую жизнь. При этом в РФ украинцы, евреи, немцы и армяне являются министрами и губернаторами, определяя своими решениями и действиями судьбу русского народа и других коренных народов РФ. В этом смысле страхи русских национал-патриотов, постоянно предрекающих о скором неизбежном вхождении диаспор во власть, несколько отстают от жизненных реалий. Диаспоры определенных народов, прямо названных Соловьевым, уже обрели полноту политической и экономической власти. Поэтому можно говорить лишь о скором и неизбежном вхождении во власть представителей среднеазиатских народов.

Можно возразить, что Соловьев специально провоцирует национальную рознь, передергивает факты и намеренно сгущает краски. Однако реальность свидетельствует об обратном. Ознакомление с находящимся в открытом доступе списочным составом управленческих структур РФ свидетельствует о правоте Соловьева. Действительно, в этих структурах совершенно очевидно наличие множества евреев, армян, украинцев и, в несколько меньшей степени, немцев.

Можно возразить, что в правительстве РФ и губернаторских креслах сидят какие-то другие украинцы, евреи, немцы и армяне, основная цель которых состоит в обеспечении сохранения и развития русского народа и других коренных народов России. Здесь возникает проблема национальной идентичности, которая требует специального рассмотрения.

Представители властных кругов РФ никогда не декларировали и не декларируют в условиях СВО свою русскую идентичность. Трудно вспомнить и факты их публичного отождествления себя с абстрактными «россиянами». Только наивные русские продолжают причислять их к указанным категориям. В контексте заявления Соловьева дальше обманывать самих себя русским национал-патриотам не следует. Если мы видим перед собой евреев, ар-

---

мян, украинцев и немцев, нет никакого смысла записывать их в русские или «россияне». Тем более, что никто из них не опроверг Соловьева, молчаливо признав тем самым правоту и справедливость его характеристики. Доказать лояльность представителей указанного этносов русскому народу невозможно, более того, такая лояльность противоречит элементарной логике формирования и развития национальной идентичности. Нет никаких причин, по которым бы украинцы, евреи, немцы и армяне в конфликте представителей своих диаспор с русским народом, вставали на сторону русских. И наоборот, абсолютно логично и естественно соблюдение ими прежде всего и преимущественно диаспоральных интересов при игнорировании прав русского народа. Нет никаких причин, по которым украинцы, евреи, немцы и армяне сочувствовали бы русским национальным интересам. И наоборот, совершенно естественно с их стороны полное игнорирование проблем русского народа. Поэтому заявления и действия правительственных украинцев, евреев, немцев и армян опровергают предположение о их сочувствии русским национальным интересам. Русский народ в РФ подвергается политической, экономической, социальной и культурной дискриминации, не в последнюю очередь благодаря влиянию диаспор, укоренившихся в органах власти. Властных многонационалов невозможно осудить за потворство своим соплеменникам, поскольку такого потворства требует их глубинная этническая идентичность, над которой они сами не властны. С этим фактом нужно считаться и принимать как объективную данность, уходящую корнями в недоступные социальному конструированию глубины личностного бытия.

Можно также возразить, что Соловьев в первую очередь упоминает русских, а затем представителей других народов. С одной стороны, это так. Действительно, русские в правительстве, губернаторском корпусе и других управленческих структурах есть, и их немало. С другой, есть ряд важных моментов, которые нивелируют сам факт их простого присутствия во власти. Во-первых, русские не занимают ключевых постов, позволяющих влиять на формирование политики. Они просто технические сотрудники, практически осуществляющие установки, исходящие от людей, обладающих реальной властью. А среди таковых русских практически нет. Во-вторых, находящиеся при власти русские имеют множество родственных связей, о которых рядовой обыватель практически ничего не знает. Зато о них прекрасно знают субъекты, ответственные за подбор управленческих кадров. Эти связи могут заставить русского человека, находящегося во власти, проводить антирусскую политику. В-третьих, русские управленцы имеют обширные деловые связи с предста-

---

вителями диаспор, что в принципе лишает их возможности идти против интересов многонационалов. В-четвертых, из родственных и деловых связей с диаспоральным элементом вытекает стойкая идейная приверженность русских управленцев к русофобии, толерантности и политкорректности. Подтверждением вышесказанному служит следующий очевидный факт: все русские, обладающие реальной властью, сейчас проводят русофобскую политику — заполняют страну в целом и отдельные регионы миллионами мигрантов, ретиво борются под видом противодействия экстремизму с проявлениями русского сопротивления, подавляют и размывают всеми доступными средствами русское самосознание. То есть практически обладающие властью русские осуществляют идейные установки евреев, армян, украинцев и немцев.

Поэтому всякий уважающий себя народ стремится создать свое национальное правительство и каждый развитый народ, по удачному выражению немецкого консервативного мыслителя Э.Ю. Юнга, имеет право управлять себе подобными. От правительства многонационалов невозможно требовать проведения русской национальной политики. Она может осуществляться только русским национальным правительством, состоящим из русских по происхождению и идейно-политическому мировоззрению деятелей, не имеющих родственных и деловых связей с диаспоральным элементом.

Формирование власти по оглашенному Соловьевым принципу «кого там только нет» ставит вопрос и о другой грани идентичности управленцев. Правящий интернационал для слаженного функционирования должен иметь общую мировоззренческую основу. На чем же с легкостью могут сойтись украинцы, евреи, немцы, армяне и связанные с ними обширными родственными и деловыми связями русские? Только на идейной русофобии, выражающейся в пресечении любых попыток русского народа построить собственное национальное государство, выражающее его законные права и интересы. Русофобия — главный двигатель политики властных многонационалов, поскольку приход к власти русского национального правительства означает их политическую ликвидацию. С этим связана и миграционная политика властей РФ. Не только русским мыслителям и политикам, но и простым здравомыслящим русским гражданам совершенно ясно ее полное противоречие любым рациональным доводам и простому здравому смыслу. Однако, с точки зрения правительства многонационалов, такая политика не только рациональна, но и является единственно возможной. Она обеспечивает постоянное политическое и экономическое ослабление русского народа и лишает его тем самым последних шан-

---

сов на создание собственного национального государства. Поэтому следующей по важности задачей после потворства представителям своих диаспор для властного многонационала является заселение России другими иностранцами с неизбежным последующим их вовлечением во власть. Собственно, это и имеет в виду Соловьев, когда говорит о том, что лояльные мигранты получают всё. Вот только лояльность от них требуется не к русскому народу, а к диаспоральным элитам народов, ранее расставивших своих представителей во власти. Третьей задачей власти РФ является всемерная поддержка этнокультурной обособленности и латентной этнократии в российских национальных республиках, позволяющая свести к минимуму политическое и экономическое влияние русских даже в тех регионах, где они составляют ошутимое большинство или значительный процент населения.

Таким образом, укоренившиеся во власти евреи, армяне, украинцы и немцы думают сперва об интересах своих диаспор, затем об интересах других общин иностранцев и в последнюю очередь — об интересах российских национальных меньшинств. Такая иерархия приоритетов вполне логична для власти, превратившейся в инструмент реализации амбиций всевозможных диаспор и национальных меньшинств РФ. Так же логично, что политические и экономические интересы русского народа для власти иностранцев совершенно безразличны. Для правящих иностранцев удовлетворение этих интересов будет означать немедленную ликвидацию их влияния на русскую жизнь. Поэтому им остается только ускорять миграционные потоки и потакать местным российским этнократам титульных республик, ожидая наступления момента, когда русский народ потеряет последние возможности для своего национально-государственного возрождения.

Вышеизложенные тезисы легко доказываются эмпирическими фактами. Мы знаем, что самыми успешными и влиятельными национальными группами в РФ являются группы диаспоральные. Причем именно те народы, которые пречислил Соловьев (возможно, кроме немцев), находятся на вершине пирамиды влияния. Они контролируют не только финансовый капитал, но и, что гораздо более важно, культурную, информационную и образовательную сферы. Ниже в пирамиде влияния находятся диаспоральные группы, обладающие широкими финансовыми возможностями, но не обладающие влиянием идейным и культурным (азербайджанцы, таджики, узбеки, киргизы и множество менее заметных диаспоральных групп экзотических народов). Их финансовое влияние держится на приватизации доходных объектов

торговли, монополизации целых экономических сфер (общепит, перевозки, доставка, логистика), различных теневых экономических схемах и откровенном криминале. Экономика РФ умышленно выстроена так, что высококвалифицированный труд русских специалистов приносит гораздо меньший доход, чем не требующий вообще никакой квалификации труд мигрантов на складах, в доставке, торговле и общепите. Таким образом, русские специалисты, особенно семейные, постоянно маргинализируются и опускаются на социальное дно, а не говорящие по-русски мигранты становятся по стандартам РФ чуть ли не средним классом. Еще ниже находятся представители элит титульных народов РФ и сами эти народы. В обмен на показную лояльность этим элитам оставлен их квазигосударственный статус, который, однако, не позволяет им (кроме элит отдельных мусульманских республик Северного Кавказа) реально влиять на внутреннюю политику и защищать интересы своих народов. Национальные республики также интенсивно заполняются мигрантами, как и русские области. В них также постоянно растет финансовая нагрузка на граждан, вынужденных, как и русские в своих регионах, содержать огромную массу мигрантов. При этом у титульных народов нацреспублик РФ хотя бы есть де-юре принадлежащий им национальный дом. И, наконец, в самом низу пирамиды влияния находится русский народ. У него нет политической власти, доходных экономических активов, культурного и идейного влияния и даже какой-либо официально закрепленной за ним территории проживания. Русский народ в современной РФ — бомж и нищий, с которым вполне логично никто не считается.

В итоге следует сказать, что русская национал-патриотическая общественность, как это ни странно прозвучит, должна быть благодарна В. Соловьеву за предельно четкий и ясный анализ национального состава управленческих «элит». Он не называет российских управленцев русскими, «русскими по духу» или «россиянами», а вполне определенно характеризует их идентичность, базирующуюся на этническом происхождении. Такой подход гораздо более объективен, чем фантазии некоторых известных русских национал-патриотов, которые считают, к примеру, что должность генерала российской армии автоматически делает любого нерусского русским. Фантазировать всегда проще, чем принимать тяжелейшую реальность в том виде, в котором она дана трезвому разуму. Однако без принятия всей глубины падения и порабощения русского народа в современной РФ совершенно невозможно наметить эффективные тактику и стратегию выхода из кризисного положения.

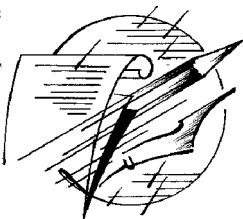
КАК С ГУСЯ ВОДА

Мишка Гусман

В материале 2020 года «Михаил Гусман и Саадат Кадырова как флагманы российских СМИ» наряду с другими проблемами я задавался вопросом: как оказался на должности заместителя генерального директора ТАСС, центрального информагентства России, Михаил Гусман? Это же ярчайший представитель «пятой колонны»! А то и того хуже — слегка припудренный, со слащавой риторикой, но откровенный враг России.

Ну ладно, оказался он на этой важной должности, предположим, по недоразумению. Но что же столь долго делает на этом посту Михаил Соломонович (с 1999 года), чем руководствуется в своей деятельности? Почему в государстве до сих пор (до 2025 года) никто этого не замечал?!

Впрочем, такая же история была, например, с Чубайсом. Все в органах власти знали, что Чубайс вражина России, но делали вид, что не догадываются об этом, несмотря на уможающиеся потери для государства от его «деятельности». И сколько таких сейчас на ключевых постах в государстве?! Несметная рать! Но их, пока дело не дой-

ЛИЧИНЫ ДЕМОКРАТИИ

дет вообще до ручки, никто не трогает. И, как увидим на примере Гусмана, «ты их в дверь, а они в окно».

Пять лет назад Михаил Соломонович Гусман перечислил в Фонд помощи вооружённым силам Азербайджанской Республики 50 тысяч долларов (во время Второй карабахской войны 2020 года), тем самым спонсируя чужую армию. Впрочем, вопрос непростой: гражданину Гусману армия Азербайджана чужая или своя? Если своя, то почему он гражданин России? И самое главное — как попал на одну из самых ключевых политических и информационных должностей России? Кто его туда «направил»?

Как уточнили СМИ, 50 000 долларов — это гонорар за одну из написанных Михаилом Гусманом книг. Он отказался от гонорара, перечислив его в Фонд помощи ВС Азербайджана. Михаил Соломонович Гусман (бывший первый заместитель генерального директора ТАСС, заслуженный журналист РФ, заслуженный работник культуры РФ, лауреат Государственной премии РФ в области литературы и искусства, кавалер орденов «За заслуги перед Отечеством» III и IV степеней, ордена Почёта, ордена Дружбы, нагрудного знака МИД России) и его старший брат Юлий Соломонович Гусман (худрук Российской национальной кинематографической премии «Ника», заслуженный деятель искусств РФ, постоянный член жюри Высшей лиги КВН, соучредитель Российского еврейского конгресса, экс-депутат Госдумы РФ от гайдаровского «Выбора России») родились и выросли в Баку.

Mediazona.az от 02.10.2020 сообщала: «Заместитель главы ИТАР ТАСС РФ Михаил Гусман прибыл в Баку. Во время беседы с общественностью Азербайджана он сказал: «Я вчера прилетел в Баку, чтобы в эти решающие дни быть вместе с моим народом. Армения доигралась...» Так, значит, «мой народ» для Михаила Гусмана — азербайджанский? Или ещё какой? Братья Гусманы граждане России. Юлий Соломонович — член президиума Российского еврейского конгресса. Но «свой народ» — азербайджанский. Так кто же они?

Чуть позже Михаил Гусман предпринял попытку не признавать своим пожертвование в 50 000 долларов, которые он направил на поддержку действий Азербайджана. Якобы, есть издательство, которое публикует книгу Гусмана, и руководство издательства приняло решение перечислить средства в фонд военных при правительстве Азербайджана. Нам-то, гражданам России, какая разница? Гусман, один из руководителей ведущего информационного агентства России, финансирует чужую армию, а не российскую.

Каким образом оказываются и что делают на ключевых постах в России такие люди? Если влѣгкую промониторить органы государственной власти, отечественные корпорации, российские СМИ, сферу культуры, финансовую сферу и многое другое, то окажется, что ключевые должности кишмя кишат такими персонажами. И речь, конечно, не только и не столько об азербайджанцах, а вообще и в целом. Почему в государстве не предпринимается системных мер? Будем ждать, пока эти «национальные группы» и «граждане мира» под водительством Запада и по западным «технологиям» объединят свои усилия против государства? Ведь так будет! Повторяю — так будет!.. Почему государство не выполняет своих функций в этих вопросах? В чём дело? Если дело в т.н. «пятой колонне», которая продолжает насаждать свои порядки в государстве, то разберитесь, выкиньте из органов управления врагов государства, находящихся во власти, и всех, к ним приближённых!..

И теперь о главном. Сколько вреда нанес национальным интересам России Михаил Гусман, находясь на одном из главных постов в ТАСС? Первое — это его непубличная, административная, негласная работа по созданию соответствующих акцентов и расстановке приоритетов в сообщениях информагентств, умалчивание значимых событий и выпячивание третьестепенных либеральных лиц и мероприятий и т.д. Ещё и публичные его заявления. Плюс — его «кадровая работа». Скольких таких же, как он сам, было им притянуто в информационную сферу страны? Они и сейчас там. А скольким истинным патриотам России, которые могли бы принести пользу государству, он закрыл доступ на работу?

Кто-нибудь это сможет оценить? Наверное, не сможет. Да и задачи никто такой не ставит. Да и службы государевой, которая отслеживала бы тлетворную деятельность всяких пятиколонников и «агентов» по политическим и идеологическим вопросам, у нас нет. Если в действиях должностных лиц отсутствует явное нарушение УК РФ — и ладно, твори что угодно. А что они, латентные враги, творят, как изгаляются над национальными интересами России, да в каких масштабах, на то и дела, похоже, никому нет.

И всё ж таки Мишка Гусман, казалось бы, допрыгался.

Председатель правительства Михаил Мишустин 24 июля освободил от должности первого замгендиректора ТАСС Михаила Гусмана. Иными словами, Мишустин его уволил. Это увольнение связано с участием в Шушинском глобальном медиафоруме в Азербайджане, во время которого Гусман высоко оценил внешнюю политику президента республики Ильхама Алиева.

Гусман 19 июля выступил на форуме в Степанакерте, где после заявлений президента Азербайджана Ильхама Алиева о том, что Киев «никогда не должен соглашаться на оккупацию», выразил восхищение им и назвал внешнейю политикой Азербайджана «уникальной». На форуме Гусман спросил у Ильхама Алиева, как тому удается проводить «уникальную внешнюю политику», и сравнил его с «виртуозом-скрипачом».

А о какой политике Алиева идёт речь? О русофобской! И на внешней арене, и внутри Азербайджана, и внутри России посредством азербайджанских диаспор.

И что же после увольнения? Как пишут, «Азербайджан бросился на защиту Гусмана». Нет сомнения, что и вся верхушка азербайджанской диаспоры в России озабочена тем, как оставить в России столь «уважаемого человека». Подключат, поди, и «цивилизованный Запад». Да и всяких должностей у Гусмана хватает и без ТАСС. За четверть века надавали ему в России регалий и медалей с лихвой.

Некоторые российские издания сообщили, что губернатор Санкт-Петербурга Александр Беглов принял на работу пресс-секретарём уволенного из ТАСС Михаила Гусмана. Впрочем, сам Гусман опроверг эти слухи, заявив, что информация о его возможном назначении пресс-секретарем губернатора Санкт-Петербурга не соответствует действительности, мол, «это всё фейки».

Полагаю, что это был не фейк, а один из сценариев, пока неудачный, «пятой колонны» по его устройству. «Ты их в дверь — они в окно».

В любом случае, на сегодняшний день Михаил Гусман продолжает вести цикл передач «Формула власти», также он является председателем российского комитета Международной программы развития коммуникации (МПРК) ЮНЕСКО. Он — вице-президент Всемирного совета информационных агентств, ответственный секретарь Всемирной ассоциации русской прессы, член комиссии РФ по делам ЮНЕСКО и член правления московского отделения Союза журналистов России (СЖР). Так что он продолжает свою тлетворную «деятельность».

Из «Крокуса» — в Эмираты

В своих материалах я неоднократно отмечал, что азербайджанские олигархи (многие из них — горские евреи), называющиеся почему-то российскими, глубоко инкорпорированы в российскую экономику и паразитируют на ней. Их бизнес-интересы лежат в следующих сферах: торговля, медиа и шоу, а также операции с нефтью и газом. Крупнейшие

бизнесмены, соответственно, представляют эти сферы в России. Среди активов можно выделить крупнейшие московские оптовые продовольственные рынки — притча во языцех, показатель и образчик всех миграционных проблем в России. Особая тема — представительство и влияние азербайджанцев в российских медиа, в частности — в ведущих государственных информагентствах. Не оттого ли ряд информагентств и центральных телевизионных каналов так тенденциозно расставляют акценты в освещении миграционной проблемы в России, оправдывая нашествие многомиллионных толп мигрантов на Россию.

И нельзя забывать об олигархах Агаларовых («Крокус Сити Холл»). Российско-азербайджанские (или еврейские?) олигархи, сразу после ужасного теракта заявили о том, что намерены просить помощи от государства российского и считают себя пострадавшими от террористической атаки. А материальный ущерб от теракта оценён минимум в 6 млрд. рублей.

Араз Агаларов, чей сын Эмин был в своё время женат на дочери президента Азербайджана Лейле Алиевой, имеет возможность прямых контактов с руководителями России и Азербайджана на высшем уровне и обладает немалыми потаёнными возможностями.

Более года назад я писал, что по-хорошему, как минимум, все активы Агаларовых должны быть переданы государству, национализированы, то есть — вернуться туда, откуда изначально у них и появились. За сотни погибших и пострадавших собственники Крокуса заслуживают тюремного заключения. Впрочем, говорил об этом в том смысле, как должно быть в идеале. А пока о национализации и об уголовном наказании Агаларовых и их приближённых верится с трудом. Кто же их посадит, они же — олигархи?!

Вот и ответ на вопрос, что нужно для наведения порядка в стране. Разбираться нужно, прежде всего, с «пятой колонной» в кадровом вопросе в государстве.

А вина Агаларовых просматривается. Хотя бы только в части того, что люди после теракта умирали от ожогов и угарного газа. При строительстве зданий «Крокуса» применялись дешёвые легкоргорючие материалы, не соблюдались элементарные строительные требования. Сразу после теракта эксперты говорили: «Взятки и халатность могли убить больше людей, чем террористы». Здания такого типа, как «Крокус», не должны так стремительно гореть. Судя по всему, не работала и система пожаротушения... Но кто же их посадит, они же олигархи?!

Почему дают им спокойно уходить от ответственности? Почему их не подвесили хотя бы на подписку о невыезде?

А дальше без комментариев, просто по мотивам сообщений СМИ.

«Рамблер-новости» сообщает: «Набрали кредитов в России и просто убежали».

Сайт «РуМафия» пишет: «Олигарх Агаларов сбежал из России накануне суда по теракту в «Крокусе». Миллиардер и владелец «Крокус Сити Холла» Араз Агаларов от греха подальше улетел в Азербайджан накануне начала судебного процесса по делу о теракте, в результате которого погибли 149 человек... По странному совпадению, концерт сына Араза Агаларова (Эмина) в Светлогорске, запланированный на июль, был перенесен на 2026 год. А что случилось? Похоже, Агаларов боится неприятных фактов, которые могут всплыть на суде по делу о теракте. Не удивительно, ведь за все вопросы безопасности в комплексе отвечала его структура. Особенно это касается пожарной безопасности. Известно, что во время нападения часть системы пожаротушения (осциллирующая система вдоль периметра зрительного зала) не работала, хотя должна была контролировать занавес и отсекал сцену от зрителей. Дымоудаление почти не работало, спасательные выходы были частично заблокированы... Разумеется, Следственный комитет возбудил уголовное дело об оказании услуг, не отвечающих требованиям безопасности. Но обвиняемыми по нему проходят два откровенных «стрелочника», сотрудники «Крокус Сити Холла». А ведь если Араза Агаларова и привлечь к ответственности, то начинать надо гораздо раньше — с масштабных распилов на строительных госконтрактах, которые российское государство щедро отсыпало олигарху несмотря на все нарушения и претензии контрольно-надзорных и правоохранительных органов. Вспомним хотя бы строительство первой очереди ЦКАД, участок которой делал Крокус Интернейшнл. Впоследствии за коррупционные преступления, включая незаконную выдачу двух миллиардов рублей аванса «Крокусу», в тюрьму отправился бывший глава Автодора Сергей Кельбах. Куда «Крокус» дел этот аванс — неизвестно, но Кельбах сидит, а Агаларов продолжает получать госконтракты из РФ. Правда, теперь находясь в Баку — рядом с давним другом и бизнес-партнером Ильхамом Алиевым. Видимо, так спокойнее».

РИА «Катюша» отмечает: «4 августа в Москве начался судебный процесс по делу о теракте в «Крокус Сити Холле»... Незадолго до начала процесса стало известно, что предприниматель Араз Агаларов покинул Россию и улетел в родной Баку. Араз и его сын Эмин Агаларов являются ответчиками по делам о нарушении правил безопасности в своем концерт-

---

холле, по уклонению от уплаты налогов, несоблюдению требований к охране и состоянию путей эвакуации.

Глава Федерального проекта по безопасности и борьбе с коррупцией (ФПБК) Виталий Бородин предложил изъять у семьи Агаларовых «Крокус». По словам Бородина, миллиардер Араз Агаларов и его сын Эмин фактически сбежали из страны, оставив за собой значительные долги перед банками... «Но в этот момент в Азербайджане за счет российских финансовых потоков шла грандиозная стройка, и младший Агаларов там раздавал интервью налево и направо. В частности, говорил о том, что из России они будут уходить. Вот она, обратная сторона работы этноОПГ и этнической олигархии, чувствующей себя хозяином в нашей стране: доят Россию — увозят бабло себе в страну, умывая руки от любой ответственности в РФ. А вот задержать этих «уважаемых» людей, пока они не слиняли, — это мы никак... В итоге имеем то, что имеем. Что ж, теперь ждем, когда владелец «Садового» и прочих миллиардных активов Год Нисанов покинет Россию. Очень на это надеемся.

Интересные уточнения содержатся на сайте The Financial Frontier. Вот лишь несколько фрагментов: «Баку превращается во «второй Дубай» Агаларовых. В Баку полным ходом идёт реализация амбициозного проекта Агаларовых: строительство насыпного острова в форме полумесяца с центральным небоскрёбом. Архитектор проекта — звезда из ОАЭ Шон Килла. Общий бюджет — около 3 млрд. дол. Эмин Агаларов лично следит за стройкой, контролируя каждый этап будущей «жемчужины» Азербайджана. Этот проект создаёт образ агрессивной глобальной экспансии семьи, оставляя Россию с накопившимися вопросами и недовольством обществу. Параллельно Агаларовы ведут переговоры по запуску проекта Sea Breeze Uzbekistan на берегу Чарвакского водохранилища (Узбекистан). Гигантский курорт с отелями, гольф-полями и аквапарком оценивается в 5—10 млрд. дол... Гигантские инвестиции в Азербайджан и Узбекистан поднимают один ключевой вопрос: для кого строятся эти острова, небоскрёбы и курорты? Очевидно, что речь идёт о тех, кто способен вовремя покинуть страну, когда становится слишком жарко».

Да, Агаларовы вдоволь подоили Россию. Вдоволь и наплевали на граждан России. Теперь можно в Азербайджане и Узбекистане отстраивать «острова, небоскрёбы и курорты» для «граждан мира». За чей счёт? Правильно — за счёт русских.

НАРОД ИЛИ «ПИЗАНЦЫ»?

Россия сегодня стоит перед вызовом, сопоставимым с рубежами 1612-го, 1917-го и 1941-го годов. Но отличие нынешнего момента в том, что враг стоит не только у стен, он внедрён внутрь башни, которая сама по себе уже накренилась. Вертикаль власти, которую так любили преподносить как символ устойчивости, всё больше напоминает Пизанскую башню. Она стоит, но стоит не благодаря инженерной гениальности, а вопреки законам физики. И если для туриста в Тоскане это повод сделать фотографию, то для России — это угроза обрушения. Враг ждёт момента, чтобы небольшой толчок превратил иллюзорную устойчивость в катастрофу.

Миф о «вертикали» сегодня — это дымовая завеса. СВО показала: никакой настоящей вертикали нет. Есть полувертикаль, полuisполнение, полуответственность. Указ сверху — искажён внизу. Приказ Верховного — интерпретирован «по-своему» в региональных администрациях. Стратегия центра — превращена в тактическую имитацию на местах. Это не вертикаль, а лабиринт перекошенных колонн, которые держатся на народной крови и народном труде. Система, которая должна

ВЫЗОВЫ ВРЕМЕНИ

управлять войной и мобилизацией, сама нуждается в том, чтобы её подпирали снизу.

Народ стал той подпоркой, без которой вся эта накренившаяся башня рухнула бы уже сегодня. Народ выносит мобилизацию, народ строит эшелоны снабжения, народ держит экономику в условиях санкционной блокады, народ хоронит погибших сыновей, а не элитные кланы. И в этом проявляется простая истина: народ — единственный настоящий фундамент государственности. Всё остальное — декоративные конструкции, которые сегодня трещат и осыпаются.

«История не терпит полутонов. То, что стоит криво, однажды рухнет. И рухнет на головы тех, кто думал, что обманул физику», — так справедливо сказал бы Михеев. Но власть продолжает жить в полутонах: половинчатая мобилизация, половинчатая идеология, половинчатая экономика. Всё — «ни вашим, ни нашим». Эта половинчатость и есть яд, разъедающий саму возможность победы.

Кургинян предупреждал: «Когда власть превращает политику в технологию, она теряет почву и становится игрушкой в руках чужих смыслов». Сегодня мы видим именно это. Элита, которая думает, что война — это просто новая технология контроля общества, ошибается. Война — это испытание истины. И если элита не в состоянии превратить народное самопожертвование в стратегию, то народ сам возьмёт на себя задачу выпрямления башни. По принципу: «горбатого могила исправит».

Ведь народ не имеет права на иллюзии. Народ платит кровью. Народ не может позволить себе роскошь политических игр. И потому именно народ сегодня — последний стратегический субъект, который удерживает Россию от обрушения.

Но народное усилие сегодня встречает сопротивление не только со стороны внешнего врага. Главный удар идёт изнутри — от тех самых «элит», которые привыкли воспринимать страну с «этим народом» как кормовую базу, а власть как механизм перераспределения ресурсов. СВО стала экзаменом для них, и они его провалили. Вместо консолидации — саботаж. Вместо мобилизации — имитация. Вместо национальной стратегии — попытка выторговать у истории себе персональные гарантии.

Власть требует от народа самопожертвования, но сама привластная элита жертвовать ничем не собирается. Она живёт так, словно страна не ведёт войну, словно это всё телевизионная картинка. Клань не отказываются от своих активов за рубежом, чиновники не меняют своего образа жизни, финансовые потоки продолжают обслуживать олигархический каркас. Народ воюет — а элита готовит реванш.

Реванш этот имеет вполне конкретное лицо. Оно давно нам знакомо — это маска девяностых. Это возвращение «мути», в которой можно продолжать приватизировать за гроши государственность, грабить и торговать страной. Это не отвле- чённая угроза — это прямой план, в котором ставка делается на подрыв народного представительства, на уничтожение любых ростков реального народоправия.

В этом ряду показательна история с ликвидацией партии Сергея Бабурина — «Российского общенародного союза» (РОС). Её скovyрнули почти незаметно, но символически — как предупреждение. Что это означает? Что в момент, когда народ ищет органическую форму своего политического представительства, эта форма методично вырубается под корень. Систему пугает даже тень народного движения, даже возможность появления точки сборки вне чиновничье-олигархического треугольника.

История Бабурина — это синдром. Это попытка окончательно лишить народ права на собственный голос.

Русский народ, лишённый своего органа политического присутствия, оказывается в положении Чацкого — изгнанника в собственной стране. Народ, который создал державу, пролил кровь за её сохранение, вдруг оказывается «лишним» для тех, кто называет себя «элитой».

Но зададим прямой вопрос: неужели «элитка» действительно хочет избавить русский народ от Родины и сослать этот разбушевавшийся «красно-коричневый Талибан» на мшистые топкие берега, заменив его халявными гостарбайтерами?! Ведь земля и промышленность остаётся в руках олигархата. Не пора ли отделить «котлеты от мух»? Иначе ростовщики-банкиры — заберут жильё за долги и сошлют «сброд», куда Макар телят не пас... Что и есть изгнание — «легитимное», но смертельное.

Никто ведь не отменил результаты бандитской «прихвату- зации» Чубайса. Никто не поставил крест на том, что русская земля и все «железки» на ней формально остаются достоянием оффшоров, западных структур, «семей» и «групп влияния». Народ умирает на фронте, а его земля — юридически и экономически — принадлежит чужим. Разве это не предательство национальных интересов? Разве это не тихая капитуляция?

Олигархат сегодня — это не просто клан Кореек, класс хищников, обогатившихся на разорении страны. Это — встроенный в тело России внешний агент (который кричит «держи вора» и хватает настоящих патриотов!), проводник чужобесной воли. Они держат счета на Западе, семьи — на Западе, имущество — на Западе, образование детей — на Западе. И в этом смысле они не просто «пятая колонна» — они сама инфраструктура, сквозь которую Запад вытягивает жизненные силы России.

Вот парадокс: мы ведём войну с НАТО, а ключевые механизмы собственности и управления остаются в руках людей, завязанных на натовскую систему. Это ли не стратегическая уязвимость? Мы строим оборонку, а металлургические и энергетические предприятия юридически и экономически завязаны на транснациональные фонды. Мы требуем мобилизации, а нефтяные сверхдоходы продолжают оседать на счетах оффшоров.

Кто-то спросит: «А разве это ново?» Нет, не ново. Но в условиях апокалиптической конфронтации, в условиях, когда уже нет полутонов, когда Запад прямо сказал: «Россия должна исчезнуть», оставлять в сердце страны этот чужой орган равносильно самоубийству.

Половинчатость кремлёвских инициатив здесь только усугубляет проблему. «Вертикаль» декларирует мобилизацию, но исполнять её никто не спешит. Верховный Политолимп посылает сигналы — но вниз они доходят в изуродованном виде: на местах царит саботаж, бюрократический сон, корысть и равнодушие. Накренившаяся «пизанская башня власти» продолжает уверять себя в устойчивости, а подпирают её не собственные опоры, а народное терпение и кровь.

В этой ситуации элиты рассчитывают: «Выстоим ещё немного, потом всё вернётся. Вернём девяностые, вернём рынок без правил, вернём власть капитала». Они мыслят реванш. Но что означает этот реванш для народа? Он означает новую волну изгнания — на сей раз окончательную.

Ведь если земля, заводы и ресурсы юридически и фактически принадлежат олигархам, а сами олигархи встроены в западную систему («ещё неизвестно, чья это элита» — считается афоризмом Киссинджера), то Россия превращается в геополитический протекторат ещё до (при таком-то предательстве) поражения на фронте. Тогда любой исход войны оборачивается поражением народа: даже если фронт удержим, внутренняя капитуляция сделает победу пустопорожней.

Мы стоим на пороге Последней Апокалиптической войны — войны не только за территорию, но за самую возможность быть народом. Это война, где вопрос не столько о политическом режиме, а о самом существовании Номо Рус. Либо народ отстоит свой имперски вечный исторический выбор, своё право на землю и духовное величие, либо его превратят в диаспору на собственной земле, в безмолвное стадо, обслуживающее интересы монстров — корпораций.

Смысл всей нынешней эпохи — в одном: либо Россия становится империей народоправия, держащей в руках свою землю, либо Россия исчезает. Другого не дано.

Народ сегодня обрекается на положение Чацкого, вынужденного «искать по свету, где оскорблённому есть чувству уголок». Так же и русское народовластие, изгнанное из политической системы, вынуждено скитаться, словно изгнанник в собственной стране. Его партии закрываются, его вожди маргинализируются, его голоса подменяются фальшивыми рейтингами. Так, проект ликвидации партии Бабурина стал символом: не просто юридической расправы над очередной неугодной «новым русским» организацией, а знаковой операцией против самой идеи народовластия.

Что это, если не попытка изжить саму возможность народной воли в политическом пространстве? Ведь Бабурин и его РОС были не столько политическим проектом, сколько символом исторической преемственности — голосом той самой России, что ещё хранит память о своей державности. Уничтожение этой партии — это не просто ликвидация структуры, это изгнание народа из политики.

Мы подходим к черте, за которой уже не будет полутонов. На пороге Последней Апокалиптической войны Россия не имеет права быть страной с чужой элитой и чужой экономикой. Народноправие должно стать не мечтой, а реальностью, потому что только оно способно разорвать этот замкнутый круг внутренней трясины — прогресса-регресса.

Что это значит на практике? Это значит национализацию стратегических ресурсов — не в стиле формальной «госдоли», а в стиле реальной народной собственности. Это значит демонтаж системы олигархической диктатуры, отнятие у элит права распоряжаться землёй и богатствами, которые им не принадлежат по праву (ведь они приобретали только «железки» на ней). Это значит возвращение политического представительства народу — не как декорации, а как механизма реального контроля.

И главное — это значит восстановление имперской логики, где государство стоит не на «башне власти», накренившейся и полагающей себя устойчивой, а на прочном основании народа как источника власти. Только тогда можно войти в Последнюю войну не с обречённостью, а с внутренним восхождением.

Сегодня мы обязаны признать: времени больше нет. Полумеры недопустимы. Народноправие и имперская мощь — это не альтернатива элите, это альтернатива гибели. И если мы не примем этого, если будем и дальше откладывать решение, то сами себя вычеркнем из истории.

КАК ПОДБИРАЮТ КАДРЫ?

По сообщениям российских СМИ, прокуратура просит изъять у бывшего замминистра обороны РФ Тимура Иванова 23 автомобиля (включая Packard 1942, Jaguar 1968, Bentley, Cadillac Escalade, Mercedes-Benz G63 AMG, ЗИС-110, ГАЗ-13, Москвич-412 и др.) и минимум 12 мотоциклов (среди которых Harley-Davidson, MV Agusta, Triumph, ретро-экземпляры). В списке земельные участки и усадьба, в которой, по задумке Михаила Булгакова, снимал квартиру главный герой романа «Мастер и Маргарита». Также изъятые катер, мотороллер, часы и антиквариат.

Российского обывателя такая информация вряд ли может удивить. Коррупционные скандалы, связанные с государственными служащими разных уровней — обыденная история в России! Хотя эти два случая отсвечивают особым цинизмом, поэтому и интересны с точки зрения анализа для людей системных, государственно мыслящих и понимающих, что вся деятельность крупных государственных компаний, министерств и ведомств, а в целом сложного государственного механизма строго регламентируется, в том числе и кадровая работа.

Поэтому и возникают вопросы: как такие люди, как Тимур Иванов или Василий Якеменко занимали высокие должности в государственных институтах?! Как такое возможно? Что не так в работе государственной системы подбора кадров? Почему она так легко пропускает такую сволочь на важные государственные посты?!

Возникают вопросы и к специальным службам России, которые, по идее, предусмотренными для этого регламентами должны отслеживать существенное расхождение доходов и расходов высокопоставленных чиновников России, пусть не всего многотысячного моря чиновников России всех уровней, на что никаких ресурсов спецслужб не хватит, но только лишь определенного уровня, где принятие решений влечёт за собой как великую пользу России, так и существенный

ущерб. И не важно, живем ли мы в коммунистическом СССР или в современной России, контроль за работой и в какой-то степени за личными расходами чиновников должен быть обеспечен путем создания специальных нормативных документов и инструкций. Или у нас в России изобрели какую-то новацию в государственной работе, когда высокопоставленные государственные чиновники освобождаются от какого-либо надзора со стороны спецслужб в силу их должности, и у российских спецслужб связаны руки? Или им разрешено только наблюдать за тем, как такие как Тимур Иванов или Василий Якеменко годами обворовывают российское государство и наносят ему ущерб, но без разрешения сверху не смеют их трогать? Это как-то регламентировано?

Далее... Ребром встает вопрос: как такие люди, как Тимур Иванов или Василий Якеменко проходят фильтры государственной кадровой системы? Неужели они полностью удовлетворяли требованиям государственной службы? Их моральные качества анализировались как-то, их связи? Или современная государственная кадровая система такими критериями не оперирует? Не обладает достаточной автономией и принципиальностью, чтобы не согласовывать протаскивание на какой-нибудь пост очередного подонка? ФСБ, которая проверяет бэкграунд кандидатов на высокие государственные посты, таких, как, например, Т.Иванов или В.Якеменко, торговавший по его словам в Люберцах наркотиками, ничего мешающего им занять государственные посты не нашла?!

Чего не хватает в работе государственной кадровой системы, чтобы заворачивать таких кандидатов на этапе рассмотрения? Полномочий? Требования к кандидатам слишком либеральны, не конкретны, не точны, не разработаны? Нет соответствующих регламентов, инструкций?

При таком низком, не эффективном уровне работы системы подбора кадров для госслужбы, которая запросто пропускает на важнейшие позиции в государстве воров, предателей и негодяев, помогут ли нашему государству, нашей стране широко разрекламированные кадровые программы? Скоро ли произойдут существенные изменения в вопросе смены элиты России с вороватой на преданную служению России? Думаю, если не совершенствовать деятельность системы подбора кадров для госслужбы, не совершенствовать критерии отбора, не осуществлять строгую и бескомпромиссную фильтрацию кандидатов, в том числе и по моральным признакам, улучшений не будет.

Меня давно мучает вопрос: как на определённых постах в российском государстве могут работать граждане, обладаю-

---

щие недвижимостью в других странах или чьи дети живут, например, в Лондоне? Не пора ли заканчивать с этим либерализмом! В стране огромное количество преданных России людей, которые из принципа никогда не приобретут недвижимость за рубежом, и их дети никогда не поменяют свое российское гражданство, потому что всё свое будущее они связывают с Россией. Именно такие люди и нужны нам на госслужбе!

Мария ДЕГТЯРЕВА,

доктор философских наук, кандидат исторических наук

«ПАЛОМНИКИ В НИКУДА»

Мы живем в удивительное время. Мы такие разные, мы по-разному смотрим на события истории, по-разному представляем себе будущее нашей страны, у нас разные вкусы, идеалы, представления о должностовании... Россия сегодня — это не одна страна, это, как будто, разные «цветовые» и оценочные спектры. Хотим мы того или нет, такова реальность. Но есть одно «но!» Уж очень непросто сейчас даётся сохранение гражданского мира на фоне внешнеполитических событий последних лет. Сегодня, наверное, как никогда, от каждого из нас требуется быть, прежде всего, человеком. Чуть более внимательным, чуть более трезвым, чуть более ответственным за мир в отношениях с теми, кто рядом. Просто человеком.

В прошлом году в Перми состоялось важное событие для православных христиан и для всех, кто с любовью и уважением относится к истории России и нашего города. После многолетних поисков с участием множества людей: историков, архивистов, представителей Православной Церкви, представителей Следственного Комитета в Перми было точно установлено место захоронения двух замечательных женщин — графини Анастасии Васильевны Гендриковой и Екатерины Адольфовны Шнейдер. Для православных христиан они не нуждаются в особом представлении. Это событие по-

---

лучило широкое освещение. А для людей светских — кратко: обе они были тесно связаны с семьей Императора Николая II. Анастасия Васильевна Гендрикова была фрейлиной Государыни и давала уроки литературы и истории царским детям. А Екатерина Адольфовна исполняла обязанности гофлектриссы и преподавателя русского языка и была незаменимой помощницей в повседневных делах Царской Семьи, имея за плечами опыт многолетнего служения в Московском Николаевском сиротском приюте.

Так вот, возвращаясь к вопросу о человеке и человечности. У обеих в 1917 г. был выбор: после ареста Временным правительством Царской Семьи можно было беспрепятственно уйти из Зимнего Дворца, предусмотрительно позаботившись об устройстве своей дальнейшей судьбы, а можно было остаться с теми, кому они были многим обязаны, и кто теперь оказался в крайне невыигрышном и опасном положении. Они остались. Не только остались, но и радовались возможности по-христиански послужить «бывшему Царю», «бывшей Царице», их детям, поскольку для них это были близкие и весьма достойные люди. Присутствие и поддержка графини А.В. Гендриковой и Е.А. Шнейдер в тот период были для Романовых незаменимы. Они последовали за Царской Семьей до Тобольска, пока их не разлучили и не этапировали в Пермь, заключив в губернскую тюрьму. Вся «вина» этих женщин заключалась в том, что они были приближёнными Романовых и искренне любили тех, кому служили. По отзывам современников, обе обладали незаурядными личными качествами: добротой, бескорыстностью, верностью, деликатностью, жертвенностью и милосердием.

В ночь с 3 на 4 сентября обе женщины были жестоко убиты как «заложницы» в пригороде Перми по постановлению Пермской Губчека, а тела их были брошены в канаве на границе ассенизационного поля.

В период Гражданской войны, весной 1919 г., когда город на время перешел в руки «белых», тела Анастасии Васильевны и Екатерины Адольфовны были найдены вместе с телами других «заложников» из числа мирных людей и захоронены на Егосихинском кладбище неподалеку от алтаря храма во имя Всех святых.

Вот такая предыстория. И еще одно: в 1981 г. в Русской Православной Церкви За границей обе они по образу жизни и мученическому исходу, к которому подошли с подлинным христианским смирением и мужеством, прославлены в лике святых. В Пермской епархии в настоящее время ведётся работа по подготовке материалов к их канонизации.

А пока Пермская митрополия сделала важный шаг — место захоронения А.В. Гендриковой и Е.А. Шнейдер точно воссоздано, приведено в порядок и выглядит красиво и достойно: два белых креста, лаконичные надгробия, легкая изящная ограда и парные стенды с их портретами и краткими жизнеописаниями.

Символический знак, важный, я думаю, не только для православных христиан. Это место полезно посетить для того, чтобы подумать, о том, кто мы, какие мы, побыть с ними один на один, попытаться представить себе, что должны были чувствовать они, будучи здесь, в нашем городе, «заключёнными без вины» и «заложницами» без преступных намерений? Глядя им в глаза, чистые и кроткие глаза, спросить себя: а во всём ли мы были честны, когда усваивали уроки истории в школе? И, может быть, не пафосно, не для «соцсетей», обратиться к ним как к живым и сказать что-то самое важное от сердца.

И снова — о времени и о «контрастах». Одни подходят к месту захоронения с уважением к памяти Анастасии Васильевны и Екатерины Адольфовны, а другие... Даже не знаю, какие слова-то подобрать, чтобы описать эту нашу «плюралистическую действительность». Ну, одним словом, некоторое время назад появились на этом месте некие «почитатели». Началось с пошловатых неуместных «подношений» — кто-то стал периодически приносить на надгробия бутылки вина, то запечатанные, то открытые. И, вот, буквально на днях, странная «фантазия» приобрела новое воплощение. К очередной бутылке с каким-то промокшим под дождем печеньем и оставленным рядом батончиком «Баонти» в измятой обертке добавились следы настоящего оккультного «ритуала»: поставленные полукругом прямо на надгробии Анастасии Гендриковой черные оплавленные и погнутые свечи, горкой уложенные грязные ломанные ветки, связка ярко-красных ниток и рассыпанные монеты.

В тот день я просто возвращалась из Успенского храма после Литургии. Подошла к могилам и увидела эти остатки то ли «чёрной мессы», то ли языческой тризны. Даже не сразу поняла, что это сделано намеренно. Первое впечатление — куча грязи. Однако свечи, имитирующие церковные, для того, чтобы они имели такой густой смоляной цвет, надо специально отлить...

Да, к сожалению, это далеко не единственное свидетельство о довольно пошлой псевдо-духовной ситуации в современном мире с «исканиями» окольных путей, скрытых «эзотерических» смыслов, стремлением (по совету «знахарок»)

избавиться от личных проблем при совершении неких магических «действий», и всё это с некими аллюзиями на тему церковных обрядов в пространстве, прилегающем к Церкви...

Кто бы они ни были, эти «поклонники» или «паломники в никуда»: «профессионалы»-окультисты, начинающие «маги-самоучки» или просто циничные «юмористы» из числа противников Церкви, решившие хорошенечко позабавиться, наблюдая со стороны за результатом провокации, хочется сказать им: «Не до-тя-не-теть, ребята!» Анастасия Васильевна и Екатерина Адольфовна пребывают там, куда ничто злое и скверное войти не может. Их душевная красота останется незапятнанной, их миру ничто не повредит. А грязь мы уберем, конечно, уберем спокойно, безбоязненно, нося на себе нательный Крест и осеняя себя крестным знамением.

Между прочим, рядом с местом захоронения установлены камеры наружного наблюдения. В данном случае обращение за помощью в органы охраны правопорядка вполне оправданно.

Зачем я об этом пишу? Не только для того, чтобы поделиться с братьями и сёстрами во Христе, но и для того, чтобы обратить внимание людей, жителей Перми, на то, что у нас в городе происходит. Зло не победить злом, его можно превозмочь только силой добра. И я надеюсь, что ответом на глупость, хамство и невежество — будут жесты человеческой доброты и участия. И, может быть, кто-то, проходя мимо, остановится на минуту у дорогих для нас надгробий для того, чтобы оставить у Анастасии Васильевны и Екатерины Адольфовны свежие цветы, которых они были лишены то последнее лето 1918 года, когда их содержали в тесной камере губернской тюрьмы здесь, неподалеку, в Разгуляе.

Дорогие друзья!

Не забудьте оформить подписку на «Молодую гвардию» на первую половину 2026 года. Наш журнал существует исключительно на средства, поступившие от подписки. Мы же со своей стороны обещаем вам на страницах «Молодой гвардии» новые интересные, острые материалы, которые не оставят вас равнодушными.

В электронном каталоге «Почта России» подписной Индекс «МГ»: П6410 — как для индивидуальных подписчиков, так и для предприятий и организаций.

В первом полугодии 2026 года редакция планирует выпустить следующие номера: №1-2, №3, №4, №5-6.

ПРОТУБЕРАНЦЫ

РАЗМЫШЛЕНИЯ И ВОСПОМИНАНИЯ

2025 г.
(Август)

Сколько же всяких иноагентов еще совсем недавно прямо-таки кишмя кишело на центральных российских телеканалах! И прежде всего — на главном, Первом канале, возглавляемом г-ном К.Эрнстом. Сколько их там было пригрето! А скорее всего даже не пригрето, а целенаправленно внедрено для вредительской деятельности. Казалось бы, руководство Первого канала за это русофобское внедрение должно было понести наказание... Но нет. Г-н Эрнст президентом Российской Федерации был награжден орденом «За заслуги перед Отечеством» всех четырех степеней, а в 2023 году Государственной премией России...

А сколько этих иноагентов было пригрето в российских театрах и российском кинематографе!

Но, видимо, самый вопиющий прецедент — с радио «Эхо Москвы», где засели наиболее отпетые русофобы и враги России. Почти весь штат этой радиостанции, как и ее постоянные гости, получили статус иноагентов. И в первую очередь ее бывший главный редактор А.Венедиктов. А против некоторых из них, сбежавших из страны, возбуждены уголовные дела. В 2022 году по требованию Генеральной прокуратуры эта радиостан-

ЗАМЕТКИ ПИСАТЕЛЯ

ция была отключена от эфира. Вскоре Венедиктов сбежал в Израиль. Но кто же финансировал эту вражескую клоаку? — Наш распухший от прибылей «Газпром» во главе с А. Миллером, большим другом одного очень известного человека.

Конечно, отношение к ним, будущим иноагентам, резко изменилось с началом Специальной военной операции, т.к. они сразу же проявили свое истинное нутро и публично или на интернетресурсах выразили свое вражеское отношение к России. Но не начнись СВО, они бы до сих пор торчали в российском эфире.

* * *

15 августа Путин и Трамп встретились на Аляске, на американской военной базе в городе Анкоридж. Этой встрече предшествовала большая информационная шумиха в российских СМИ, продолжавшаяся несколько дней накануне встречи и наполненная какими-то странными, неимоверно оптимистичными ожиданиями. Эксперты политических программ двух главных телеканалов соловьями заливались от радости в ожидании этой встречи.

И вот она состоялась. Да, были красные дорожки у трапов двух президентских самолетов, были рукопожатия и улыбающиеся лица двух лидеров великих государств. Был показанный по ТВ ажиотаж журналистов двух стран, прибывших на Аляску. Были закрытые переговоры в течение трех с половиной часов. Была затем совместная пресс-конференция, на которой, кроме дежурных фраз о важности этой встречи и добрых отношениях друг к другу, не было сказано ничего конкретного — ни слова о том, о чём удалось и не удалось договориться. И журналисты, и политики, и весь мир, следивший за этими переговорами, остались ни с чем, так и не узнали, для чего встречались два президента и что миру дала эта встреча.

Конечно, они о чём-то договорились. Но о чём — не сказали. Телевизионные эксперты, как наши, так и зарубежные, терялись в догадках, высказывали предположения, комментировали мелкие внешние детали слов, жестов, нюансов поведения переговорщиков во время пресс-конференции, пытаясь понять и сделать вывод: так кто же победил, кто оказался на коне и кто выглядел спокойнее и убедительнее. Как ни удивительно, и те и другие приходили к одному результату: спокойнее и убедительнее выглядел Путин.

Но было ясно и другое: в ближайшие дни ситуация прояснится — Зеленский и главы основных европейских (натовских) стран — придут в Вашингтон для разъяснения им позиции Трампа по отношению к украинской войне. То есть Трамп, по идее, и во что многие верили, должен будет объявить им то, о чём они с Путиным договорились в Анкоридже.

P.S. В то самое время, когда Путин и Трамп обменивались рукопожатиями и улыбками и вели трехчасовые переговоры, американские ракеты с украинской территории били по жилым кварталам Донбасса и других российских городов. А под Рязанью был взорван пороховой завод, в результате чего 25 человек погибли и более 130 были ранены.

* * *

Конечно же, пропагандистская эйфория в российских СМИ перед визитом Путина на Аляску выглядела, как обычно, неумно и слишком нелогично. Никогда встречи глав России (в том числе и СССР) и США не шли на пользу нашим национальным интересам. В лучшем случае эти визиты оказывались для нас ничемными, но гораздо чаще — были во вред. И от нынешнего визита лично я не ожидал ничего хорошего. Более того — не сомневался в наших предстоящих уступках укронацистскому врагу. Ради «прекращения войны» и ради того, чтобы понравиться Трампу. В твердость российской позиции на этих переговорах — не верилось.

18 августа Зеленский вместе с т.н. «европейскими лидерами» прибыли в Вашингтон. В тот же день состоялись их переговоры с Трампом. Российские СМИ подробно обсасывали эту встречу, поиздевавшись и над Зеленским, и над его европейскими покровителями, которые подобострастно слушали то, что им говорил Трамп, с внешними улыбками, но с внутренней ненавистью глядя ему в рот. И Трамп сказал им то, чего они ожидали: якобы он на Аляске договорился с Путиным, что до конца августа президент России должен будет встретиться с Зеленским для решения вопроса об окончании войны. То есть он якобы открыл то, что и от наших, и от западных СМИ до сего момента скрывалось.

Конечно, Трамп насмеялся над европейскими «гостями». Если даже такая договоренность у него с Путиным и состоялась, то это было далеко не всё, о чём они договорились на Аляске, и скорее всего это было не главным в итогах их переговоров. А вот в чём состояло это «главное», мы, видимо, узнаем еще не скоро...

Естественно, сама возможность встречи в ближайшее время президента России с нелегитимным «президентом», с «киевским клоуном», а точнее говоря, с жидобандеровским ублюдком и террористом по фамилии Зеленский, — у патриотов России и тем более у командиров и воинов, сражающихся на фронте, вызвала, мягко говоря, моральное недоумение. И если бы такая встреча действительно до конца августа произошла, она была бы ими не понята.

Кроме того, Трамп добавил, что темой переговоров на Аляске была также и безопасность Украины. В чём должна была заключаться эта безопасность — он не уточнил. Ну и сказал еще, что вполне возможен обмен территориями воюющих сторон.

Вернувшись в Европу, западные «лидеры» в беседах с журналистами как раз и начали в первую очередь обсуждать «гарантии украинской безопасности». И сходились на том, что для этих «гарантий безопасности» на территорию Украины должен быть введен контингент западноевропейских, естественно, натовских, войск. А Зеленский уже из Киева начал вновь верещать, что никакого обмена территориями быть не может. Это, конечно, нам только на пользу, что он так верещал. Но посмотрим, как он запоет через месяц, через два.

Никаких обменов территориями, как считают все нормальные русские люди, быть не должно. Хочется верить, не для этого гибнут наши солдаты в Харьковской, Сумской и Днепропетровской областях. Но аляскинские переговоры всё же не могут не вызывать тревогу...

И всё-таки хотя бы один положительный «нюанс» из всей этой переговорной эпопеи из уст Трампа прозвучал. В Вашингтоне 18 августа он произнес крамольную для своих западных «партнеров» фразу: «Нам придется согласиться с тем, что Крым принадлежит России и назад на Украину уже не вернется». Как говорится, спасибо, Дональд Фредович, и на этом! Через 11 лет дошло наконец.

* * *

21 августа Сергей Лавров сделал заявление в ответ на решение европейских властных воротил отправить на Украину т.н. «миротворческий контингент» в качестве главного условия «гарантий украинской безопасности». Ясно, как Божий день, что этот «контингент», по плану евромудрецов, должен состоять из натовских войск. Кроме того, Франция, Германия и Англия хотели бы разместить свои боевые самолеты в Румынии, для контроля над украинским небом. (Кстати, США отказались участвовать в этой аванюре.) Наш министр иностранных дел четко и ясно сказал, что эти европейские намерения для России неприемлемы. И что безопасность Украины не может быть решена без учета и условий безопасности России. А без решения вопроса безопасности России война на Украине не остановится. И любой т.н. «миротворческий контингент» без одобрения его Советом безопасности ООН есть не что иное, как интервенция.

В тот же день Зеленский опять выкнул о том, что никакие области Донбасса не могут быть переданы России. Что ж, пра-

---

вильно сказал. Если они не могут быть *переданы* России, значит, они будут *освобождены* Россией. Причем совсем скоро.

«Коалиция желающих», как сама себя назвала евросоюзская камарилья, точит ножи в своей мечте нанести поражение России и русским. Особенно цинично и нагло добиваются нанесения вреда нашей стране две высокопоставленные в Евросоюзе женщины: бельгийка Урсула фон дер Ляйен, глава Еврокомиссии, и эстонка Кая Калас, верховный представитель Евросоюза по иностранным делам. Эти две мегеры спят и во сне видят уничтоженную санкциями и германскими танками необъятную Россию. Неонацистское сознание Европы проснулось и заявило о себе во всей своей «красе». Изменить это ее сознание мирным путем уже вряд ли получится. Пришла пора ставить ее на место, чтобы она, как 80 лет назад, из «коалиции желающих» вновь стала коалицией дрожащих и плачущих.

* * *

23 августа пресс-секретарь президента Дмитрий Песков на вопрос журналиста по поводу встречи Путина и Зеленского ответил так: «Эта встреча может состояться, но она должна быть тщательно подготовлена. В ближайшее время таковая в планах президента России не предусмотрена». Вот и получается, что Трамп, как обычно, попусту трепал языком, т.е. просто врал журналистам 18 августа об этой встрече до конца августа. А может, просто ситуация меняется на глазах вместе с ситуацией на поле боя (в нашу пользу) и вместе с вяканьем Зеленского о невозможности уступок России донбасских областей. И в Кремле, слава Богу, решили, что встречаться с нелегитимным упёртым зеленцом не имеет смысла. Как бы там ни было, но всё-таки мое сомнение в твердости российской позиции на переговорах с Трампом несколько развеялось...

* * *

После вторжения Наполеона Россия в 1814 году разгромила Францию и вошла в Париж. Мы, русские, не стали разграблять, поголовно уничтожать французов и превращать их в рабов. Мы увели свои войска из Парижа. Через 41 год Франция вновь напала на Россию в союзе с Англией, устроив нам Крымскую войну и разрушив Севастополь.

В Первую мировую войну была повержена Германия — в том числе огромными усилиями России, хотя через октябрьский переворот 1917 года нам не дали воспользоваться лаврами и плодами той Победы. Разгромленная и разоренная

Германия заплатила странам-победительницам (без России) огромную контрибуцию. Но через 21 год она начала Вторую мировую войну, а еще через два года напала на СССР. На наших оккупированных территориях германские вояки поголовно истребляли население, а оставшихся в живых людей угоняли в рабство.

В 1945 году Германия вновь была повержена и разгромлена. И вновь заплатила огромную контрибуцию. Но через 80 условно «мирных» лет восстановленная, объединенная и вооруженная американцами Германия снова грозит России войной.

Выводы вытекают сами собою.

В 1992 году по указу предателя Горбачева из Германии были выведены советские войска. Как мы видели, она только этого и ждала, чтобы начать вооружение и восстановление своей армии. И вот теперь ее новый канцлер уже открыто, прямо и нагло призывает к новому походу на Россию.

Повторяю, выводы вытекают сами собой.

В будущем все страны Европы, входившие в блок НАТО, должны быть **навсегда** лишены своих армий, вооружений и военных производств. Любая пропаганда войны на их территориях должна мгновенно пресекаться самым жёстким образом. То есть в будущем **во всех бывших натовских странах должна быть проведена демилитаризация**. А там, где какие-то организации или группы людей начнут проявлять недовольство этим и желание повоевать, — провести жесткую **денацификацию**. И время от времени в этих странах нужно будет показывать по телевизору документальные кадры о германских нацистско-фашистских концлагерях. Чтобы не забывали.

* * *

Удивительно, в субботу 30 августа, я опубликовал предыдущую заметку на своей странице «ВКонтакте». А уже в воскресенье 31 августа в телепрограмме «Вечер с Владимиром Соловьевым» его гости через одного кинулись повторять эту мысль — о демилитаризации и денацификации Европы. Причем некоторые фразы из моего текста произносили прямо дословно. И про Францию с Германией, которых мы разгромили и которые опять на нас точат зубы, тоже не забыли сказать. Так что читают они нас, читают!..